

АКАДЕМИЯ НАРОДНОЙ ЭНЦИКЛОПЕДИИ

**МОЯ ОТЧИЗНА:
ИЗБРАННОЕ – 2025**

**Москва
Издательство «Перо»
2025**

УДК 9
ББК 72я43
М87

*Материалы публикуются в авторской редакции.
Ответственность за оригинальность опубликованных работ
и достоверность приводимой в них информации несут их авторы*

**М87 МОЯ ОТЧИЗНА: ИЗБРАННОЕ – 2025 / Ред.-сост. Сарчин Р.Ш. – М.:
Издательство «Перо», 2025. – 218 с.**

ISBN 978-5-00244-053-5

Данное издание является сборником избранных работ участников мероприятий, проводимых в рамках реализации Международного издательского проекта «Академия народной энциклопедии».

Статьи в сборнике расположены в алфавитном порядке – по фамилиям их авторов.

УДК 9
ББК 72я43

ISBN 978-5-00244-053-5

© Авторы, 2025

Калейдоскоп воспоминаний Тайсона Ренатовича

Теплые мысли сладкой кашей томятся в моей голове. Приоткрываю правый глаз. В узкую щель, которая разрешила кашу мыслей, виднеется большой кот-красавец, развалившийся на стиральной машинке. Я вижу себя в зеркале ванной комнаты. Я умный кот, и я знаю, что это Я. Я счастье, я подарок судьбы, я самый главный питомец своего хозяина. Я Тайсон Ренатович. Так ко мне обращаются, когда вызывают к совести моей кошачьей. Почему Тайсон? Мой маленький хозяин занимался боксом и, видя, как я классно дерусь, назвал Тайсоном. Наверно, это какой-нибудь боксерский Бог. Почему Ренатович? В нашем доме все дети и питомцы Ренатовичи, поэтому и я Ренатович. И вот сейчас лежу я на теплой стиральной машинке и вспоминаю про старые добрые времена.

Хозяйка загрузила машинку и поставила стирку. И вот оно, под равномерный гул стиральной машины, – воспоминание первое. ...Забрали меня от моей семьи: двух братьев и родителей, живущих в квартире. Это было довольно страшно, но и удивительно. Меня закутали в теплое одеяло и повезли на коробке с колесами. И куда меня повезли? Я даже представить боялся. Вскоре тряска прекратилась, и я оказался в светлой уютной комнате. Долго не раздумывая, я обнюхал новое место жительства и запомнил запах хозяина. Обошлось... Мне дали попить молока, положили на кресло, на мягкую подушечку, после чего я заснул крепким сном.

Вечером пришли гости. В подарок мне принесли заманчивые игрушки и лакомства. Теперь у меня есть все, что нужно для полноценной жизни счастливому коту. Так я провел свой первый день в этом доме.

Машинка бодро пошла на отжим. Воспоминание второе. Через недельку после моего прибытия хозяева завели каких-то толстых пушистых мячиков на коротких ножках, говорят, хомяков. Они проживали в клетке. Когда хозяева отъезжали из дома, приходилось присматривать за неуклюжими зверьками. Эти животные могли пройти через решетку и залезть в какую-нибудь трубу или убежать из комнаты. Естественно, я их вытаскивал из беды, а то погибну, несмышленные. Однажды даже в подвал спустились по лестнице дома. Я принес беженца к хозяину, за что мне дали вкусного корма.

Я воспитал хомячков спокойными, заботливыми и добродушными. Пусть живут!

Машинка пошла на полоскание. Важный этап стирки! Вода... Воспоминание третье. Семья поставила елку и накрыла праздничный стол. Что же это значит? Шары, гирлянды, мишура и красная звездочка манят меня. Я не мог не скинуть все сразу, я бы себе не простил. Я прыгнул на блестящую звезду и вместе с наряженной елкой свалился на праздничный стол. Долго не думая, я спрятался за диван и удивлялся произошедшему. Весело получилось!

Переходим на слив воды. Сейчас выжимать начнет. Ох, потрясет. Воспоминание четвертое. ...Меня часто выгуливают в саду, и мне там нравится. Выпускают на свободу и уходят на работу, что мне не мешает устроить небольшой

переполох. Ко мне прибежал сосед – кот Барсик, и мы вместе ловили птичек и наслаждались запахом цветущих пионов. Мы побеседовали о нашей беззаботной жизни, и он пошел к хозяйке.

Моя жизнь состоит из отдыха и приключений. Залез я на елку во дворе, и сидел там, пока не появился хозяин. Вечером, вернувшись с работы, он сразу же пошел в сад меня проведать.

Когда он понял, что я потерялся, начал кричать на всю улицу. Ходил на озеро, искал в сарае, кликал у соседа и даже принес миску с молоком. Он кружился возле ели, но не смотрел вверх. Когда он потерял надежду меня отыскать, я прыгнул ему на спину, и он стал ласкать меня и поднес к миске с молоком. После всего этого я лег на теплый ковер и заснул богатырским сном.

Будет ли второе полоскание? Хозяйка любит дважды полоскать. Значит, будет. Вооот! Пошла водичка... Воспоминание пятое. ...В спальне хозяина стоит какая-то лестница. Как я понял, называется она «шведская стенка». Почти до потолка, с канатом и турником. Люблю на нее забираться и наблюдать сверху за трудолюбивым хозяином: то пыль протирает, то книги читает, то растения поливает и даже прыгает на скакалке. Часто запрыгиваю туда, когда в гости приходят маленькие надоедливые дети, это единственное место, где меня не достанут. Со шведской стенки очень весело прыгать на кровать: она располагается прямо под спортивным снарядам, и, когда я прыгаю, мне очень мягко и удобно приземляться. Были случаи, когда было тяжело устоять, тогда я приземлялся на передние лапы и переворачивался по полу. Это достаточно больно, но моя кошачья жизнь не имела бы значения без веселья и приключений.

Та-а-а-к, кажется, переходим на последний этап стирки. Сейчас потрясет. Воспоминание шестое. ...У меня появились друзья, живущие под водой! Острые когти, выпуклые глаза и панцирь на все тело. Странные животные: причудливая пища в виде опарышей сушится на островке и булькает, когда я стараюсь заснуть. К ним не подойдешь, они живут под моим главным врагом – холодной водой. Последнее, что остается мне делать – это смотреть за пловцами из-за стекла. Любимое их занятие – прыгать с бортиков в воду и плюхаться так, что на меня летят брызги воды. Кинусь я на стекло, а они засунут голову в панцирь и отплывут. Я по-разному стараюсь их достать и устроить приключения... ведь я кот!

Итак, переходим на этап сушки. Пошел теплый воздух – и воспоминание седьмое... Хозяева завели маленькую собачонку, такую милую и надоедливую. Серая шерсть, грудка темная, пушистые лапки, и мордочка похожа на медвежью.

Мне стало интересно, что за конкурент появился в нашей семье. Я подошел к клетке и обнюхал место жительства. На меня сразу же набежала собачка и начала запрыгивать на спину. Особенно больно было, когда она меня кусает за хвостик или за уши. Хозяева запретили мне кусать и царапать Бертю, но инстинкт не подлежал воспитанию, я отталкивал лапой собаку, чтобы не мешала спать. Но в последний раз я оттолкнул слишком сильно... Что же скажет хозяин? Он может выставить за дверь на трескучий мороз или не пускать на теплый диван. Я был в ожидании...

Когда хозяин вернулся с работы, мне стало стыдно. Я спрятался за кресло и поглядывал. Собака не старалась показать ушиб и даже не визжала. Она терпела боль ради меня, а я даже не извинился. В качестве извинения я принес вкусную кость. Собака потерлась об ногу, а потом мы стали играть в догонялки. Так я понял, что собаки – добродушные животные. Так могут поступать только настоящие друзья.

Дернувшись в последний раз, машина затихла. Все, хозяйка, я закончил стирку, можешь меня угостить. Тайсон Ренатович готов принять положенную порцию ласки, вкусняшек и признаний «какой ты молодец!» Я понял, что жизнь кота беззаботная, веселая и смешная. Без меня бы некому было поднять настроение, создать домашнюю атмосферу и съесть утку со стола. Советую остерегаться людей, которые не любят котов. Я продолжу свой сон на стиральной машинке. Мяу!

*Алтухова Ирина Дмитриевна
Белгородская область*

Страницы фронтового дневника радиста Григория Холтобина

В Губкинском краеведческом музее хранится обширная коллекция фотографий, документов, писем и воспоминаний земляков – участников Великой Отечественной войны. Среди них особое место занимает фронтовой дневник Г.А. Холтобина (1918 – 1993), который передал в музей его сын В.Г. Холтобин, ветеран Военизированной горноспасательной части Юга и Центра.

Григорий Арсентьевич Холтобин родом из с. Верхнее Атаманское Старооскольского района Белгородской области. На фронте с первых дней войны. Служил начальником радиостанции 223-го отдельного батальона связи 111-й стрелковой дивизии. Участвовал в Курской битве, в освобождении южной Украины и Молдавии, в боях на территории Румынии, Польши и Германии.

Свою первую медаль «За боевые заслуги» Григорий Холтобин получил во время Курской битвы. В бою за д. Шевченко он вместе с группой пехоты зашел в тыл противника и под ураганным огнем передавал командованию сведения о ее действиях. Благодаря безотказной радиосвязи она смогла с честью выполнить боевую задачу. Орденом Красной Звезды награжден летом 1944 г. за бои севернее города Яссы (Румыния). Он постоянно находился на наблюдательном пункте командира дивизии. Из-за отсутствия проводной связи ему пришлось поддерживать бесперебойную радиосвязь с полками в условиях ожесточенных атак пехоты и танков противника. Также награжден медалью «За победу над Германией» (1945 г.) и орденом Отечественной войны II степени (1985 г.).

Первые разрозненные записи в дневнике Г.А. Холтобин сделал в марте 1945 г. в городе Лигниц (Нижняя Силезия). Это стихи и подписи к фотоснимкам однополчан (всего их в дневнике 23). В апреле записи становятся регулярными. Последняя дата – 12 мая 1946 года – день демобилизации. Простым карандашом на страничках немецкого ежедневника он делится впечатлениями о польских, чешских и советских городах, бегло описывает эпизоды последних

боев и мечтает о возвращении домой. Но основная часть записей о повседневной жизни. И, как подавляющее большинство фронтовиков, Холтобин жаждет любви или хотя бы мимолетной женской ласки.

Отрывки из фронтового дневника Г.А. Холтобина

2 апреля: Сегодня катался на веломашине в парке. Познакомился с одной девушкой. Имя ее Люба, работает в госпитале недалеко от нашей квартиры.

3 апреля: Сегодня в парке учил Аню кататься на веломашине. Весело быть вдвоем с девушкой. Обнимаешь, целуешь. Хотя в эти минуты забудешь о суровой и тяжелой военной жизни. Аня – хорошая, простая девушка.

4 апреля: Был на концерте в госпитале 1112. Ставили наши дивизионные артисты. Программа новая, довольно-таки забавная.

5 апреля: Вечером Генерал (*генерал-майор Ю.И. Соколов*) сообщил, что немцы применили отравляющие вещества на одном из участков 2-го Украинского фронта. Это начинается химическая война.

6 апреля: Хозяина (*генерал-майора Ю.И. Соколова*) срочно вызвали в штаб армии. Числа 11 апреля мы должны отсюда тронуться в путь. Скоро начнутся «дни золотые». Задача стоит перед войсками весьма сложная.

8 апреля: Сегодня сходили в одно место с Митей. Достали пива бутылок пять. После начали фотографироваться. В семь вечера проехали по парку. Наверное, скоро придется прощаться с парком и остальным, что окружает.

9 апреля: Сегодня Генералу исполняется 49 лет. День рождения отметили хорошо. Много было народу. Крепко выпили и погуляли на славу (*в дневнике помещена фотография праздничного застолья*). В 11-00 уезжаем из этого города. Прощай Лигниц. Прощай парк. Прощайте, все знакомые девушки.

12 апреля: Сегодня получил письмо от родителей. Пишут, что живут пока хорошо. Получили мою посылку.

13 апреля: Прибыли в район сосредоточения. Артиллерия стала на огневые, ведет пристрелку. Я сегодня занялся приведением радиостанции в готовность для работы. Поставил новое питание, заменил лампу 242.

15 апреля: Получил два письма от девушек. От Ани и от Марийки. Все ждут со скорой победой домой. Завтра должны начать прорыв.

16 апреля: Приехали на наблюдательный пункт. Противник от нас находится в 1,5 км на западном берегу реки Нейсе.

Получил от Клавы Чесниковой письмо. Это сестра моего лучшего друга покойного Ванюшки. Она пишет, что мое письмо получили, в котором я сообщал о смерти Ванюшки. Благодарят меня за сообщение.

17 апреля: За день наступления мы продвинулись километров на 10. Противник оказывает упорное сопротивление. Сегодня разов 8 переходил в контратаку при поддержке от 10 до 20 танков и до 2-х батальонов пехоты.

18 апреля: Сильные бои идут справа и слева от нас примерно на 15 км. Мы находимся в лесу в 4 км от передовой. Живем в блиндажах.

19 апреля: Написал письмо Клавдии. Конечно, письмами не успокоишь. Но все же как-то легче переносится горе, когда кто-то с тобой его разделяет.

21 апреля: Авиация все время висит в воздухе. Часто завязываются воздушные бои. Авиация противника делает налеты на боевые порядки правого соседа, бомбит и обстреливает переправу.

23 апреля: Под вечер обнаружено движение войск противника с востока на запад. По-видимому, противник подбрасывает войска на оборону Берлина. До соединения с союзными войсками осталось 50 км.

25 апреля: Сегодня узнал, что мой наградной материал вернулся неутвержденным. Я считаю, что это произошло по случаю моего скандала с начальником отдела кадров. Он или продержал его у себя, или в армии что-либо сказал. Но ничего, я на счет этого попробую поговорить с Генералом.

26 апреля: Противник задумал сделать какую-то каверзу. Целую ночь пускает коров через передний край на нашу сторону: по-видимому, с целью выявления минных полей нашей обороны и огневых средств. Посмотрим, что он предпримет днем, а сейчас идет оживленная ружейно-пулеметная стрельба.

27 апреля: Сегодня появился над нами немецкий самолет нового типа. Говорят, что он приводится в движение от ракетного двигателя. Сегодня передали по радио, что войска 1-го Украинского фронта соединились с войсками союзников в районе Торгау в 13 ч. 30 минут.

29 апреля: Сегодняшний день особенно богат слухами разного рода. Сообщение о гибели Геббельса и о тяжелом ранении Гитлера, о том, что Муссолини попал в плен к союзникам, а Геринг обратился к союзникам с согласием о полной капитуляции Германии.

1 мая: Вот он и май пришел. Конечно, на родине парни и девушки встретили и провели его не так, как мы здесь. Нечего и удивляться, как можно по-другому праздновать его, если у тебя шинель на плечах. Только не угасает надежда на хорошее будущее, этот май должен быть последним военным маем. Вернемся на родину, за все упущенные годы войны отпразднуем.

4 мая: Был на концерте, который ставили наши дивизионные артисты. Особенно произвели хорошее впечатление джаз и клоунада.

6 мая: Началось наступление. Командный пункт мы сменили.

7 мая: В час ночи смотрели кинокартину «Свадьба» по Чехову. Наше наступление развивается успешно. В 2 часа овладели городом Герлиц. А через час Генерал сообщил, что Германия капитулировала перед союзными войсками. Даже не верится, что эта проклятая война кончилась. Сердце переполнено радостью только от одного слова «Конец войны».

8 мая: Да, война с Германией окончена. Мы сейчас идем маршем на соединение с союзными войсками. Вчера в семь вечера вступили на территорию Чехословакии. Здесь мирные жители встречают нас радушно.

9 мая: Встреча с чехословацким народом частей Красной Армии вылилась в праздник солидарности и дружбы. Нет ни одной остановки, где бы к машине не собрался народ, начиная от двухлетнего ребенка и заканчивая 70-летними стариками. Все они хотят, чтобы русский солдат принял от них какой-либо подарок. Каждый жмет руку и целует.

11 мая: Стоим в городе Нимбурк. Вечер прошел замечательно. Выпили с ребятами. Познакомился с дочерью хозяина квартиры. Имя этой девушки Ди-

буша. Очаровательная она девушка. Местность здесь холмистая, вся в зелени. Это тянутся предгорья Карпат.

12 мая: Ходил на реку Эльба. Покупался, постирал обмундирование. В общем, день прошел на хозяйственной работе.

13 мая: Под вечер ходили в пивную с Митей. Выпили по три бокала пива, грамм по сто пятьдесят водки. Красиво расположена пивная. Из ее окон видна Эльба. Вечер провел с девушкой. Смешно, как она говорит русские слова.

18 мая: Начинаем переходить на лагерную жизнь.

22 мая: Третий день подряд идет дождь. Ребята в шалашах начинают уже заболеть малярией. Черт его знает, зачем загнали в болото?

25 мая: Полдня провел на охоте. Шатался по лесу. Много здесь всякой дичи, особенно зайцев и диких коз. Но убить не пришлось ничего. Да что можно убить из пистолета?

26 мая: Слышал, но неофициально, что некоторые соединения движутся на восток. Неужели завяжется война с Японией.

30 мая: Генерал в 5 часов вернулся из штаба армии, собрал комсостав, поставил задачу. Предполагаю, что поедем в Россию.

5 июня: Сейчас стоим примерно в 25 километрах от города Герлица. В Германии нас уже встречают не так, как в Чехословакии. Тут при появлении русского солдата стараются скорее спрятаться и закрывают комнаты.

7 июня: Мы идем по следам нашего наступления. Города разрушены на 75%. Много здесь русского и украинского населения, которое было угнано немцами на работу, а также очень много французских военнопленных.

12 июня: Прошли город Ельс (*сейчас – Олесница*). По дороге встречается много скота. Гонят в Россию. А также наблюдается движение эшелонов, груженых разным оборудованием.

16 июня: Перешли польско-германскую границу. Сразу стали встречаться дома, крытые соломой, да и устройства хозяйств совершенно не такое, как в Германии. Все понемногу начинает напоминать Россию.

26 июля, 6 часов утра: Перешли польско-советскую границу. Нужно сказать, что некоторые страны по культурному развитию далеко ушли от России, но вряд ли кто из русских остался бы жить в этих странах. Родина тянет, как стрелка компаса к северному полюсу.

29 июля: Мы стоим в лесу примерно в 8-9 км от Львова. Я с друзьями пошел в город. Пошатались по базару. Все очень дорого, но продуктов достаточно. Город сейчас выглядит неважно. Есть здания разбитые или без стекол, с побитой штукатуркой. Станция завалена железом, битыми танками, разным оборудованием.

9 августа: 9 мая праздновали победу, а сегодня опять началась война – с Японией. Теперь не придется рассчитывать, что в 1945 году демобилизуют. Как бы в скором времени не пришлось ехать на восток.

29 августа: Сегодня выехали на прочистку лесов от бандеровцев.

31 августа: Второй день продолжается прочистка лесов. Результаты пока не известны. Вчера было обнаружено несколько человек, которых задержали.

2 сентября: Слушали выступление тов. Сталина. Япония полностью капитулировала. Теперь можно вздохнуть полной грудью и сказать: мы победили. На Западе и на Востоке. Смотрели кино «Музыкальная история» в городском кинотеатре. После кино выпили с ребятами в честь победы.

13 сентября: Сколько ни стояло трудностей, но все же отпуск взял.

17 сентября: Сегодня прибыл в родной дом. Как радостно встретили родители и знакомые после трудной и долгой разлуки. Сколько вселила радости в сердце эта встреча. Мои, однако, сильно постарели, особенно папа. Годы войны, болезнь, потеря сына. Вот что измотало моего любимого отца.

20 сентября: Знакомился с обстановкой. Условия жизни тут плохие. В деревне (*Верхнее Атаманское*) стало просто дико, да и в городе (*Старый Оскол*) нисколько не лучше. Все развалено, разрушено. С Аней придется закончить. Увлекают другие девушки, которые несколько моложе, да и поинтереснее. Она довольно-таки застенчиво держит себя. С сегодняшнего вечера больше к ней не подхожу. Все, хватит. Надо провести отпуск весело.

6 октября: Вот он и закончился отпуск. Провел дома 17 дней.

7 октября: Еле-еле дотащились от ст. Валуйки до Харькова за 13 часов. Все разрушено, идет дождь. Неужели за три года нельзя было построить хоть какой-либо приют для пассажиров. Как все это туго восстанавливается.

3 ноября: Выехали с группой человек 40 на задание по ликвидации банд в Бобрском районе (*Львовская область*).

8 ноября: Сегодня принесли самогону, выпили понемногу и этим отметили 28-ю годовщину Октябрьской революции.

25 декабря: Получил первое за 5 лет письмо от брата Федора. Приближается время демобилизации. Теперь возникает вопрос: или остаться на год сверхсрочно, или демобилизоваться.

7 января 1946 года: Сегодня в деревне (*Суходол*) праздник. Были в одном доме в гостях. Немного выпили, закуска была очень хорошая. В общем, день прошел хорошо. За праздник кое-где немного пошухарили.

30 января: Получил письмо из дома. Печальное известие сообщила сестра. 10 декабря 1945 года умер отец. Как хотелось бы мне услышать последние прощальные слова из уст отца.

2 февраля: Вечером выехал со станции Львов домой в отпуск.

6 февраля: Сегодня из Харькова до Валук ехал не менее 12 часов. Просто не могу понять, почему так плохо движутся поезда.

18 февраля: Вот и прошел отпуск. Сейчас повеселело в деревне. Сегодня ожидаю поезда. Пора ехать в часть.

12 марта: Сейчас началась сессия Верховного Совета. Возможно, будет решение в отношении демобилизации.

15 марта: Прошло 11 месяцев, как кончилась война. Это передышка от 2-й мировой войны к третьей. Речь Черчилля в г. Фултоне всецело направлена на открытие войны против СССР. Теперь мысль о скором возвращении домой к мирному труду потеряла всякую надежду.

24 марта, м. Куликовово Львовской области: За эту декаду прошли очень важные политические события. 20 марта вышел Указ Президиума Верховного Совета СССР о демобилизации шести возрастов.

30 апреля, Львов: 28 апреля праздновали 4-ю годовщину дивизии. День прошел весело, но 1-е Мая пройдет невесело потому, что придется нести почетную вахту, а 2-го мая выезд в летние лагеря.

12 мая 1946 года: Прощальный день. Подходит к концу моя шестилетняя служба в армии. Душу наполняет радость и горе. Радует, что стану гражданским, встречусь с родными. Волнует очень многое. Сейчас в памяти встают боевые товарищи и пути войны. И вот со всем этим я должен проститься. Не менее волнует и будущая моя жизнь. А будущее покрыто мраком, радостного и яркого ничего не вижу перед собой. Знаю только лишь одно, что встречусь с горем, бедностью и лишениями.

После демобилизации Г.А. Холтобин возвратился в родное село и много лет работал в колхозе «Россия» Старооскольского района сначала бригадиром, затем парторгом. Женился на односельчанке. Вместе с супругой Еленой Сергеевной они вырастили двоих сыновей и помогали воспитывать внуков. Выйдя на заслуженный отдых, Г.А. Холтобин переехал к сыновьям в город Губкин.

*Архипова Анастасия Ивановна
Рук. – Андросова Наталья Ивановна
Белгородская область*

Человек-легенда: Александр Филиппович Андросов

Подвиг может совершить каждый, все зависит лишь от самого человека. Вспомним Великую Отечественную войну. В это тяжелейшее время мужество и отвагу проявляли как люди как на фронтах, так и в тылу. Примером этому может послужить Александр Филиппович Андросов, один из наших героев-земляков, проявивших храбрость и любовь к Родине.

А. Андросов родился в 1917 году, учился в Беломестненской школе. Отличник учебы, дисциплинированный, энергичный, трудолюбивый, хороший общественник. Трудолюбие и настойчивость – отличительные черты в характере Саши Андросова. Был он учеником в тракторной бригаде. Комсомольцы села Беломестного избрали Сашу своим вожаком.

Наступил грозный 1941 год. Немецкие захватчики напали на нашу Родину. Саша рвался на фронт и тяжело переживал, что по состоянию здоровья ему неоднократно отказывали. Враг приближался к селу Беломестное. Александр Андросов вместе со старшими товарищами эвакуировал вглубь страны машины и оборудование.

«Буду бороться в тылу», – решил он. Фашисты убивали мирных жителей, всех тех, кто противился установлению «нового порядка». В селе Петропавловка немцы расстреляли семерых колхозников. Вечером враги прибыли в Беломестное.

Декабрьская ночь. Почти до рассвета находился в засаде Александр Андросов. Он пристально следил за немецкими часовыми, которые охраняли ко-

нюшню. Мучительно долго тянулось время. Мороз пробирал до костей. Стало трудно лежать в засаде, но Александр ждет. Вот оба часовых сошлись, видно, как они о чем-то толкуют, затем направляются в хату. Одно мгновение – и околеченными от холода руками Саша облил бензином стены конюшни, подпер двери и торопливо чиркнул спичкой. Яркие языки пламени охватили конюшню. Немцы бросились спасать свое хозяйство, но было уже поздно: огонь уничтожил 86 лошадей, 2 автомашины, много боеприпасов.

Утром к сгоревшей конюшне согнали мужчин, подростков, детей и убежденных сединой стариков. «Если виновник не будет найден, каждый десятый будет расстрелян», – кричал комендант. Заложников заперли в вокзальном здании. И вот один из жителей, Иван Сотник, выдал немцам комсомольца. Александра арестовали. Два дня его пытали, требовали признаться, назвать имена своих товарищей. Враги не добились ничего.

Мысли о побеге все время не покидали Александра. С трудом он разрушил железные прутья в окне. Но предатель Иван Сотник, живший напротив здания вокзала, обнаружил, что с окном что-то неладно и донес коменданту.

Александра снова избили и еще крепче забили окна. Утром жителей Беломестного опять согнали к месту пожара. Избитый до крови, Александр Андросов гордо шел к виселице...

«Мама, дорогая!» – крикнул он. Односельчане выдвинули вперед почти потерявшую сознание старушку.

«Не плачь, дорогая мамочка, – проговорил Александр. – Все, кто жив, отомстят за меня!»

Гитлеровец ударил его автоматом по голове. Писарь комендатуры торопливо прочитал приговор. Александр что-то хотел крикнуть, но не успел – палач выбил из-под него табуретку, и петля захлестнула шею патриота. Труп Александра три дня висел на виселице: фашисты запретили хоронить комсомольского вожака.

Родина не забыла о подвиге комсомольца. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 18 июля 1946 года Андросов Александр Филиппович посмертно награжден орденом Отечественной войны I степени.

Имя А. Андросова носила пионерская организация Беломестненской неполной средней школы. Его имя в 1983 году было присвоено улице села Беломестное, на которой он родился, а к 60-летию Победы на доме, где родился и вырос А. Андросов, открыта мемориальная доска.

Андросова Валентина Павловна, племянница Александра Андросова, вспоминает: «Мой дядя Андросов Александр Филиппович жил вместе с нами. Когда началась война, я была еще маленькой, но все хорошо помню. Он был комсомольцем. Многие уходили в тыл, гнали колхозный скот, чтобы не оставаться в оккупации, потому что слышали о жестоких расправах. Бабушка говорила, чтобы уходил и он, но он не послушался. Помню, как в село пришли немцы, и мы очень боялись их. Осенью 1941 года у нас в селе стоял целый отряд, в конюшне около вокзала были поставлены их лошади. Мы жили недалеко от вокзала, и я хорошо помню, как поздно вечером или ночью в окно кто-то стучал, и дядя Саша уходил. Бабушка плакала и не пускала его. Однажды но-

чью после его ухода из нашего окна мы увидели пожар. Это горела конюшня. На следующий день немцы согнали всех мужчин в вокзал. Там был и дядя Саша. После казни немцы не разрешили нам похоронить его, и мы до сих пор не знаем, где его могила. Нашу маму забрали в комендатуру, мучили три дня, а потом отпустили. Через неделю она умерла. Нас же немцы выгнали из дома, мы ходили по селу, но никто нас не пускал – боялись немцев. Не знаю, как мы жили».

Я считаю, что подвиг Александра Андросова можно назвать бессмертным, так как жители села Беломестное хранят память о нем и считают его своим героем. Страшно подумать, сколько бы людей погибло, если бы в них были направлены снаряды, уничтоженные комсомольцем Александром Андросовым!

Я проводила экскурсии в нашем школьном музее, не раз упоминала о его поступке в своих творческих работах. Но я никогда не перестану удивляться мужеству и храбрости нашего отважного земляка, нашего героя, не пожалевшего своей жизни ради того, чтобы жили другие.

*Багаутдинова Гульнара Раефовна
Республика Татарстан*

История одной семейной реликвии

Мою бабушку зовут Магиба. По профессии она учитель. Всю свою жизнь посвятила воспитанию и обучению детей. Она не читает нам наставлений. Родители, опираясь на жизненный опыт своих бабушек и дедушек, рассказывают о том, что с ними произошло. Вот и на этот раз, когда мы приехали в деревню, чтобы навестить бабушку, она рассказала нам одну поучительную историю.

Бабушкин сундук до сих пор хранится в деревне. А каких только сокровищ там нет! Одно из них – запоминающееся ожерелье, оставшееся от бабушки по материнской линии. История этого ожерелья очень поучительна и печальна. Мы слушали рассказ бабушки с открытым ртом, записывали его на видео. Сейчас предлагаем вашему вниманию этот рассказ.

Наша прабабушка рано осиротела. Ее взяли к себе в семью бездетная семья муллы. Мулла, будучи молодым, учился в медресе города Уфы. Ахтям-хазрат был выходцем из Кушнареновского района. После окончания им медресе в 1901 году Ахтям-хазрат и Хадия-абыстай поженились. И отправляют их служить в медресе, расположенное в мечети села Верхний Табын Муслюмовского района. Детей в этой семье не было. Во время голода 1921 года у прабабушки Амины сначала умер отец, а затем и мать. Прабабушка Амина осталась сиротой вместе с младшим братом Габдулхаем. Когда Амина стала девочкой, Ахтям-хазрат взял ее на воспитание, чтобы она помогала по хозяйству. Брата Габдулху забрала другая семья. Жизнь его была коротка. Габдулхай прожил недолго, умер от голода и холода, болезни. Рассказывая об этих событиях, бабушка Магиба постоянно плачет, жалея свою мать и ее младшего брата. Моя прабабушка Амина тоже не видела у Ахтям-хазрата хорошей жизни. То ли из-за отсутствия детей, то ли из-за голода в Поволжье, Хадия-абыстай обладала суровым, сухим характером. Однажды она дала прабабушке Амине прокисший

суп. «Абыстай, суп прокис», – сказала прабабушка Амина. Абыстай ответила: «Если не хочешь умереть с голоду, то будешь есть». И ударила бабушку по лбу большой деревянной ложкой. Потекла кровь. Вечером из медресе вернулся Ахтям-хазрат. Он удивился, увидев прабабушку с пробитым лбом. Но прабабушка Амина не рассказала, что произошло. Несмотря на то что она была маленькой, она прекрасно понимала, что ее удочерили, что она сирота. И прабабушка Амина была очень благодарна семье Ахтяма-хазрата за помощь во время голода.

Время было очень тяжелое. Голод и болезни мучили население. В результате неизвестной болезни Хадия-абыстай умирает. Перед смертью она дарит прабабушке Амине очень красивое и дорогое ожерелье. «Сохрани это как память обо мне!» Кто знает, может быть, таким образом Хади-абыстай хотела немного смягчить свою жестокость по отношению к маленькой сироте.

А ожерелье действительно потрясающе красивое! Прошло более века, но оно не утратило своей красоты и ценности. Это ожерелье выполнено из серебра. Внутри серебряной короны в форме 8 листьев помещены 8 больших зеленых камней. В средней части ожерелья австрийская серебряная монета 1 талер образца 1780 года. Изображена австрийская императрица Мария Терезия. Вторая монета – 1 эскудо боливийской страны. Эти серебряные монеты были выпущены в 1821 году. Изображен король Испании Фердинанд VII. (1808 – 1833). Третья серебряная монета была выпущена в Санкт-Петербурге в 1743 году. Номинал – 1 рубль. Изображена российская императрица Елизавета.

Когда в 1929 году муллы были арестованы как «враги народа», Ахтям-хазрат бежал в свою родную деревню Кушнареново. Об этом событии прабабушка Амина рассказала своей дочери – нашей бабушке. Хазрат бежит из деревни темной ночью. Вероятно, об арестах кто-то из жителей деревни уже сообщил ему, говорит бабушка. Его предупредили добрые люди. Ведь хазрат был хорошим, добрым человеком. Он сел в лодку и переправился через реку. Спустя годы весть об Ахтяме-хазрате дошла до села. Если это правда, то хазрат вернулся на родину – в Кушнареново. Там он умер в одиночестве. Вот такие несчастные судьбы постигли Ахтяма-хазрата и Хадия-абыстай.

А прабабушка Амина, несмотря на все тяжелые времена (голод, болезни, сиротство, войну, тяжелые послевоенные годы), сохранила это ожерелье на всю жизнь, не потеряла его. История попадания этого драгоценного сокровища передавалась из поколения в поколение. Вот и мы, внуки прабабушки Амины, познакомились с историей этого сокровища.

Бартош Наталья Владимировна
Забайкальский край

Воспоминания о комсомольской молодости

Молодость Валентины и Анатолия Шергиных пришлась на 70-80-е советские годы двадцатого века. Они поженились, когда Валентине было 18 лет, а мужу – 23 года. Анатолий учился в лесотехническом техникуме, а она – в педучилище города Чита. В семье появился первенец, назвали его Сергеем. Через

год после женитьбы приехали жить в поселок Холбон Шилкинского района, где проживали родители Анатолия.

В 1978 году, когда Сергею исполнилось полтора года, молодые родители узнали из средств массовой информации (газет, телепередач) о том, что правительство СССР объявило о новой грандиозной стройке. Планировалось проложить железную дорогу от Тайшета в Сибири до Комсомольска-на-Амуре на Дальнем Востоке. Руководство страны на 17-м съезде ВЛКСМ предложило комсомольцам, как самой сознательной части молодежи, принять активное участие в строительстве БАМа. С той поры Байкало-Амурская магистраль целых десять лет была в центре основных событий страны.

Так как стройка была объявлена комсомольско-молодежной, то комсомольцы, а это молодежь от 18 до 28 лет, массово откликнулись на призыв. К стройке было привлечено внимание всей страны. Она жила под девизом «Мы строим БАМ – БАМ строит нас!». Стройка стала для многих комсомольцев стартовой площадкой в жизни. Уехали на БАМ и Шергины. Попасть на стройку было непросто, потому что была очень тщательная медицинская комиссия. Но супруги Шергины ее удачно прошли. А потом поехали на место их будущей работы в Кувукту, что находится недалеко от Тынды. Анатолий устроился на работу водителем на машину КРАЗ в мехколонну №148 треста «Бамстроймеханизация», а Валентина не сразу нашла себе работу. В детсаду мест не было. Молодой семье выделили пустую комнату в общежитии. Первую ночь сын Сережа спал на мягком кожаном чемодане, а Анатолий и Валентина на полу. Нечего было постелить и нечем укрыться. На следующий день комендант выдала односпальную кровать и солдатское покрывало. Сергею не было места в детском саду, поэтому его пришлось увезти назад, в Холбон, к родителям мужа. А Валентину взяли на работу в школу техничкой, где она и проработала год. Так началась жизнь комсомольцев Шергиных на БАМе.

Комнату Валентина и Анатолий стали понемногу обустраивать, так как нужно было где-то сидеть, принимать пищу. Мужчины делали своими руками мебель, кто как мог. Брели две арматуры, сгибали и прикручивали к этой конструкции проволокой вырезанную дощечку. Получался стул. Столы тоже делали из подручных материалов: щитов, досок, фанеры. А если внизу стола сделать полочку и повесить шторку, то получается уже шкафчик. Кто умудрялся найти хорошие доски, делали полочку на стену, чтобы можно было туда поставить продукты или нехитрую посуду. Уезжая домой совсем, люди передавали знакомым свою сколоченную мебель. Обслуживание в магазинах было хорошее, московское. Была современная модная одежда, всевозможные деликатесы. Но наблюдался дефицит постельных принадлежностей. Не было в магазинах матрасов, подушек, покрывал, одеял. В семье Шергиных не было матраса. Поэтому Валентине, когда привозила сына к родным, пришлось покупать полутораспальный матрас в Холбоне и посылать по почте посылкой в Кувукту.

Жили бамовцы в Кувукте в щитовых домах барачного типа. Посередине барака тянулся длинный коридор, а от него шли по обе стороны комнаты. В коридоре возле каждой двери стояли двухсотлитровые бочки. Туда жильцы наливали ведрами воду, которую привозила водовозка. Мусор выносили на эстака-

ду, к которой по графику подъезжала мусоровозка и забирала мусор. В поселке всегда было чисто.

Жители мехколонны №148 жили отдельным табором в поселке Кувыкта. Здесь же рядом стояла мехколонна №149 и СМП «Свердловск». Недалеко от жилья строителей, за железной дорогой, была у них своя пекарня, магазин, школа, амбулатория и клуб «Огни Кувыкты». Поселок Кувыкта был знаменит тем, что именно здесь летчик-космонавт, дважды Герой Советского Союза Валентин Лебедев вместе со стройотрядом МАИ построил школу и открыл в ней «Музей космонавтики».

На БАМе работали люди разных национальностей: русские, буряты, кумыки, немцы, калмыки, якуты, киргизы, украинцы, молдаване и многие другие. Жили дружно, как одна большая семья, вместе отмечали праздники. А люди из одной местности считались почти родственниками, защищали, стояли друг за друга горой, помогали во всем. Строители БАМа были все молодые, у многих рождались дети. Возникали иногда бытовые трудности, но их всегда удавалось преодолевать, благодаря взаимовыручке. Поселок располагался на горе за железной дорогой, и маме с грудным ребенком трудно было спуститься с горы, перейти железную дорогу, чтобы попасть в магазин. А еще труднее было с тяжелыми сумками взобраться с ребенком обратно. Выручали соседи, знакомые, друзья. У Шергиных за сыном Сергеем, которого позже привезли от бабушки с дедушкой из Холбона, в свободное время присматривала их хорошая знакомая баба Галя (Галина Андреевна Малкина). Она работала в амбулатории детской медсестрой. А потом, через год, сыну дали место в детском саду. Еще освободилось место воспитателя, и Валентину позвали на работу. Дети подрастали, в поселке было много маленьких детей школьного возраста, за ними нужно было присматривать. А так как родители работали, а бабушек и дедушек не было, происходили неприятности и даже несчастные случаи.

Мужчины-бамовцы работали на отсыпке железной дороги, и когда отсыпали близко от Кувыкты, то уезжали на участок на вахтовке – машине «Урал» с будкой. Между собой машину они называли «лапоть». Работали без выходных месяц или два, а потом отдыхали неделю. Потом снова работали. Когда добираться стало далеко, трудно, стали доставлять до места на вертолетах. Вертолет садился на поляну в центре поселка, и мужчины улетали на свои участки. Условия были очень жесткие, особенно зимой при низкой температуре и весной в половодье, когда разливались бурные реки и ручьи.

Однажды на машине Анатолия лопнуло рулевое управление, и машина стала неуправляемой. Она пошла под откос с дороги. Через кабину перелетали тонкие деревца, и машина остановилась на пригорке, не доезжая до берега реки. Анатолий при этом остался цел и невредим. Дома он сказал, что его спасла безрукавка темно-зеленого цвета, связанная Валентиной, которая была на нем в это время.

В другой раз, когда Анатолий ехал с участка зимой, сломалась машина. Сняв меховые рукавицы, начал ремонтировать машину. Пальцы прилипали к металлу, но ему удалось ее починить. Когда приехал домой, то пальцы его по-

белели, и пришлось их оттирать долго водкой. Позже кожа на пальцах облезла, как перчатки.

Станции на протяжении БАМа строили комсомольцы из всех республик СССР. Поселок Кувыкта и соседний поселок Харагочи возводил строительномонтажный поезд «Свердловск».

В Кувыкте жила поэтесса Жанна Ржевская из Таджикистана. Она писала хорошие стихи, их печатали не только в местных газетах, но и в журналах «Огонек», «Юность». Ее стихи звучали в передачах на радиостанции «Юность». Однажды Валентине посчастливилось проводить вместе с ней мероприятие в ДК «Огни Кувыкты». Чтобы строителям легче было переносить суровый климат и тяжелый труд, руководство страны не скупилось на развлечения. На БАМ приезжало много известных и только начинающих артистов: гипнотизеров, фокусников, вокально-инструментальных ансамблей и певцов. Посещали БАМ популярные в то время ВИА «Самоцветы», «Лейся, песня» и другие ансамбли. В 1979 году в Тынду приезжал Дин Рид, был на БАМе Иосиф Кобзон. На БАМ приезжали космонавты, ученые, поэты, писатели, музыканты.

Местные газеты «БАМ», «Авангард» широко освещали трудовые успехи бамовцев. Однажды такой чести удостоился Анатолий Шергин. Он стал победителем в тресте «БАМстроймеханизации» по вывозу грунта на участке и был награжден грамотой, талоном на покупку ковра и представлен к награждению медалью «За строительство БАМа». Позднее на БАМ стали закупать немецкие машины «Магирус», на них нужно было учиться работать. Анатолия отправили учиться в Новосибирск.

В 1981 году в семье Шергиных родилась дочь Марина. Они часто ездили к родителям в Холбон. В это время вокзал в Тынде был старый, маленький. На вокзале всегда было много народа. Иногда люди расстилали на полу газетки и сидели или лежали на них, дожидаясь поезда.

Когда строители далеко ушли в направлении Чары к Кодарскому хребту, стало нерентабельно возить людей на работу. Мехколонна №148 передислоцировалась на новое место, ближе к Чаре. Временный поселок разбили на месте, где раньше горел лес. Участок расчистили, построили поселок из щитовых домов и назвали его Чарский ключ, потому что он был недалеко от Чары. Поселок имел все свое: амбулаторию, начальную школу, баню, магазин. Подвозили туда воду. Построили детский сад, назначили туда заведующей Валентину. Долго решали, как назвать детское учреждение? Единогласно решили, что нужно назвать его «Брусничка», так как мехколонна стояла в лесу и вокруг было много брусники. Валентина открывала детский сад «Брусничка». Тогда же ее избрали комсоргом мехколонны, и теперь она была в самом центре комсомольской жизни. Вместе с другими активистами организовывала различные мероприятия, кроссы, концерты, хор. Так проводили свободное время комсомольцы-бамовцы. В этот период Валентина за активную комсомольскую работу была награждена медалью «За строительство БАМа». А Анатолий в это время работал на «Магирусе», возил солянку для нужд мехколонны. Это была очень ответственная и опасная работа, потому что не было дорог, ездили по кое-как проделанным проходкам среди деревьев, по топям болот вдоль будущего БАМа.

Здесь родилась в семье дочь Ольга. Так что в семье Шергиных трое детей-бамовцев.

В 1984 году на БАМе произошло грандиозное событие около Куанды на разъезде Балбухта. Знаменитая бригада Александра Бондаря, прокладывавшая железнодорожный путь с запада, встретилась с бригадой Ивана Варшавского, шедшего со своей бригадой с востока. На месте встречи торжественно было уложено «Золотое звено». Это событие ознаменовало открытие сквозного движения поездов на всем протяжении БАМа. На этом очередной этап строительства БАМа был закончен. Семья Шергиных вернулась в поселок Холбон. Валентина устроилась работать в детский сад воспитателем, а Анатолий работал шофером. В семье еще родился сын – Данил.

Родина не забыла своих героев. В 2004 году, когда исполнилось 30 лет со дня начала строительства БАМа и 20 лет со дня укладки «Золотого звена», бывших бамовцев пригласили на праздник в Читу. Праздник проходил в форме «Голубого огонька» в ДК «Железнодорожник». Гости сидели за столами и вместе с ведущими вспоминали историю БАМа, в перерывах танцевали. Было весело, интересно. Организаторы благодарили строителей за самоотверженный труд и награждали бывших бамовцев памятными медалями. Были на этом празднике Валентина с Анатолием. А на 50-летие начала строительства БАМа в 2024 году Валентина ездила уже одна. Грандиозное торжество проходило в Тынде с 6 по 8 июля. Туда приехали более двух тысяч гостей, строителей БАМа. Жители Тынды хорошо подготовились к празднику: сделали много муралов на стенах домов, фотозон в разных районах, подготовили волонтеров, детей, наряженных в костюмы сказочных животных. Везде была добрая обстановка, приветливые улыбчивые люди. На всех стадионах и площадках проводились разные мероприятия с утра и до самого вечера.

В Тынде был небольшой стадион, его реконструкцию помогла провести к празднику мэрия Москвы. И теперь он стал одним из лучших спортивных объектов Приамурья. На огромном стадионе появились площадки для всех видов спорта для взрослых и детей.

Началось празднование с того, что в Тынду прибыли два поезда, украшенные лозунгами и плакатами, один из Хабаровска, а другой из Иркутска, остановились они друг против друга на разных путях. Они символизировали стыковку «Золотого звена». На них приехали гости – ветераны БАМа. Прибыл поезд и из Москвы, он тоже привез бывших строителей, комсомольцев 1970-80-х годов. Одни ехали в поезде из Москвы, а другие подсаживались по дороге. Каждая группа бамовцев прибыла в своей форме, со своими плакатами.

Внушительно выглядела колонна бамовцев, прошедшая маршем по улицам города. Это было яркое, красочное зрелище. Сначала шла техника, которая первой начала работать на БАМе, потом техника, которая пришла ей на смену. С песнями, речевками шагали за ней бывшие работники различных трестов, СМП. Огромный Тындинский краеведческий музей в праздничные дни работал бесплатно. В нем хранятся экспонаты со времен строительства БАМа. Со следами на глазах бывшие бамовцы рассматривали документы, поделки и вспоми-

нали, как они жили на БАМе, как пользовались выставленными сейчас в музее вещами.

На площадях города проводились игры, конкурсы, викторины для взрослых и детей. В одной викторине Валентина ответила на вопрос ведущего и получила приз. Правильно ответить ей помог банер на вокзале, сведения из которого она сфотографировала в день, когда приехала в Тынду. На нем было написано, что на БАМе построили 424 моста. А ведущий спрашивал про количество построенных на БАМе мостов. За правильный ответ Валентине вручили большую и красивую книгу-альбом «Таежная симфония. Байкало-Амурская Магистраль», посвященную 50-летию БАМа. Эту книгу она подарила поселковой библиотеке на память о БАМе, о встрече, организованной клубом «Вдохновение» и библиотекарем. Нашей героине было очень приятно, что ее пригласили, слушали, долго беседовали, вспоминали. Очень волнительно вспоминать свою жизнь. Как будто снова ты вернулся в свою комсомольскую молодость.

*Богданова Наталья Сергеевна
Свердловская область*

Репка

Гаснут звезды за туманом,
Месяц рожки опустил.
На рассвете утром рано
Дедка репку посадил.

Не прошло и две недели –
Смотрит дедка в огород:
Что за чудо в самом деле?
Репка или дуб растет?

Подошел старик поближе,
Заслонили листья свет.
«Да забор – и тот пониже!
Ай да репка!» – ахнул дед.

Стал тянуть он чудо-овощ,
Тянет, охает, кряхтит.
«Нет, не справлюсь», – и на помощь
Бабку дедушка кричит.

Тянут, охают негромко,
Сели, съели пирожок.
Кличут внучку: «Эй, Аленка,
Помоги-ка нам, дружок».

Ну-ка дружно, ну-ка вместе,
Ох, работа нелегка.
Овощ все еще на месте,
Вот как репка велика!

Свистнули дворнягу Грома,
Прибежал огромный пес.
С дедкой, бабкой и Аленой
Стал тянуть, лохматый хвост.

Ох, большая репка слишком,
Но не будем унывать!
Кошка Кнопка, мышка Мишка –
Всех пришлось на помощь звать.

Постараться очень нужно,
Каждый просто молодец!
Ну-ка вместе, ну-ка дружно!
Получилось наконец!

Вместе вытянули репку,
Вместе сели отдыхать.
«Молодцы! – смеется дедка,
Ну, поужинать и спать!»

Спят цыплята на насесте,
В поле спят перепела.
Сказка учит: братья вместе
За работу и дела.

Вместе – значит, веселее,
Вместе легче и быстрее.
Вместе больше мы успеем,
Станем лучше и дружнее!

Слово «война»

Четыре часа. Небо ясное. Утро.
На речке сидят рыбаки,
Ведут разговоры спокойно и мудро,
Вдали – парохода гудки.

Девчонка у зеркала меряет платье,
Всю ночь не спала – выпускной!
Волнуясь, вчера обещал танцевать он
Весь вечер лишь с нею одной.

На грядках в деревне старик копошится:
Пока не настала жара,
Он выпьет колодезной чистой водицы –
Привычное дело с утра.

А кто-то спешил на обычную смену
На фабрику, стройку, завод.
И славу стране приносили спортсмены.
Работа ленивых не ждет.

Трудиться, любить, отправляться в походы
Спокойно хотела страна.
Но планы и цели на долгие годы
Разрушило слово «война»...

**Бойко Алина Артемовна
Рук. – Самарина Алла Витальевна
Луганская Народная Республика**

Бессмертный Даль

*Ни прозвание, ни вероисповедание, ни самая кровь предков
не делают человека принадлежностью той или другой
народности. Дух, душа человека – вот где надо искать
принадлежность его к тому или другому народу. Чем же
можно определить принадлежность духа? Конечно,
проявлением духа – мыслью. Кто на каком языке думает,
тот к тому народу и принадлежит. Я думаю по-русски.*

В.И. Даль

У каждого человека есть свой любимый уголок земли, который мы зовем «малая родина». Нет двух похожих людей, как и нет двух похожих городов. У каждого своя ассоциация с городом: для одних – это внутренний мир, для других – любимые улицы, дороги, для третьих – первая влюбленность, для четвертых – земляки. Для меня таким земляком является Владимир Даль.

Владимир Даль появился на свет 10 (22) ноября 1801 года в поселке Луганский завод (ныне – Луганск). Его отец был врачом, лингвистом, мать – пианисткой, знала несколько языков, интересовалась литературой. Владимир Иванович получил прекрасное домашнее образование. Предки Владимира Даля были выходцами из Дании. В течение всей жизни он сохранял религию своей семьи и исповедовал лютеранскую веру. Однако перед смертью он принял православие, поскольку не чувствовал внутренней связи с датским народом.

Уроженец Луганска, датчанин по происхождению, Владимир Иванович Даль своей родиной считал Россию. Однажды Даль даже посетил историческую родину предков. Позже в своих мемуарах он написал, что абсолютно никакой связи с теми краями он не ощутил. Путешествие в Данию лишь помогло ему убедиться в своей привязанности к России. Откуда у потомка датчанина, обученного многим языкам, такая русскость, такая тяга к истокам? На него может служить ответом следующий факт. За год до своей смерти Владимир Иванович получил подтверждение того, что его предки по отцовской линии – русские старообрядцы, бежавшие при царе Алексее Михайловиче из России в Данию.

Ученые уже давно отметили «временную, программирующую роль языка как моста, перекинутого от прошлого к будущему» (Роман Якобсон). Если это так, то Владимир Даль, собирая в свой словарь жемчужины русского языка, заботясь о его чистоте, тем самым программировал чистоту будущего для своих потомков. Благодаря этому «венцу» литературного творчества Даль стал известен всему миру.

«Толковый словарь живого великорусского языка» был окончен после долгих 53 лет этнографической и лексикографической работы. В издание вошло 200 тысяч слов, 30 тысяч пословиц, поговорок и загадок, приводимых для наиболее точного разъяснения значений слов. В 1861 году В.И. Далю присуждена Золотая Константиновская медаль за первые выпуски словаря. В 1868 году он избран почетным членом Академии наук, удостоен Ломоносовской премии. Знаменательно, что 2001 год был объявлен ЮНЕСКО Годом В.И. Даля.

На идею создания полноценного словаря разговорного русского языка В.И. Даля натолкнул А.С. Пушкин.

Александр Пушкин и Владимир Даль сыграли в жизни друг друга огромную роль. По оценкам литературоведов, их вклад в русскую словесность огромен. Пушкин стал основоположником современного литературного русского языка, Даль – хранителем сокровищ языка народного. Перед смертью Александр Сергеевич подарил Далю на память свой золотой перстень-талисман: «Бери, друг, мне уж больше не писать...» «Как гляну на этот перстень, хочется немедленно взяться за перо», – вспоминал Даль. Позже вдова Пушкина подарила ему и пробитый пулей сюртук Александра Сергеевича.

Владимир Иванович Даль прожил в Луганске всего четыре детских года, но на всю жизнь сохранил этот край в своем сердце и увековечил имя города в собственном псевдониме. Казак Луганский, Владимир Луганский – так подписывал писатель и ученый свои научные и литературные труды. Луганск по прошествии двух веков стал настоящим Далевским мемориалом.

В 2010 году в Луганске установлен памятник В.И. Далю, сооруженный на благотворительные взносы горожан. Авторы скульптуры – Н. Можаяев и В. Горбулин – запечатлели своего знаменитого земляка в образе Казака Луганского, «странника, собирающего душу народную».

Скульптура, высотой в два человеческих роста, установлена перед входом в главный корпус Луганского национального университета, которому в 2001 году присвоено имя прославленного земляка В. Даля. А в 2003 году в университете был создан Центр далеведения для исследовательской работы и просве-

тительской деятельности. Сотрудники центра читают лекции, проводят беседы, традиционные Далеvские четверги. Ежегодно в день рождения В.И. Даля, 22 ноября, здесь проходят Международные Далеvские чтения.

При этом в Луганске уже были установлены два памятника великому ученому – бюст во дворе перед домом-музеем Даля и на улице, носящей его имя. Луганчане полушутя-полусерьезно говорят: «Даля много не бывает».

В 1986 году был основан Литературный музей Владимира Даля. Он расположен на старейшей улице Луганска – Английской, носящей теперь имя В.И. Даля. В этом ничем не примечательном одноэтажном домике в 1801 году родился будущий Казак Луганский и собиратель «Толкового словаря». Комнаты домика-музея наполнены чарующей аурой, которую излучают собранные здесь предметы старины: врачебный инструментарий 19 века, мебель, а также все издания «Толкового словаря живого великорусского языка», другие книги писателя, портреты Даля, его родных и друзей.

Стараниями преподавателя медицинского института Валентина Нестайко первый музей Даля был открыт на кафедре анатомии мединститута. Позже часть экспонатов перекочевала в открывшийся литературный музей. Еще одним подвижником, увековечившим память знаменитого земляка, стал известный скульптор Илья Овчаренко – автор первого памятника Далеv, который был открыт в Луганске к 180-летию со дня его рождения.

Прослышав о бурной деятельности луганских энтузиастов, с ними связалась правнучка писателя Ольга Владимировна Станишева. Она передала в музей негативы из семейного архива, по которым впоследствии были сделаны фотографии. Настоящая гордость музея – фортепиано, принадлежавшее семье Владимира Ивановича Даля, перекочевавшее в Луганск благодаря Ольге Владимировне из московского Политехнического музея. К сожалению, побывать в музее своего знаменитого прадеда Ольге Владимировне так и не удалось. За год до его открытия она умерла.

В музее есть фотокопия «Русских сказок», первый тираж которых был почти весь уничтожен царской цензурой, усмотревшей в них покушение на власть.

В экспозиции музея хранится и модель брига «Меркурий». Казалось бы, какое отношение он имеет к литературному музею? Оказывается, прямое. Мало того, что на бриге стояли пушки «Коронада», отлитые на луганском заводе, так еще и в русско-турецкую войну бриг в одиночку принял бой с турецкой эскадрой в Черном море. Об этом подвиге русского корабля с восхищением говорили даже враги. А Даль написал о нем небольшой рассказ, в который вложил всю свою любовь и гордость за то, что он – русский.

Можно только удивляться, насколько разносторонне одаренным человеком был Владимир Даль. В музее представлены «Энциклопедические лексиконы», в которых Даль начинал как энциклопедист. При всей своей занятости, Владимир Иванович умудрился написать даже учебник зоологии. Он разрабатывал хирургические инструменты, проводил блестящие операции, строил мосты, изучал биологию и военные науки, стал одним из основателей Российского географического общества.

В музее нет личных вещей Даля. Однако экспозиция создана с большой любовью. Ведь музей – это не склад вещей, не хранилище. Это наша память. Это то, что связывает прошлое с настоящим и будущим. Мы должны приложить все усилия, чтобы новые поколения луганчан гордились тем, что наш край – родина Даля.

Бродягин Александр Вячеславович
Рук. – Самарина Алла Витальевна
Луганская Народная Республика

«Всем смертям назло»

Легендарному земляку – писателю Владиславу Титову посвящается

Разнит людей вопрос, что в их деятельности первично – моральное удовлетворение или материальное состояние. И из этого вытекает: одни любят жить, другие – жизнь. Одни говорят: я дышу – значит, существую; другие: я приношу пользу людям – значит, живу. Но умирать не хочется любому из них. Первый надеется пожить, второй – испытать гордую радость от сознания, что он нужен людям. Третьего не дано.

Вл. Титов

Луганщина, словно магнитом, притягивает деятелей культуры. Наш край навсегда связан с именами Владимира Даля, Владислава Титова, Михаила Матусовского, Михаила Голубовича.

Всем известны слова: «В жизни всегда есть место подвигу». Книга Владислава Титова «Всем смертям назло» заставляет задуматься о смысле жизни, о роли человека в ней, о том, сколько он может сделать.

Для меня жизнь писателя Владислава Титова – это пример мужества, стойкости, умения преодолевать любые трудности, неиссякаемой любви к жизни.

Титов Владислав Андреевич (10 ноября 1934 г. – 30 апреля 1987г.) – русский советский писатель. Человек непростой судьбы, нашедший в себе силы не только жить, но и творить.

Не глядите на небо печально –
В небе звезды летят кувырком,
То судьбой, то кольцом обручальным,
То нетленным лавровым венком.
То, что люди понять не сумели,
То, что люди сказать не смогли,
Накопилось в небесной купели
Далеко-далеко от земли.
От земли, на которой страдалось,
Было горько и радостно дням,
Чтобы творчеством Жизнь продолжалась
В благодарность надежным корням...
(Татьяна Дейнегина)

В послевоенные 50-60-е годы в возрождающийся Донбасс со всего Союза потянулись тысячи молодых ребят, желающих освоить славную профессию шахтера. Среди них и был крепкий, сильный, симпатичный паренек из российской глубинки – Слава Титов.

В. Титов родился в деревне Калиновка Липецкой области в многодетной семье. После ухода отца на фронт, старший сын Владислав заменил его дома. С детства ему довелось познать, что такое труд и голод.

Невзирая на трудности, юноша увлекается спортом, играет в футбол и мечтает стать летчиком. В школе не был отличником, но у него была одна страсть – чтение.

После школы пытался поступить в Воронежское авиационное училище, но не прошел медкомиссию. Узнав о наборе в Ворошиловградский горный техникум, приехал в наш город.

После службы в армии В. Титов возвращается на Донбасс и продолжает обучение в техникуме, но уже в Боково-Антраците, куда перевели учебное заведение.

В 1959 году окончил техникум и по распределению уехал работать горным мастером на шахте пос. Северный Донецкой области.

25-летний горный мастер в работу погрузился с запалом. В забое успел поработать лишь год.

14 апреля 1960 г. – день, который изменил все...

Был обычный весенний день. Ничто не предвещало трагедии, Но... вагонетка с углем, сорвавшись с рельсов, ударила в электрокабель высокого напряжения. Кабель загорелся, и пламя начало подбираться к трансформатору. Если огонь доберется – произойдет взрыв.

«...Что заставило меня побежать отключить трансформатор? Я же знал – это опасно. Черт знает что... И ни о чем я не думал, когда бежал. Просто мельтешили перед глазами лица ребят, что были там, в лаве...» – вспоминал В. Титов.

Взрыва не произошло, но кабель еще горел. Последним усилием воли В. Титов прополз и закрыл своим телом огонь. Когда его нашли проходчики, на его правой ноге горел сапог...

Долгие 6 месяцев врачи боролись за его жизнь. В. Титов перенес 9 операций. Но на обожженных конечностях началась гангрена, их пришлось ампутировать. Выдержав все испытания с невероятным мужеством, он не позволил боли, страху и отчаянию овладеть собой. Ведь рядом с ним была его любимая Рита, не покинувшая его в тяжелую минуту.

Он не сдался, а нашел в себе силы жить и творить. Девизом его жизни стали слова К. Симонова: «Всем смертям назло!».

О том, что довелось пережить Владиславу, какой ценой преодолеть себя, знали только двое – он и Рита. О том, чего ей стоило быть сильнее него, знала только она одна. Родители Владислава предлагали Рите оставить его и устраивать свою жизнь, но она ответила «Нет...» и осталась с ним до конца. После выписки из больницы потянулись мучительные дни осознания собственной беспомощности.

Чтобы заполнить пустоту безделья, Владислав читал, поглощал книги запойно, без усталости. Читая, Титов переосмысливает всю свою жизнь: прежнюю и нынешнюю. Тогда он задумывается над тем, чтобы самому что-то написать, выразить свои эмоции. Но как это сделать, не имея рук?

Однажды, переворачивая страницы книги карандашом, зажатым в зубах, он понял, что может писать. Протезы не позволяли этого делать. Писать ногой тоже не удалось. Тогда он берет карандаш в зубы – и шаг за шагом выводит буквы, потом слоги и предложения. На обучение письму ушел почти год. Со временем друзья подарят ему печатную машинку, которую приспособят специально для него.

Титов часто задумывался о том, почему Рита не оставила его, зачем двадцатилетней девушке инвалид? Тогда он решает написать о своей жене очерк, а получилась целая биографическая повесть «Всем смертям назло».

Впервые повесть была опубликована на родине писателя в Добринской районной газете «Страницы жизни» – и пришлась читателям по душе. А другие редакции печатать отказались.

Друг писателя Тарас Рыбас советует Титову отправить рукопись в популярный тогда журнал «Юность», который издавал произведения начинающих писателей.

Должность главного редактора журнала занимал известный писатель Борис Полевой. Полевой прочел рукопись на одном дыхании. Произведение его поразило. Он по достоинству оценил повесть и поставил ее в первый номер своего журнала за 1967 год.

Владислав Андреевич не хотел оставаться автором одного произведения и продолжил работу над другими. Всего он написал 14 произведений: «Всем смертям назло» (1967), «Ковыль – трава степная» (1971), «Жизнь прожить...» (1983), «Проходчики» (1983), «Раненый чибис», «Сапун-гора», «Полые воды». «Рожь» – последнее произведение писателя, которое осталось незаконченным.

В квартире Титовых всегда было много гостей. Приходили целыми классами школьники, студенты группами, шахтеры бригадами. На его имя приходило огромное количество писем.

30 апреля 1987 года писатель скончался. Похоронен он на городском кладбище «Острая могила».

После смерти писателя по инициативе его друзей улица 13 линия г. Луганска переименована в ул. В.А. Титова. В ноябре 1988 года в квартире по адресу г. Луганск, кв. Гаевого, д. 18, кв. 62, где жила семья Титовых с 1962 по 1967 гг., был открыт музей.

У луганчан есть мечта: создать памятник супружеской паре Титовых, который будет олицетворять любовь, преданность и верность.

Григорий Денисенко: фронтовик, учитель, краевед

Имя Григория Федоровича Денисенко широко известно историкам и краеведам Черноземья. Его с полным правом можно назвать одним из авторитетных исследователей нашего края, посвятившим этому делу всю свою жизнь.

Григорий Федорович родился в 1902 году в слободе Вейделевка в семье крестьянина. Окончил сельскую школу. Продолжил образование в Уразовском земском 8-классном коммерческом училище. Стал стипендиатом Валуйского земства, стипендии имени М.В. Ломоносова и получил степень «кандидата коммерции». Однако коммерческие дела не прельщали любознательного юношу, и в 1933 году он экстерном оканчивает биологический факультет Воронежского педагогического института и одновременно получает право на преподавание французского языка.

Преподавал биологию и географию в школах села Чепухино и города Валуйки. Увлекался историей края, собирал старинные книги, рукописи, книги, изданные ассоциацией валуйских писателей, археологические находки, организовал в Валуйской школе краеведческий музей. Лучшие годы своей жизни Денисенко посвятил воспитанию молодого поколения.

Григорий Федорович был призван в Красную армию 22 января 1942 года. В армии был три года и семь месяцев, из них три года и один месяц – на фронте. Сначала был рядовым стрелком, затем вторым номером расчета противотанкового ружья (ПТР), затем санинструктором в минометном батальоне 1162-го стрелкового полка.

Это назначение Г.Ф. Денисенко описал в своем фронтовом дневнике: «Меня назначили санинструктором в минометный батальон... Штаб минбата – в молодой роще. Глубокие землянки. Начальник батальона отправил меня в 1-ю роту. Это километра 2 дальше к позициям.

Редкая роща осин и берез на болоте. Старые землянки залиты водой до уровня почвы. Из жилых землянок вода по несколько раз в день вычерпывается касками. Здесь же, недалеко от землянок, стоят в ямках минометы.

В первые же дни по прибытии меня ждала работа по специальности. В роте – легкое сквозное ранение пулей чуть выше локтя. Постоянный грохот выстрелов. Иногда он учащается. Гул аэропланов и ожесточенный обстрел их зенитками.

Дождь идет больше суток почти без перерыва. Настилы землянок пропитаны насквозь – они источают воду долго спустя после дождя. Разлились ручьи. Все углубления переполнены водой. У меня промокли даже деньги и документы.

Тяжелейшие испытания. Землянки переполнены водой. Над головой вечный раздражающий гул немецких самолетов и грохот мин...

Разбудили около часа ночи. Не видать ни зги, и дождь как из ведра. Начал выливать воду из землянки, где нас помещается 5 человек. Затоплена вся местность.

Около 2 часов ночи открыли огонь минометы. Везде грохот, треск пулеметов, гул орудий... Утром появились раненые. Большею частью мне приходится их подбинтовывать. Особенно много раненых по 1-му батальону. Все намокло. Сушу бинты, марлю, вату...»

Выучив немецкий язык по учебнику на войне, Григорий Федорович стал военным переводчиком 1160-го стрелкового полка 352-й стрелковой дивизии. Кроме переводных работ обслуживал политотдел дивизии в качестве диктора говорящих установок на немецком и французском языках.

Вот как в одном из своих писем семье Григорий Федорович описывает фронтовые будни: «...Сейчас мы в землянке километрах в 2-3 от фронта. Голое поле с небольшими овражками и отлогими высотками. Холодно и сыро. Мокрый снег. Вода. Поле изрыто воронками от снарядов и мин. Окопы, землянки. То там, то здесь стреляют пушки и минометы. Грохают взрывы. Обычная картина.

Сейчас я нахожусь вместе с разведчиками. Почти все награждены орденами и медалями. Некоторые имеют по 3 награды. Их жизнь полна опасностей. Есть настоящие герои. Их особенности, кроме храбрости и решительности, — очень острое зрение и слух. И какая-то, по-видимому, врожденная способность к очень быстрым и точным действиям. В остальном — это обычные хорошие парни. Я уже полгода работаю переводчиком и рупористом. Не расстанусь со словарями немецкого и французского языка. Довольно сносно болтаю на этих языках...»

Его последнее воинское звание — старшина. Награжден орденом Красной Звезды, медалями «За боевые заслуги», «За взятие Кенигсберга», «За освобождение Праги», «За победу над Германией», благодарственными грамотами. Даже на войне оказались востребованными не только храбрость, выносливость, но и ум, память, языковые способности Григория Федоровича.

В письме с фронта, когда уже стало известно о Победе, он писал семье: «Давно не писал вам, так как мы находимся в пути. Возвращаемся на Родину... Вряд ли нас, старых солдат, будут задерживать. Война окончена с победой и неувыдаемой славой. Уцелеть в этой войне с моим здоровьем и при моем зрении — это большое счастье. Много раз жизнь, что называется, висела на волоске.

Эти три с половиной года были для меня суровой школой. Результаты этой школы: я член ВКП(б) с двухлетним фронтовым стажем, имею звание старшины, получил орден Красной Звезды и четыре медали... Вчера мы переехали через Вислу, сейчас стоим недалеко от реки Сан. На этом кончаю... До скорого свидания».

Возвратившись из рядов Красной армии, 1 сентября 1945 года Григорий Федорович был зачислен на прежнее место преподавателем биологии Валуйской средней школы № 1. В январе 1952 года по состоянию здоровья оставил работу и вышел на пенсию. За многолетнюю безупречную работу в школе был награжден орденом Трудового Красного Знамени.

За сорок лет упорной и кропотливой работы он собрал множество разнообразных материалов из прошлого нашего края — Среднего Поосколья, включающего Валуйский, Волоконовский, Вейделевский, Никитовский и некоторые

другие районы. Это богатые сведения по истории культуры с древнейших времен, по геологии края, флоре и фауне, метеорологические и фенологические наблюдения, записи поговорок, пословиц и преданий.

Среди собранных краеведом материалов есть документы, относящиеся к временам основания Валуйской крепости, Петра Первого, Екатерины Второй, восстания декабристов, отмены крепостного права; много сведений из времен революции 1905 года, первой мировой войны, гражданской войны и т.д. Его исследовательские работы позволяют проследить на протяжении длительного периода историю не только Валуек, но и отдельных сел и деревень, таких как Мандрово, Казинка, Ураево, Шелаево, Тулянка и др.

Нельзя не сказать еще об одной стороне общественной деятельности Г.Ф. Денисенко: более сорока лет он печатался в газетах Валуйского, Красногвардейского, Вейделевского и других районов. За это время им написано более 300 статей, очерков, заметок для различных газет, краеведческих сборников и других изданий, он принял активное участие в издании книги «Валуйки».

Умер Григорий Федорович в 1973 году. Через 30 лет после его смерти вышел уникальный сборник, чудом сохранившийся дневник «Фронтовые записки пожилого солдата», где достоверно на основе почти ежедневных заметок Г.Ф. Денисенко описывает годы военного лихолетья, ставшие тяжелым испытанием для всех народов нашей страны.

*Вахнина Анна Александровна
Рук. – Федосова Татьяна Николаевна
Белгородская область*

Нельзя повернуть историю вспять!

Четвертый год идет специальная военная операция. Вновь, как в далекие 1941 – 1945 годы, русские люди встали плечом к плечу, чтобы отстоять мир и покой. А все потому, что кто-то забыл уроки прошлого, кому-то очень хочется переписать историю по-своему, переступив через правду – судьбы людей, тех, кто сложил свои головы в боях, кто вернулся и является живым свидетелем настоящей истории.

Я родилась и живу в Белгородской области, которая переживает сейчас сложные и тревожные времена: постоянные прилеты, разрушенные дома, подорванные машины, а самое страшное – это гибель людей, среди которых мои сверстники и совсем маленькие дети. Но мы сильные, мы вместе, а значит, все выдержим и победим!

И я не имею права не знать свои корни, героев моей семьи, моего родного края. Мне действительно посчастливилось родиться (не побоюсь это сказать) в героической семье. Среди моих известных родственников народная артистка СССР балерина Людмила Семеняка, Ушаков Михаил Тимофеевич – участник Курской битвы, старший лейтенант Марков Иван Алексеевич принимал участие в обороне Москвы, Тележкина (Маркова) Мария Алексеевна – минер-подрывник, участница сражения на Курской дуге, сражения на Днепре, воевала в Киеве, Польше, в феврале 1945-го года вступила на территорию Германии.

А расскажу я о еще одном моем родственнике, которого, к сожалению, я не застала в живых, но о нем часто говорят в нашем доме, а моей маме посчастливилось даже какое-то время жить в семье этого человека. Это Мысаков Михаил Владимирович – почетный гражданин Белгородской области, участник Великой Отечественной войны, участник Парадов Победы 1945, 1990 и 2000 годов.

Михаил Владимирович родился в слободе Николаевка Валуйского уезда Воронежской губернии в многодетной крестьянской семье. Двенадцатилетний мальчишка, окончив Николаевскую единую трудовую политехническую школу, работал в колхозе. Как и многие подростки того времени, Михаил помогал семье чем мог: возил на волах снопы, пахал, а по вечерам учился в школе рабочей молодежи. Два года работал старшим пионервожатым в школе, потом окончил годичные курсы подготовки учителей и стал преподавать в Бережнянской начальной школе Ровеньского района. Так началась его педагогическая карьера. В 1936 году молодого учителя назначили заведующим начальной школой в хуторе Кулькин ныне Красногвардейского района, и через год он экстерном сдал экзамен в Острогожское педагогического училище.

В июне 1940 года Мысаков пошел служить, так как отсрочка от службы в армии была отменена. Попал в инженерный полк, но опыт учительской деятельности и тут пригодился: он стал старшим писарем штаба стрелковой части. В своих воспоминаниях Михаил Владимирович пишет: «Я как писарь оформлял различную штабную документацию, а в свободное время, по разрешению командира, уходил в ту или иную группу и осваивал непростое минно-подрывное дело, что впоследствии стало моей основной специальностью в течение всех военных лет».

Когда началась Великая Отечественная война, полк, где служил Михаил Владимирович, в сентябре 1941-го был переброшен из Ленинакана – сначала к иранской границе, затем в Сухуми, а позже через Керченский пролив в Крым. Керченский полуостров пришлось оставить немцам, о чем Михаил часто вспоминал с грустью и сожалением. Он говорил: «Нам было больно и стыдно переживать гибель многих наших товарищей и некоторых попавших плен, так и не сумевших вовремя переправиться».

В ноябре 1943 года старший сержант М.В. Мысаков стал командиром разведывательно-диверсионной группы из 22 опытных, натренированных, крепких бойцов. Самолетом она была доставлена к партизанам в старокрымские леса, где и предстояло им воевать с врагом. Вот что рассказывал Михаил Владимирович о том времени: «Это была операция в селе Бушуй. От местных жителей мы узнали, что в этом селе расположен сводный полк карательных отрядов полевой жандармерии и полиции. Провели разведку, изучили подступы к селу. Оказалось, что немцы были так беспечны, что даже не всегда выставляли охрану. Подкрепив свою группу партизанами, ударили с двух сторон. Фашисты бросились врассыпную. Но их доставали автоматные и пулеметные очереди. В ходе операции было уничтожено 460 солдат противника, 18 взято в плен, выведены из строя две полевые радиостанции. Из находившихся при них документов узнали, кстати, о предстоящей операции по уничтожению чекистов – так

называли они мою группу». И это лишь один эпизод из жизни «неуловимых» диверсантов.

Михаил Владимирович вместе со своей разведывательно-диверсионной группой находился в тылу противника четыре месяца. За это время на участке Булганок-Альма по шоссе и железной дороге группа взорвала восемь эшелонов противника с войсками, боеприпасами и техникой и один бронепоезд, пустила под откос четыре паровоза и 53 вагона, взорвала два танка и 20 автомашин с грузами и живой силой. После освобождения Симферополя группа соединилась со своим полком, который действовал в составе 19-й танковой бригады. В боях за Севастополь она обеспечивала продвижение советских танков по балке в пойме реки Черная, участвовала в штурме Сапун-горы. Потом было форсирование Одера и Шпрее, бои за Дрезден. А день Победы Михаил Владимирович встретил в Праге, где еще шли ожесточенные бои.

Гвардии сержант Мысаков М.В. воевал до последнего дня Отечественной войны. За проявленное мужество и героизм в боях с немецко-фашистскими захватчиками он был награжден орденами Отечественной войны 1-й и 2-й степени, «Красное Знамя», медалями «За отвагу», «За оборону Кавказа», «За победу над Германией», «За взятие Берлина» и «За освобождение Праги».

А когда 24 июня 1945 года на Красной площади в Москве состоялся первый Парад Победы в Великой Отечественной войне, Михаил Владимирович шел правифланговым в колонне инженерных войск 1-го Украинского фронта. О том дне Михаил Владимирович всегда вспоминал с гордостью и дрожью в голосе:

«Кремлевские куранты пробили десять ударов, и на площадь выехал на коне командующий Парадом маршал Советского Союза Г.К. Жуков.

Это было потрясающее зрелище, вызвавшее непередаваемые ощущения. Каждый стоящий на Красной Площади в это время чувствовал себя частицей великой гордости за нашу советскую Армию, за нашу Родину, за наш непокоренный советский народ, который выстоял в этих невероятных условиях четырехлетней войны и победил. И теперь в своей столице – Москве, на древней Красной Площади, перед всем миром, чествует своих победителей и демонстрирует свою силу и мощь, свою готовность вступить в новую битву, но теперь уже за восстановление разрушенного войной народного хозяйства Великой страны.

Нельзя повернуть историю вспять. Разве я и каждый солдат может забыть то, что пришлось испытать за всю войну на поле битвы. И если сейчас находятся люди, политики, пытающиеся переделать историю, то у них не получится. Пусть бы каждый из них побывал со мной рядом в том крошечном аду сплошных минных полей на фронтовых дорогах.

История рассудит и расставит все по местам, но нельзя очернять историю своего народа. Это преступно!».

Демобилизовавшись в феврале 1946 года, Михаил Владимирович вернулся к своему любимому делу: стал вновь работать учителем начальных классов и истории в Московской средней школе Кантемировского района Воронежской области. Затем судьба забросила его в мою родную Красненскую среднюю

школу, потом он возглавлял районный отдел народного образования. Долгие годы был заместителем председателя Красненского райисполкома. В 1953 году женился на Зинаиде Федоровне, которая тоже работала учителем. Их семья всегда была дружной. В ней сначала появились дети, затем внуки, а потом уже и правнуки. В настоящее время в семье около 30 человек. Все получили образование в разных вузах, добросовестно трудятся.

С 1967 года до ухода на заслуженный отдых Михаил Владимирович руководил коллективом Ильинской средней школы. В 1980-м семья Мысаковых переехала в Алексеевку. Михаил Владимирович возглавлял районный штаб гражданской обороны, отдел охраны памятников истории и культуры, на протяжении многих лет – районное отделение Российского фонда мира. На протяжении тринадцати лет был председателем Алексеевского совета ветеранов.

Через 45 лет после войны Михаилу Владимировичу выпала честь вновь представлять ветеранов войны и труда Алексеевского района на Параде в ознаменование 45-й годовщины Победы. Всего из Белгородской области было двенадцать человек. В это раз Мысаков шел в колонне партизанского батальона как бывший участник боевых действий в составе партизанского соединения Крыма.

В 2000 году 87-летний Михаил Мысаков в третий раз побывал на Параде Победы, но непосредственных участников первого Парада Победы в этот раз было уже совсем мало.

Михаил Владимирович прожил долгую, трудную, но, я думаю, счастливую жизнь. Люди помнят о нем и, как я, гордятся знаменитым земляком. Он заслуженный работник социальной защиты населения Российской Федерации, награжден медалью «За заслуги перед землей Белгородской», в 1997 году стал почетным гражданином Белгородской области. На фасаде дома, в котором он жил, в Алексеевке установлена мемориальная доска. В октябре 2013 года на здании Николаевской средней школы Вейделевского района, где М.В. Мысаков работал старшим пионервожатым, также была открыта мемориальная доска.

Вот теперь и подумайте: имею ли я право быть «Иваном, не помнящим родства», могу ли я предать память моих предков? Конечно, нет.

В условиях СВО быть солдатом стало профессией для многих. Мой крестный отец и два дяди сегодня там, как говорят, «за ленточкой». Именно они, участники СВО, продолжают славное дело дедов и прадедов и слагают современную историю. Они настоящие русские солдаты, те самые русские Иваны, которых так боялись фашисты в 1941-м, страшатся наши недруги и 2025-м.

*Гончарова Лолита Александровна
Рук. – Алимурзаева Тамара Геннадьевна
Самарская область*

Боевое крещение

Третьи сутки следовал по «зеленой улице» воинский эшелон с берегов Волги. Никто из курсантов пехотного училища, расположившихся в этом небольшом вагончике, не знал, где будет конечная станция. За день до отправки

их, совсем еще молодых, выстроили во дворе училища. Полковник-фронтовик поинтересовался, есть ли желающие «пройти практику» на поле боя и предложил сделать три шага вперед. До окончания полного курса обучения оставалось тогда несколько месяцев.

Никитин догадывался, о чем будет говорить человек с фронта, поэтому внутренне был готов к его предложению. Но не удивился, когда шагнул вперед словно по команде вместе со всеми. Его товарищи тоже ждали этой минуты.

А тем временем положение на фронте оставалось тревожным. Враг намеревался в районе Орла и Курска дать бой за поражение под Сталинградом. Но наши упредили противника и в начале июля перешли в наступление. Только что войска Брянского фронта освободили город Мценск.

Все реже и реже стучали на стыке колеса вагона. Поезд шел осторожно, будто вслепую. Наконец, встал. Послышалась команда «Становись!». Запах свежесывороченной земли попеременно с пороховой гарью окатил волной. Недалеко раздавались артиллерийские залпы. Навстречу им, набирая скорость, уже спешили танки. Вот и Никитин направился тревожным шагом навстречу бою. А в стороне осталась висеть на ниточке вывеска с названием города Мценск.

Июльское солнце палило нещадно, утомляя людей с каждым шагом. Кажется, только вчера уезжал из дома, скрипнули полозья саней, увозивших Валентина из заснеженной Богдановки. Старый кузнец Никитин одной рукой прижимал к себе жену, а другой долго махал вслед сыну.

«Вернуться бы к тому февральскому дню хоть на мгновение», – подумал про себя Валентин Никитин и прочитал тихо вслух строчки:

А ветер злится, воев вьюга злая,
А кони мчатся, мчатся все быстрее,
И снежная пороша вылетает
Из-под полозьев стонущих саней...

Злой, грубый голос оборвал струну памяти. Послышалось: «Воздух! Воздух!» Валентин метнулся было вперед, но чья-то твердая рука сшибла его. И тут же «юнкеры» посыпали на землю свинцовый дождь.

Повалились на землю молодые деревья. Повеяло сладким дурманом. Только сейчас Валентин сообразил, что они в яблоневом саду.

До расположения стрелковой роты добрались быстро.

– К вечеру нам нужно взять село Меловое, – решительно произнес командир роты.

В подобной ситуации вопросам не место. И Никитин только подумал, что действительно он, старший лейтенант, сшиб его, спасая от верной смерти. В срочном порядке стал готовить станковый пулемет. Он, Никитин, назначен первым номером.

Старший лейтенант решил выбить немцев из села вечером, когда у тех время ужина. Поэтому дал команду выступить как можно ближе к ним, особен-

но пулеметным расчетам. Предстояло подавить огневые точки, не дать врагу поднять головы.

Но первыми начали немцы. Пронзительно засвистели мины. Они ложились рядом за спиной.

Вскоре стало тихо. Немцы отправились ужинать. Тут как раз и наступила очередь роты старшего лейтенанта.

– К бою! – голос командира твердый, с надрывом.

Никитин ударил из пулемета по огневому гнезду. Фашисты не успели опомниться и открыть ответный. Минута, другая – и заговорили фашисты. Со всех сторон слышались пулеметные очереди.

– Меняем позицию! – скомандовал Никитин.

Расчет, дружно взвалил пулемет на руки, побежал в сторону балки. Оттуда можно ударить немцу во фланг. С криком «Ура!» бежала пехота. Впереди – командир Шевчук.

С нового места пришлось вскоре сниматься. Пехота при поддержке пулеметов успешно развивала атаку. Спустя полтора часа немцев выбили из села.

Рассвет наступил скоро. Время неумоимо набирало темп. Впереди – новое село Столбы. Его надо взять. Этим будет обеспечен стремительный прорыв подразделений 308-й дивизии, вместе с другими частями Брянского фронта стремившейся окружить орловскую группировку врага.

Мы наступаем. Деревня Столбы...
Немцы свинцовым дождем поливают.
Трудно дышать. В час жестокой борьбы –
Наши ряды безудержно тают.

Эти строки родятся потом, когда смолкнет канонада, когда бездонное чистое небо будет давить громадой, кружить в глазах.

Неожиданно рядом с пулеметчиками появился вихрастый мальчишка.

– Откуда такой? Как зовут? – удивленно спросил Никитин.

– Я... местный, Иван Щукин, – совсем по-взрослому ответил паренек. – Пойдемте, я покажу дорогу.

– А мамка не заругает, – пытался кто-то пошутить.

Юный проводник хорошо ориентировался на местности. Большим оврагом Никитин вышел с бойцами почти к самому селу. А вот высотка. Там пулеметы врага. Сбросить, обязательно сбросить, иначе захлебнется первая же атака наших.

И снова бой, тяжелый, долгий. Враг яростно отбивается, силы его крепки. Быстро развернув станок, пулеметчики залегли. Никитин не успел поймать в рамке прицел, как со всей силой нажал на гашетку.

Немцы засекли пулемет. В бой вступает их пушка. Она посылает один, другой снаряд. Вокруг пятачка, занятого никитинским расчетом, рвутся снаряды. Осколок угодил в руку. Наспех перевязал ее и снова – в бой.

Высотка по-прежнему в руках у противника. Пехота попросила «огонька» у артиллеристов. Теперь снаряды рвутся на высоте. Немцы отступают. И здесь кинжальные очереди никитинского пулемета накрывают их, сеют панику.

Трудно понять, откуда стреляют. Бой завязался на высоте. Вдруг совсем рядом раздался оглушительный взрыв. Мина! Никитин не успел опомниться, как острая боль обожгла плечо. Через мгновение боль исчезла. Однако Валентин почувствовал, как начинает терять силы. Второй номер Асхат Каримов кричал над ухом:

– Валька, жив?

Он был жив. Но рука беспомощно повисла. Никитин взял ее осторожно другой рукой. Нестерпимая боль охватила все тело. Тихо. Лишь там, на окраине села, слышался бой. И тут детский плачущий голос позвал на помощь. Ваня Щукин искал санитаров.

– Сюда, сюда, он здесь...

Никитин увидел светлое юное лицо, и большая радость охватила его.

И эту радость, и глубокую любовь к Родине пронес в своем сердце до конца жизни Никитин Валентин Александрович, учитель русского языка и литературы Богдановской средней школы.

(Использованы отрывки из стихотворений Никитина В.А.)

**Гусаковский Артем Андреевич
Рук. – Черкасова Рашида Рашидовна
Республика Татарстан**

Честь имею!

Данил родился 6 ноября 2001 года в селе Верхний Услон Республики Татарстан, он был первенцем в семье Гусаковских. Изначально мама чувствовала, что родится сын, и сразу дала ему имя Данила, в честь главного героя популярного в то время фильма «Брат».

В детстве Данил был обычным мальчишкой, очень любил маленькие машинки, к первому классу собралась приличная коллекция, часть которой до сих пор сохранилась. В первый класс Данил пошел учиться в Верхнеуслонскую гимназию. Учился хорошо, старался. К тому времени в семье родился второй ребенок, и Данил, как старший, помогал родителям с братом. Много времени Данил проводил с бабушками и дедушками, так как родителям приходилось много работать – нужно было строить новый дом. Дед Коля с малых лет научил Данила пользоваться инструментами, что очень пригодилось ему во взрослой жизни и, конечно же, в семье.

Класс, где учился Данил, был очень дружным, его любили одноклассники, он умел их развеселить. Учителя его иногда за это ругали. Он был способным, но учился удовлетворительно. Данил был доброжелательным и веселым, его улыбка сражала всех. Хорошие дружеские отношения с родными и двоюродными братьями всегда давали ему преимущество перед остальными родственниками, а вот младший в нем души не чаял.

Когда в семье родился третий ребенок, младший брат, Данил повзрослел. Маму с младшим братом из роддома пришлось забирать ему, так как папа был в это время в командировке. На тот момент Данилу было почти 16 лет. Данил хотел уйти из гимназии после 9 класса и поступить в колледж, но родители не пустили, посчитав тогда, что будет лучше, если он останется учиться до 11 класса. Он стал более ответственным, подтянулся в учебе и хорошо сдал экзамены на удивление всем.

С самого детства у Данила в окружении были друзья младшего возраста: видимо, их привлекали лидерские качества Данила. Опыта дружбы с девочками во время учебы в школе у Данила не было, его больше интересовала техника: велосипеды, мотоциклы. Во время учебы в гимназии Данил прошел курсы тракториста, обучился в автошколе и получил права в 18 лет. Ему очень нравилось водить автомобиль, который ему подарили родители.

После получения аттестата в гимназии Данил поступил в Казанский энергетический колледж. Учиться ему нравилось, все было ему понятно и знакомо. На 2 курсе решил подрабатывать в кафе, познакомился там с девушкой. Появились задолженности в учебе, с девушкой отношения разладились. Зимой 2021 года Данил объявил о своем решении покинуть колледж. Истинную причину решения так никто и не знает. Администрация колледжа долго уговаривала его не забирать документы, предлагали ему оформить перевод хотя бы на заочное отделение. Родители также вели с ним разговоры и, конечно же, пытались донести, что в случае отчисления из колледжа его призовут в армию сразу. Но Данил решил твердо – забрать документы из колледжа.

Так и вышло. 19 мая 2021 г. Данил отправился служить моряком в Крым. Служба началась на военном корабле «Ямал», который постоянно находился на ремонте, в море не ходил. У призывников было время обучаться, с чем Данил справлялся хорошо. Служба шла спокойно, и спустя полгода Данил решил подписать контракт с ВМФ России. Видимо, чтобы было больше времени привести свои мысли и чувства в порядок. Данил посоветовался с родителями, и они возражать не стали.

С ноября 2021 г. Данил начинает службу по контракту. Он был прикомандирован к другому кораблю «Новочеркасск», который ходил в море. В декабре 2021 г. корабль, где служил Данил, участвовал в боевой задаче в Сирии, после чего брат становится ветераном боевых действий.

С началом СВО «Новочеркасск» активно выполнял боевые задачи. В марте 2022 г. при освобождении г. Бердянска бригада из двух кораблей, «Новочеркасск» и «Саратов», осуществляли свою задачу с моря, в бою «Саратов» погиб, а корабль «Новочеркасск», на котором служил Данил, получил значительные повреждения, были и погибшие ребята. Как рассказывал Данил, он чудом тогда остался жив.

Данил очень любил своих родителей и мало рассказывал о службе. Да и нельзя было рассказывать, ведь эта информация секретная.

После ремонта повреждений БРДК «Новочеркасск» снова выходит в море и участвует в бою за освобождение г. Мариуполь и стратегически важного объекта «Азовсталь».

В июле 2022 г. Данил был награжден часами за отличную службу Правительством Республики Татарстан.

Спустя два года после начала службы, в августе 2023 года, Данил впервые приезжает в двухнедельный отпуск домой. Родители и братья ждали эту встречу. Радости родных и друзей не было предела. «В армию проводили пацана, а приехал мужчина», – говорили родители. События на службе отложили отпечаток не только на сердце Данила, но и на его внешности. Данил приехал в красивой форме, выглядел мужественно и уверенно. Его взгляд изменился, но улыбка осталась прежней. Он и теперь улыбался, несмотря ни на что. В разговорах Данил никогда не жаловался на службу, не просил помощи, хотя служить было тяжело, как потом рассказывали родителям командиры Данила. Спустя десять дней семья проводила Данила обратно, с надеждой встретится вновь уже скоро, ближе к новому 2024 году.

Но случилось по-другому. В начале декабря Данил снова приезжает в отпуск. Это было неожиданно для всех. Корабль в срочном порядке встал на ремонт, и командование отпустило Данила в отпуск на две недели. В этот раз Данил все больше был дома с родителями и родными. К концу отпуска Данил приболел – простыл. Зима в этом году была очень холодная. Отец посоветовал Даниле обратиться к врачу, остаться дома, чтобы поправить здоровье. Но Данил отказался: «Не могу я подвести своих ребят и командиров, я поеду».

12 декабря 2023 года Данила проводили на поезд. В тот день было очень холодно, и, чтобы никому не замерзнуть, быстро все обнялись и попрощались. На прощанье Данил обнял маму и нежно поцеловал в щеку, ранее никогда он этого не делал. Только спустя время мама поняла, что это был прощальный поцелуй. Данил сел в вагон и уехал навсегда... Он приезжал, чтобы увидиться с нами и попрощаться.

26 декабря 2023 г. силами ВСУ подло и исподтишка среди ночи «Новочеркасск», находящийся в порту г. Феодосия, был атакован. Две ракеты были выпущены по кораблю; офицеры и матросы до последнего достойно защищали свой корабль, но, к сожалению, он погиб.

Полгода длились следственные мероприятия: расчищение места гибели корабля, обнаружение и опознание тел погибших моряков. 34 человека полгода числились как без вести пропавшие, в том числе и наш Данил...

14 мая 2024 года Данил Гусаковский был похоронен с почестями на кладбище села Верхний Услон. Данил награжден посмертно орденом Мужества, который был вручен капитаном 3 ранга на похоронах. Чуть позже родителям вручили медаль Данила «Участник СВО».

Данил погиб геройски, защищая свою Родину. Горжусь тобой, брат!
Честь имею!

Небесное путешествие (притча)

В высоких небесах, среди мягких облаков и искрящихся звезд, однажды появился загадочный трамвай. Этот трамвай не следовал по железным путям, не терял времени на остановки и не был перегружен пассажирами. Он словно скользил по воздуху.

Говорили разное о его предназначении. Кто-то шептал, что он забирает души тех, чье время на земле истекло. Другие утверждали, что это портал в иные миры, где сбываются самые сокровенные мечты. Но истинная природа Небесного трамвая оставалась скрытой за пеленой таинственности, и люди не знали наверняка, что ждет тех, кто покидает трамвай.

Каждый вечер, когда солнце уступало место луне и небо окрашивалось в насыщенно-голубые и фиолетовые цвета, а первые звезды начинали мерцать, люди могли увидеть его. Он проезжал среди облаков, его серебристые окна ярко выделялись на фоне темнеющего небесного полотна. Едва слышный звон, мелодичный и пронзительный, был его отличительной чертой. Пассажиры шептались друг другу о том, что трамвай увозит их в Рай – место, где нет боли и страха. Только свет, тишина и мир. Но никто не знал, что скрывается за облаками, за горизонтом жизни. Это была величайшая загадка, над которой бились мудрецы и поэты.

И вот, среди этих разговоров и слухов, словно посланный самими небесами, появился молодой человек по имени Симон. Он был жив и здоров, но в его сердце таилась тревога. Симон был человеком, который всегда ищет ответы на важные вопросы о жизни, смерти и о том, что происходит после. Небесный трамвай привлек его внимание. «Что если он не везет в Рай, каким его описывают в священных книгах? Что если он переносит в нечто большее? Что если небеса – это не конец пути, а лишь начало нового путешествия?» – размышлял он.

Однажды, сидя на старой скамейке в парке и наблюдая за вечерним небом, Симон вновь увидел его – трамвай, этот мистический и загадочный транспорт. В тот момент, когда облака разошлись и небо стало темным, усеянным звездами, он почувствовал, что настал его час. Это было его время, его судьба. Симон не ощутил страха, лишь осознание того, что должен раскрыть тайну истины. Словно под действием невидимой силы он встал и направился к Небесному трамваю, несмотря на беспокойство в душе. Симон был готов.

Как только Симон вошел в трамвай, перед ним открылся мир, который не имел ничего общего с земным. Здесь не было привычного шума и суеты, громкого говора и гудков машин. Вместо этого везде царил мир, умиротворяющая тишина и покой, словно сама Вселенная затаила дыхание, ожидая чего-то важного. Симон, замороженный этим новым миром, выбрал место у окна и с любопытством стал разглядывать бескрайние просторы неба. И вдруг, словно из ниоткуда, рядом с ним появился старик с добрым и мудрым лицом.

– Вы не из наших? – спросил Симон, не в силах удержать любопытство.

– Я был, – ответил старик с мягкой улыбкой, – но мои дни на Земле давно прошли. Теперь я лишь наблюдаю за тем, как сменяются эпохи и приходят новые души. Я расскажу тебе о тех, кто уже побывал здесь до тебя, о тех, кто познал радость и горечь земной жизни. Этот путь, этот трамвай не всегда приводят к концу, как думают многие. Мы все здесь в разное время. Судьба у каждого своя, но цель одна – познание.

Симон, заинтригованный словами старика, присел рядом и стал внимательно слушать его истории и рассказы других пассажиров. Одна молодая женщина с грустными глазами рассказала, как ее жизнь была несправедлива к ней, как она потеряла все, что было ей дорого. Но, несмотря на все трудности и испытания, она всегда стремилась к любви и милосердию, помогая нуждающимся и даря тепло тем, кто был одинок. Старик же, в свою очередь, поделился воспоминаниями о том, как он много лет учил детей в маленькой деревенской школе. Он говорил о том, что в жизни главное не богатство или слава, а искренность, сострадание и забота друг о друге.

Время в трамвае текло иначе. Оно совсем не подчинялось земным законам. Казалось, что прошло несколько минут, но на самом деле Симон прожил целую жизнь, встречая людей, обмениваясь взглядами, историями и переживаниями. Он узнал о жизни тех, кто сидел рядом, об их трудностях и радостях, о том, что каждый из нас переживает – падения и восхождения, тоску и настоящее счастье. Симон начинал осознавать, что жизнь не заканчивается смертью, а лишь продолжается в другом виде.

Наконец трамвай замедлил свой ход, и перед Симоном открылись величественные врата. Это был Рай, но не тот Рай, о котором он читал в книгах. Это было не просто место покоя и вечного счастья, а безграничное пространство, где душа на все могла найти ответы, исцелиться, обрести мир и покой. Это было место, где осознание было не целью, а лишь началом нового, захватывающего пути.

– Ты готов? – спросил старик, стоящий рядом с Симоном, его взгляд был глубоким и внимательным.

Симон посмотрел в его глаза и понял, что готов. Он больше не боялся неизвестности и был полон решимости продолжить свой путь, зная, что здесь его ждут ответы, его собственный путь, его истинное начало.

Трамвай остановился. И Симон, сделав глубокий вздох, шагнул в свет. В его сердце не было страха и сожаления – только спокойствие, надежда и предчувствие чего-то удивительного. Он был готов пройти путь до конца, чтобы найти истину и познать смысл своего существования. И кто знает, может быть, когда-нибудь он сам станет одним из тех, кто рассказывает истории в Небесном трамвае.

Подвиг земляка

История Родины складывается из множества личных историй: солдат и офицеров, тружеников тыла. Каждый внес свой вклад в общую Победу.

В Ратайчицах нет семьи, не проводившей на фронт своих близких. Рассказы об этих людях – свидетельство их мужества, стойкости и непоколебимости.

Одна из таких страниц – история девятнадцатилетнего комсомольца Сергея Вирко, повторившего подвиг Александра Матросова.

В семье Вирко было трое детей: Иван, Сергей и Ефросинья. После смерти отца заботы о хозяйстве легли на плечи старших братьев. Детство быстро закончилось. В тринадцать лет Сергей пошел в школу. Учился прилежно, любил математику и разводил голубей. В те годы он мечтал стать инженером и строить новые города. Он любил небо и, возможно, видел себя летчиком.

Но началась война, оккупация. Вместе с другими односельчанами Сергея угнали в Германию. Семь раз он пытался бежать, и только на восьмой раз, возле Белостока, ему удалось выскочить из поезда. Он пешком вернулся домой, где фашисты заставляли местных жителей рыть окопы. Он видел своими глазами, как фашисты издевались над мирными жителями, и в его сердце росла ненависть к врагу. «Нет, – решил Сергей, – лучше я вырою могилу для вас».

Когда в 1944 году Каменецкий район был освобожден, Сергей вместе с братом Иваном вступил в Красную Армию. Ему исполнилось восемнадцать. Вскоре Иван, танкист, погиб, сгорев в своей машине. Сергей написал сестре: «Буду воевать за двоих». А жене брата, Вере Мироновне, пообещал: «За Ивана и его сирот я отомщу фашистам».

Из листовки политотдела: «В бою за замок гитлеровцы ожесточенно сопротивлялись, преграждая шквальным огнем путь наступающим гвардейцам. Необходимо было обнаружить и уничтожить вражескую огневую точку.

– Кто пойдет в разведку? – спросил лейтенант Белоусов.

– Я! – первым откликнулся комсомолец Вирко.

Вооруженный автоматом и гранатами, он пополз к замку, где засели пулеметчики. Страх отступил перед чувством долга и ненавистью к оккупантам. Он понимал, что от его действий зависят жизни товарищей.

Вот и огневая точка, мешавшая продвижению батальона. Вирко быстро подполз, поднялся и метнул гранату. Трое гитлеровцев были уничтожены. Оставшиеся пулеметчики открыли огонь по смельчаку. Младший сержант знал: успех наступления зависит от уничтожения вражеского пулемета. Он поднялся во весь рост и бросил последнюю гранату с нескольких метров. Взрыв не причинил врагу вреда. Оглушенный взрывом, Сергей не отступил. Он бросился вперед и закрыл собой пулемет. Последняя очередь прошла его грудь. Вражеский пулемет затих. В последние мгновения он, возможно, увидел лица родных – матери, сестры, погибшего брата. Он отдал жизнь за свою Родину.

Батальон поднялся в атаку и с боем взял замок.

Вечная слава герою – Сергею Вирко, повторившему подвиг Матросова!»

О подвиге сына командование сообщило Anne Ивановне. Вскоре пришло ее ответное письмо:

«Известие о гибели Сережи стало для меня страшным ударом. Нелегко было растить его, но он вырос настоящим воином. Я горжусь своим сыном, защищавшим Родину.

Фашисты принесли нам много горя. Они сожгли в деревне все постройки, угнали скот. Тогда Сережа сказал: «Пусть я умру, но я отомщу за их злодеяния».

На фронте погиб и мой старший сын. Сережа писал мне: «Держись, мама, я отомщу за все». И он сдержал слово.

Материнское сердце обливается кровью, но я горжусь сыном, выполнившим свой долг до конца. Его жертва не была напрасной. Он отдал жизнь за мирное будущее».

Младший сержант Вирко Сергей Васильевич, наводчик пулемета 252-го гвардейского стрелкового полка, посмертно награжден орденом Отечественной войны I степени (Указ от 31 мая 1945 года).

Он похоронен в братской могиле в поселке Увейково Калининградской области, где покоятся 667 советских воинов.

Имя Сергея Вирко носят улицы в Каменце и Ратайчицах, его имя присвоено Свищевской средней школе.

Подвиг Сергея Вирко – пример мужества, самоотверженности и любви к Отчизне. И сегодня, спустя десятилетия, мы помним и чтим его подвиг. Важно, чтобы и молодые поколения знали о героизме таких людей, как Сергей Вирко, отдавших жизнь за свободу нашей Родины. Их пример – это призыв к миру, согласию и созиданию во имя будущего нашей страны!

*Документова Валерия Александровна
Рук. – Капустина Ирина Николаевна
Республика Бурятия*

Мишка

Детство. Счастливое время, сотканное из хрупких воспоминаний о светлом, бережно оберегаемом памятью мире, где есть мама и папа, где светит яркое-яркое солнце, где цветными мелками изрисован асфальт, где есть книжки с добрыми сказками, которые мама читает перед сном, пока ты прижимаешь к себе мягкую игрушку.

Каждый новый день наполнен доброй верой в чудо, но веру эту, увы, так легко отнять. Это и случилось со всеми советскими детьми в 1941 году. Один летний день разделил жизни людей на «до» и «после», а радостную пору детства на «есть» и «нет». 22 июня детство погибло, разбилось вдребезги и впилось в память осколками, было покалечено и истерзано лапами войны, безжалостно разодравшими его в клочья.

И с тех пор каждый новый день был наполнен новыми страхами, новой горечью, новой болью и самым страшным, о чем никогда не говорится в добрых сказках, – смертью.

Я расскажу вам о Ване – одном из тех, чье детство было убито войной.

Когда-то беззаботно живущий мальчишка остался за старшего дома: папа ушел на фронт, приказав беречь себя и маму. А мама обещала, что он вернется.

Детские ручонки крепко обнимают плюшевого друга, подаренного папой в день отъезда, и тихий голосок надрывается в шепоте: «Мишка, а папа вернется?..» Мишка молчит. Наверное, тоже боится.

Дни тянулись колючей проволокой, обвивая все сильнее и сильнее страхом перед тем, что будет дальше.

А дальше – обстрел за обстрелом, сирены вместо колыбельных, асфальт изрисован не мелками, а кровью, каждый день влечет за собой потери, каждая ночь темнее другой.

Но рядом Мишка, он выпит все слезы и все тревоги, он услышит каждую мольбу о пощаде, каждую просьбу о том, чтобы мама жила, чтобы папа жил, чтобы Ваня жил, чтобы все было так, как раньше.

Мама совсем худая и бледная. Работает много и много плачет, почти не спит и каждый кусочек хлеба отдает Ванюшке, а он втайне старается делиться со своим плюшевым другом. Вместе с Мишкой Ваня писал письма папе, но никак не мог дожидаться ответа.

Еще одна холодная ночь опустилась на дома беззвездным черным покрывалом, ветер порывами глухого свиста стучал в окна, блуждали во дворе длинные рваные тени. Ваня старался уснуть, как обычно прижав к сердцу своего друга. Мама сидела рядом, на краю кровати, и осторожно гладила сынишку по светлым кучерявым волосам. Пелена обжигающих слез рябила в ее глазах, а руки, ставшие теперь грубыми и сухими, дрожали и совсем ее не слушались. Она вспоминала те времена, когда ее семья могла спать спокойно. Как же было хорошо тогда!

На часах полночь. Ваня видит красивые сны – почти такие, как прежде, и утомленная мама спит рядом.

Но длинные тени скребутся внутрь, они подкрались уже совсем близко и... Громкий стук в дверь оттарабанил нечеткий ритм. Мать, едва очнувшись от недолгого сна, вскочила с кровати и ринулась было заслонять вход всем, что было в доме, но уже поздно. Дверь выломана. На пороге два немецких солдата с винтовками наперевес.

Женщина подхватила сонного сына с кровати и, заслоняя его собой, забила в угол: «Берите, что угодно, но не лишайте нас жизни!» Ваня, жмурясь, выглядывал из-за материнского плеча; он понимал, что происходит. Отцовские слова гремели эхом в его голове, он должен защитить маму, ни за что не дать ее в обиду гаду фашистскому.

Двое в черных сапогах мерили шагами бедный домишко, высматривали ценные вещи, но найти ничего не могли, да и нечего. С самого начала войны мать обменяла все нажитое на еду и теплые вещи, высланные на фронт.

Обессиленное тело хрупкой женщины билось в судорогах, краснеющие от плача глаза обезумевшим взглядом уставились на немцев, принесших в ее родную страну горе, в ее родной дом – ужасающую беду. Ваня сжимал материнские плечи и, сдерживая плач, отрывисто шептал ей на ухо: «Мамочка, я с

тобой. Папа вернется. Мы будем жить, мамочка». Как вдруг мальчик заметил оставленного им на кровати Мишку: плюшевый друг лежал, раскинув лапы, словно уже был готов сдаться в плен, а его пуговичные глаза блестели отчаянием и скорбью.

Один из солдат заметил тревогу Вани и направился в сторону брошенного им товарища. Немец, криво ухмыляясь, приподнял с кровати Мишку. А после бросил его на ледяной деревянный пол, глядя мальчику прямо в глаза, и старательно начал топтать его каблуком. К нему присоединился второй солдат, и теперь они, глумясь и гогоча над мальчишеским испугом, издевались над самым преданным его другом.

Ваня с перекошенным от ужаса лицом вырвался из-за материнской спины и с истошным криком бросился спасать своего товарища. Мать, цепляясь руками за сына, умоляла его остановиться, но мальчик уже успел схватить Мишку, теперь однолапного и изодранного, но по-прежнему родного и любимого.

Воцарилась минутная тишина. Женщина, белеющая от страха, таранилась на сына. Ваня стоял неподвижно, обнимая своего друга. Оскорбленные нацисты, расплывшись в ядовитой ухмылке, переглянулись.

Выстрел...

Тело мальчика, пронзенное пулей, рухнуло на пол. Рядом с ним упал и Мишка, алеющий Ваниной кровью.

И вот каждая добрая книжка, каждая мамина улыбка и папины наставления, каждая конфета в яркой обертке, каждый неумелый рисунок вместе с мальчиком погибают в его сознании, растворяются в растекающейся лужице, сочащейся в глубину щелей ледяного пола.

Смех жестоких зверей в человеческом облики смешался с воплями матери, бросившейся к своему малышу.

Выстрел...

Два мертвеющих тела остались лежать в тишине ночного кошмара. Только ветер по-прежнему выл за окном.

*Евстафьева Любовь Геннадьевна
Рязанская область*

О чуде, меде и войне

В феврале сорок первого семью моей мамы постигло большое горе: крохотная беленая хатка, невесть каким чудом затерявшаяся среди густых мещерских лесов и дававшая приют семерым людям, сгорела за считанные минуты, оставив всех семерых без крыши над головой. В буквальном смысле слова: мазаные глиной стены уцелели, а вот крыша и все, что было внутри, превратилось в прах и пепел.

Выбежали кто в чем был, без верхней одежды. Бабка «хрясталась» на утоптаный грязный снег, выла и каталась по обледеневшей дороге, совсем не заботясь о том, что на голове нет платка, а рукава рубахи закатаны выше локтей. Все случилось очень быстро: хлопотала бабушка у печи, «зажарилась», разголилась, а тут соседи в окно постучали, крикнули: «Дарья, горишь!» В дру-

гое время Дарья Сидоровна, крепкая в вере и чтящая обычаи, ни за что бы не вышла на улицу с непокрытой головой и голыми руками. Но какие могут быть приличия, когда крыша твоего дома вовсю полыхает! Какие обычаи?!

Набежавшие на пожар люди пытались успокоить бабушку, поднять с дороги, увести в тепло. Но она выскальзывала из чужих рук, рвалась в огонь, кричала, словно обезумевшая. И убивалась она вовсе не по горящему дому, а по запасам, хранящимся в подполе. А хранилось там много чего: керосин в жестяных баклажках, крупы в огромных стеклянных бутылках, соль в обитых жестью ящиках, сухари, спички, свечи, отрезки материи... Всего и не перечислишь.

Тогда все знали, что скоро будет война, только об этом и судачили. Вот и пожилой чубатый хохол, люто ненавидевший Советы, почувствовал поступь фашистских сапог у границ Союза и рванул в родные пенаты, продав бабке дом за чисто символическую плату – стоимость дороги до Львова. Спасал свою шкуру, мечтал о свободе.

Хата была крохотной, половину помещения занимала печка. Три маленьких низких окошка почти не пропускали свет. Под окошками – широкие лавки, приделанные прямо к стенам. Пол в жилище – земляной, что совсем уж неправильно в нашей средней полосе. В лютые январские морозы он промерзал и покрывался инеем, быстро выхолаживая маленькое помещение. Не дом, а скворешник какой-то! За проживание в этой глинобитной хатке семья пожизненно получила от односельчан вторую фамилию – Мазанки. Это прозвище до сих пор «в ходу».

Обживаясь на новом месте, бабушка при помощи старших дочерей выкопала на месте земляного пола глубокий подпол и два года бережно заполняла его всякой долгохранящейся «нужностью» на случай войны. И вот все сгорело за считанные минуты. Как тут не горевать? Как не убиваться?!

Из задымленного сарая смогли вывести только корову да прихватить двух опаленных пламенем куриц. Вечерка, пережив сильный стресс, перестала давать молоко, и животинку пришлось прирезать. Кормилицу было жалко до слез. Но что поделать? Корова, не дающая молока, никому не нужна, а так – хоть какая-то еда.

Опаленные курицы тоже пошли на мясо...

Без крыши над головой семью не оставили: лесозавод выделил погорельцам двенадцатиметровую комнату в новом бараке. Добрые люди нанесли продуктов и кое-какой одежонки. Заводские рабочие прибили к стенам нары, соседний колхоз дал соломы для тюфяков, сосед сколотил стол и лавки – в общем, к концу зимы худо-бедно обжились. Бабка с нетерпением ждала прихода весны, чтоб начать огородный сезон и обеспечить детей достойным пропитанием.

И вот пришла весна – теплая, дождливая. Пора сажать и сеять. Семье дали небольшой огородик рядом с оврагом, поросшим густым кустарником. Но там свирепствовала медведка. Дарья Сидоровна осмелилась посадить на этом клочке земли только капусту и огурцы. Более серьезные овощи решено было выращивать на старом поместье. Бабушка обосновалась на пепелище, поставила топчан на погребнице (погреб уцелел при пожаре, так как находился довольно

далеко от дома) и принялась сажать и сеять. Семенной материал собирала по всей деревне.

А тут и война началась. Нагрянула грозно и неожиданно! Бабка опять выла и убивалась. Одну войну она уже пережила, знала, что это такое. Когда коробок спичек стоил целое состояние, а за буханку хлеба могли убить. Когда в карманы ничего нельзя положить – вытащут, не заметишь, как! А сейчас, после пожара, в карманы и сунуть-то нечего...

Все лето бабушка старательно обихаживала огород: полола, поливала, окучивала, рыхлила. По ночам патрулировала территорию на пару с огромной лохматой собакой по кличке Малахай. Варилась себе еду на костре, стиралась на болоте. Старшие дочери работали на лесозаводе, в свободное время рыли окопы. Некогда им было матери помогать. Четырнадцатилетнему сыну Ване выпала участь копаться с бабушкой на огороде, колоть дрова и ходить в лес за грибами и ягодами. Моей девятилетней маме досталась совсем уж взрослая доля – готовить еду для работающих старших сестер и обихаживать огород у оврага. И она с этой долей справилась! Обед всегда подавался вовремя, а на маленьком огородике, несмотря на засилье медведки, с которой мама беспрестанно боролась, кочаны капусты выросли неподъемными, а огурцы размерами напоминали кабачки.

Бабушка в это время трудилась на старом поместье. К концу лета часть овощей была убрана в погреб, чтобы потом потихоньку перенести в барак. Картошку и морковку копать еще рано – можно чуток передохнуть. Бабушка была благодарна Богу за то, что послал хороший урожай. Решила сходить в церковь, помолиться – как раз в Успенье Богородицы. Замкнула погреб на амбарный замок, привязала у двери свирепого пса. Отсутствовала несколько часов. Когда вернулась, обнаружила мертвого Малахая, пустой погреб и перерытый огород...

Воры унесли все: лук, морковь, картофель, свеклу, сушеный шиповник. Пучки трав, развешанные под крышей погреба. Огородный инвентарь. Даже соломенный тюфяк!

Опять Дарья Сидоровна убивалась и кричала. Не могла понять, как так можно – унести последнее у того, кто все потерял?! Прокричавшись и успокоившись, старательно перекопала огород, набрав несколько мешков мелких корнеплодов, которыми побрезговали воры. В лихую пору все пригодится.

Жить стало трудно. На многие товары к тому времени ввели карточки, на остальные – нормы. Лишнего взять негде. Вроде, четверо из семерых работали, остальные получали продукты по карточкам иждивенцев. Но попробуй прокормить семерых по выдуманным кем-то впопыхах нормам! Все молодые, здоровые, работают много, вот и кушают хорошо. Опять же, надо во что-то одеваться. Зимой в старых тапках и рваной курточке не походишь. А цены взлетели до небес...

К декабрю стало совсем худо. Щи из квашеной капусты, с крошечными кусочками соленой говядины или сушеными грибами, уже не лезли в рот. Мелкая картошка – на счет, только по праздникам. Запаренная пшеница, приправленная капелькой патоки, вызывала отвращение. Осенью еще можно было при-

править щи лебедой или задубевшим щавелем, но теперь землю укрывал снег. Есть хотелось постоянно. Вроде сунуть в рот было что, а все равно – голодно.

Особенно трудно было детям. Мама засыпала и просыпалась с мыслями о еде. Хотелось чего-то сладенького – медку, например. Хоть ложечку! С отваром шиповника. Но нет ни меда, ни шиповника... Да хоть морковки сушеной! С отваром зверобоя. Но нет ни того, ни другого... Или сладенькой запаренной свеколки, но ее тоже нет... В чайнике – веточки смородины и малины, для вкуса и запаха. И этот мутный отвар тоже вызывал отвращение...

Но больше всего хотелось пшенной каши. С молоком или маслом. Топленым. Или вдоволь картошки налпать. Тоже с топленым маслом!

Про школу маме пришлось забыть – новую одежду купить не на что, а за поданную рванину одноклассники дразнили. Иногда ее приглашали в чужие семьи, посидеть с малыми детьми. За кормежку. Мама и этому была рада – хоть картошечки вдоволь поесть! Иногда мыла полы пожилым людям, опять же за кормежку. А у стариков кормежка-то – так себе. Все те же щи с кислой капустой... Как-то за старания мама получила две большие конфеты. Одну отдала Ване, и дети весь день смаковали лакомство, откусывая крохотные кусочки...

Однажды Ваня узнал от друзей, что некоторые ребята ходят по округе и собираются. Да, в войну трудно было всем, а особенно вдовам и солдаткам с малыми детьми. Вот и ходили ребятки по округе в поисках съестного. Ваня загорелся этой идеей, мама его поддержала. Бабушка долго не соглашалась: что у них, поесть совсем нечего? В округе волков развелась тьма, да и лихие люди шастают по дорогам... Но дети были настойчивы, и бабушка сдалась. Только поставила условие: далеко не ходить, управиться дотемна!

Вышли засветло, одевшись потеплее и прихватив салазки. Шли торными дорогами, запоминая направление. Дошли до маленькой деревушки, стали стучаться по домам. Им подавали, но всякую трень-брень: капустные листья, картофельные очистки, подмороженные картофелины, дробленое зерно. Говорили: вы, ребятки, дальше идите, здесь уже собирались!

Зашли подальше. Там то же самое: подавали ерунду, говорили, что здесь уже ходили. Зашли еще дальше. И еще дальше... Потом все же нашли деревню, где никто не ходил. Вот там поживились и крупой, и кругляшами замороженного молока и обрат, и ржаной мукой, и чаем. Хотели еще дальше пойти, но зимний день короток – надо возвращаться. Торопились, а все равно пришли домой уже по темноте. Переволновавшаяся бабушка сказала: все, больше не пушу!

Набранное съели всего за неделю. И щами со свежими капустными листьями полакомились, и кашкой, и чай настоящий попили. Мама с Ваней захотели еще раз походить по округе, но бабушка пригрозила им ремнем: не смей!

Но мама с братом все же решили втихаря походить по дальним деревням, уже без бабушкиного соизволения. Дорогу они запомнили, нужно было лишь дождаться подходящего момента. И этот момент вскоре наступил: в двадцатых числах декабря бабушку позвали молиться над изголовьем умершей старушки. Чутко спавшие дети вскочили, едва только за бабушкой закрылась дверь, оделись потеплее и ушли в темноту зимней ночи. Ходики показывали четвертый час утра...

Шли долго, пропуская деревни, в которых уже побывали. Наконец, забрели в большое поселение. Еще не рассвело, но во многих домах горел свет: люди в сельской местности просыпаются рано. Стали стучаться в двери и окна, просить милостыню. Им подавали без отказа, и хорошо подавали: разные крупы, сухари, замороженное молоко, заветренное, но вполне съедобное сало. В одном из домов ребята помогли древнему деду подправить входную дверь, в вознаграждение получили свиные копытца, уши и хвост. В другом доме помогли беременной вдове подвесить колыбель к потолку. Женщина накануне получила похоронку на мужа, горько плакала, усадила детей за стол, накормила крошкой – за помин души убиенного воина. Позволила им погреться на печке.

Они не заметили, как заснули и продряхли целый час. Потом добрая женщина разбудила их и дала на прощанье целый шмат сала!

Дети дошли до самого края деревни, набив продуктами два здоровенных мешка. И тогда Ваня сказал:

– Все, хватит! Больше не увезем. Домой пора...

Прошли по деревне в обратном направлении, добрались до фермы, где еще одна добрая женщина налила детям по кружке парного молока. Чуть дальше фермы стоял конный двор. Увидев идущих детей, из покосившихся ворот вышел заспанный конюх, расспросил, куда идут и откуда. Потом указал путникам короткую дорогу: мол, вот туда идете, а у развилки направо повернете – там тракт до самой вашей деревни будет...

Ребята пошли по укатанной дороге, волоча за собой тяжелые салазки. Поначалу весело щебетали, и голоса их переливчатым звоном растворялись в морозной тишине. Потом начали уставать, примолкли. Обступивший дорогу лес грозно встал перед детьми, давя тишиной и какой-то древней колдовской мощью. Начало темнеть, и под сенью исполинских деревьев стало сумеречно и неуютно.

– Надо было пораньше выйти, – бормотал Ваня, кутаясь в старый платок матери. – Вона, как быстро темнеет!

– Надо было. Тока часов-то у нас нет...

Стемнело быстро. Мороз все крепчал, воздух серебрился и звенел, рассыпаясь на миллиарды крохотных блесков. Холодный месяц равнодушно смотрел с темных небес детей, бредущих по лесной дороге...

– Ой, Ванька, руки-ноги стынут! – заныла Панька. – Заплутались мы с тобой...

Хотела поплакать, но слезы примерзали к щекам.

– Не дрейфь, Панька! – бодро говорил Ваня. – Еще чуток – и мы дома!

– Да мы еще и на тракт не вышли, – ныла сестра. – Можя, не там свернули? Или вовсе не сворачивали?

– Сворачивали, – упрямо твердил Ваня, вовсе не уверенный в своих словах. – Там, где надо, сворачивали!

Девочка не унималась:

– Ой, замерзнем мы здесь, а косточки наши дикие звери растощут! И похоронить-то будет нечего!

– Хватит тут причитать! – сердился Ваня, борясь с растущей в душе паникой. – Иди шустрой...

Утоптаный снег морозно скрипел под ногами, визжал под полозьями санок, наполняя округу тоской и безнадежностью. Уставшие перепуганные дети, спотыкаясь и оступаясь, волокли за собой тяжелые салазки, мечтая о тепле родного дома. Хотелось просто сесть на снег – и сидеть, сидеть, сидеть!

– Ой, Вань, давай чуток отдохнем! – опять заныла Панька. – Идти совсем сил нет.

– Нельзя останавливаться! – ругался Ваня, а у самого слезы на глаза наворачивались – слезы отчаяния. – Сразу замерзнешь!

– Ну, хоть минуточку! Ноги совсем не идут...

Ваня, сам смертельно уставший и перепуганный, нехотя согласился:

– Ладно, но только на минуточку!

Ребята остановились, сели на мешки. Да какой там сели – рухнули! Перестал скрипеть снег под ногами. Перестали визжать полозья салазок. И в наступившей тишине – оглушающей, давящей – ребята отчетливо услышали: «Меее-ее!»

Переглянулись, не веря своим ушам, думая, что уже замерзают и им это чудится. Но звук повторился: «Меее-ке-ке!»

– Никак, коза мекает? – спохватился Ваня.

Отчаяние придало детям сил. Рванули в сторону звука, свернули на торную дорогу, преодолели полосу леса – и вот оно, чудо! – крохотная деревушка в два десятка домов! Свету ни в одном окне не видно, но из каждой трубы вьется дымок.

– Ура, спасены! – закричал Ваня, вытирая слезы – слезы облегчения.

Ребята рванули к крайнему дому, стали стучать, кричать: «Помогите! Замерзаем!». Но им никто не открыл. И во втором доме им не открыли. И в третьем, и в пятом...

Панька рыдала в голос:

– Замерзнем мы здесь, посередь деревни! И никто нас не пожалееееет!!!!...

Пожалели детей в крайнем доме, но уже на другом конце деревни, когда мама с Ваней и не надеялись на спасение. Стучали-стучали, уж уходить хотели, когда старческий дребезжащий голос спросил из-за двери:

– Кто тама?

Дети, рыдая, стали наперебой говорить, что заблудились и замерзают, им бы только обогреться! Дверь открылась, крохотная старушка пропустила их в сени, проворчав:

– Зачем по ночам-то шастаете? В эдакий мороз! Салазки-то в сени завезите, а то тут полно охотников до дармовой еды...

В клубах пара все трое вошли в натопленную избу. Старушка подтолкнула детей к печке:

– Грейтесь! Поди, заволодали сильно...

Дети плюхнулись на широкую скамью у печи, каждой клеточкой тела ощущая благодатное тепло. Сразу заломило руки, по спине пошла дрожь, на

плечи навалилась смертельная усталость. Казалось, что никакая сила не смогла бы оторвать их от этой лавки и заставить двигаться...

Но такая сила нашлась! В виде глиняной чашки с пшенной кашей с лежащим сверху куском топленого масла!

Старушка подтолкнула детей к столу:

– Поешьте-ка, поди, с утра голодные...

Не веря своим глазам, ребята рванули к столу и быстренько опустошили чашку. Даже масло растаять не успело! Старушка молча взяла пустую посудину и опять наполнила ее кашей. На этот раз дети ели не так торопливо, смакуя и наслаждаясь вкусом еды. Не то чтобы у них маковой росинки во рту за весь день не было: и крошки они похлебали, и молочка по кружечке выпили. Но разве это еда для растущего организма?

Старушка все это время молча наблюдала за ними. Потом скомандовала:

– А теперь на печку – спать!

Ребята забрались на печь и мгновенно заснули...

Проснулись, когда морозное солнце расцветило ледяные узоры в окнах избы. Слезли с печи, потягиваясь. Старушка хлопотала у дощатого стола, нарезаая хлеб. Добродушно сказала:

– Думала, что весь день проспите! Уж будить хотела. Садитесь-ка, щец поешьте. Поди, остыли они совсем. Мне бы с вами поговорить надобно.

Поглядев на стол, Панька даже зажмурилась от удовольствия: щи в большой чашке исходили ароматным паром; рассыпчатая каша, с подтаявшим кусочком масла в самом центре, дразнила и манила. А на самом краю стола, рядом с кусками ноздреватого хлеба, красовалась большая плошка с янтарно блестящим медом! Все, как она мечтала! Может, они с Ванькой замерзли вчера, и им все это только кажется?..

Оказывается, забрели ребята в глухую деревушку, в которой до революции проживало душ двести. Потом кто-то в революцию сгинул, кто-то – в гражданскую, а кто-то и просто помер. Молодежь в города подалась. К моменту коллективизации в деревне обитало меньше сотни жителей, наотрез отказавшихся идти в колхоз. И власти махнули на них рукой: кого там коллективизировать-то? Одно старье...

Так и остались жители деревни «самостийными». Никто к ним не лез, потому что никто не хотел за них отвечать – деревня будто исчезла, растворилась в глухих касимовских лесах. Сельчане разводили коз, овец, гусей, при каждом доме была пасека. Выращивали овощи на земле, отвоеванной у леса. Промышляли охотой. Продавали на рынке мясо, мед, шерсть, дичь, гусиный пух на перины и подушки, овощи. На вырученные деньги покупали то, что не могли произвести сами: муку, крупу, соль, отрезы материи. На паях держали лошадку для всяких хозяйственных нужд. Можно было еще пару лошадей завести, но покосы давали только членам колхоза. Лошадку же веточками не прокормишь.

Так вот и жили самостийщики. И неплохо жили, между прочим: в хлеб мякину не клали, снятое молоко не пили, в лаптях не ходили!

Деревня со временем старела и вымирала. Возникла проблема: печи топить надо, а дрова заготавливать – сил нет. Стали нанимать дальних родствен-

ников и знакомых. А тут – война, всех работоспособных мужиков на фронт забрали. Чужих в деревню вести боязно, своих не осталось. Что делать?!

Присмотрелась хозяйка избы к ночным гостям, и возник у нее умысел – привлечь детей к заготовке дров. А что: парнишка крепкий, ел вон как шустро; да и девчонка деловая. Предложила старушка ребятам работу, пообещала не обидеть с оплатой...

Почти две недели Ваня пилил и колол дрова всей деревне (к тому времени в деревушке осталось меньше тридцати душ). Сестра ему помогала дергать пилу, потом складывала поленья в поленицу. И в каждом доме их ждали щи с бараниной или козлятиной, каша с маслом, мед и чай!

Жители деревушки не обидели детей, нагрузили им в оплату полвозка всяких продуктов. Даже три бараньих туши положили! Ветхий старичок запряг в возок общественную лошадку и довез ребят до самого дома. По дороге дети поняли, что не заплутались, а просто не дошли до тракта какой-то километр. Если б дурная коза не заорала, возможно, дети и не добрались бы до дома живыми...

А дома... Дома они застали полумертвую мать, пластом лежащую на кровати. Она уж и не надеялась увидеть младшеньких живыми. Их искали, поднимая на поиски весь завод, но следы путешественников затерялись в лесу.

Бабушка так исстрадалась, что перестала есть. Лежала на постели и молилась. Молилась лишь о чуде! И чудо произошло: живые и здоровые дети появились домой в канун Рождества, в самый сочельник. Это ли не Рождественское чудо?!

Конечно, наши герои получили по заслугам. Хорошего ремня получили! А уж потом похвалили их. Набранных продуктов хватило, чтобы без проблем дожить до лета. Потом бабушку взяли на овощехранилище, вскоре и Паньке разрешили работать вместе с родительницей (да, на десятом году жизни). А там и новый урожай подоспел, семья опять развела скотинку. Так и пережили войну, без потерь!..

Ваню, вернее, Куприянова Ивана Федоровича, забрали на фронт в марте 1945-го. Бабушка, конечно, повыла и пострадала, но уж тут сам Бог велел: не каждый день она провожала сыновей на войну. Пока личный состав сортировали на полки, бригады и прочие воинские соединения, время шло. Потом долго на границе стояли, долго ехали – а тут и война закончилась! Победу Иван Федорович встретил в Чехословакии. Новобранцы кричали «Ура!», высунувшись из окон вагонов. Мощный ветер Победы срывал с их голов пилотки и бросал на обогренную кровью десятков тысяч красноармейцев чешскую землю...

Эй, вы, братья-славяне, которые говорят, что мы им не братья! Быстро же вы забыли, сколько крови советских солдат пролито за вашу свободу!

Служил Иван Федорович в Берлине, в составе группы советских оккупационных войск, в комендантской роте. Охранял общественный порядок, помогал с послевоенным восстановлением Берлина, подкармливал голодающих немецких детей. Были в роте и потери – фашисты долго еще огрызались, прячась по всем углам! Демобилизовался в 1952 году. Много раз рассказывал такую удивительную историю.

Эшелон с новобранцами прибыл в Берлин в середине мая. Весна в Европе – жаркая и душная. Молодые солдатики, чуток передохнув, запросились купаться. Командир вошел в положение, разрешил водные процедуры, и даже выделил для сопровождения нескольких офицеров и переводчика. Все-таки чужая страна – мало ли что.

Прибыв на реку, новобранцы скинули обмундирование и плюхнулись в прогретую воду Шпрее. Плавают, ныряют, гогочут, но все же замечают, что на берегу народ немецкий в толпу сбивается. Ребятам стало неловко: может, у них тут не принято раздеваться? Но они ж не совсем голые! Кто в кальсонах, кто в трусах ниже колена.

А народ все прибывает и прибывает. Женщины, дети, старики толпятся на набережной, на безопасном расстоянии. Мужчин нет, у немцев тоже много народу побило. А кто уцелел, тот либо в лагерь попал, либо союзникам сдался.

Вскоре в толпе появились бинокли. Тогда уж и офицеры сопровождения забеспокоились, послали к любопытным немецким гражданам переводчика. Тот долго беседовал с народом, потом пошел назад, прямо-таки захлебываясь от смеха. Отсмеявшись, рассказал, в чем дело.

Оказывается, им с 1933 года твердили, что русские – не такие, как все. Что у них есть рога, копыта и хвост! Вот доверчивые немецкие граждане и пришли посмотреть на эти неперенные атрибуты русских. Но ничего не рассмотрели и слегка разочаровались.

Самые любопытные подходили потом поближе (с разрешения старшего офицера, конечно), чтоб уж точно рассмотреть, что русские – такие же люди, как и они...

Господа европейцы! Поймите же, наконец, что у нас нет ни рогов, ни копыт, ни хвоста! Зато у нас есть стойкость, мужество и несокрушимая воля к Победе!

***Железнякова Екатерина Альфредовна**
г. Санкт-Петербург*

Вечная память

Мне хотелось бы рассказать историю о моей бабушке, Митрофановой Евдокии Спиридоновне (1911 – 2003), которая жила в Ленинграде, на Красноармейских улицах (бывшие Роты Измайловского полка), с 1931 по 1991 год.

Приехала красивая девушка Евдокия (ей было 20 лет) в Ленинград из Псковской области к своему очень дальнему родственнику, жившему с женой и маленьким сыном в отдельной двухкомнатной квартире на 10-й Красноармейской. Глава семьи Сергей Казакевич работал инженером на Путиловском заводе. Его жена Антонина служила в завкоме «Красного треугольника». Евдокия помогала им по хозяйству. Они похлопотали о своей родственнице, и девушка была принята на работу в галошный цех завода «Красный треугольник» (набережная Обводного канала, 138). Работа была нелегкой... Так как эта семья приютила в своей квартире Евдокию только на время, ей пришлось переселиться на соседнюю 11-ю Красноармейскую улицу (дом № 10), где она снимала угол со

своей зарплаты в небольшой комнате у старушки на четвертом этаже (комната № 104 бывшего Железнодорожного общежития). Благодаря хлопотам семейной четы Казакевич, комната № 104, после кончины пожилой хозяйки, целиком (а не половина) стала принадлежать Евдокии. Вскоре нашелся и жених – Иван Дмитриевич Девонин (1910 – 1943), привлекательный кудрявый молодой шофер с «Красного треугольника», родом он был из Калининской области. Их знакомство состоялось на Новомодном празднике в ДК им. Цюрюпы, который был открыт на базе рабочего клуба «Красного треугольника» и располагался в здании на набережной Обводного канала, 147 (ныне Обводный, 181). Поженились они 30.01.1941 г. и стали жить вместе в комнате на 11-й Красноармейской. Но счастье молодоженов продлилось недолго. Началась Великая Отечественная война, и была объявлена всеобщая мобилизация. В июне 1941 г. Иван явился на сборный пункт на 8-й Красноармейской улице (тогда там был военкомат). В чем был одет, в том и ушел. В комнате не осталось никаких его личных вещей, кроме очень маленькой коробочки, обитой внутри кусочком коричневого бархата. Это был бритвенный приборчик, который хранится до сих пор в моем доме как память об этом человеке, который ушел на фронт и не вернулся оттуда. В июне 1941 года, когда Евдокия стояла на тротуаре проспекта Красных командиров (в 1944 г., после освобождения от блокады, проспекту вернули его настоящее название – Измайловский проспект) возле входа в магазин «Молоко-союз» (он располагался в доме № 22-24), ей довелось испытать счастье. Внезапно со стороны Варшавского вокзала, через мост, во всю ширину проспекта выдвинулась колонна солдат (новобранцев), в которой Евдокия увидела Ивана, как потом оказалось, в последний раз в своей жизни, и он ее тоже увидел и помахал рукой на прощание.

Никаких вестей от Ивана Дмитриевича не было. Мы всегда полагали, что он был танкистом, поскольку на «Красном треугольнике» он работал шофером. Но это было не так. Многие годы спустя удалось через военкомат узнать, что Иван Дмитриевич Девонин погиб при разрыве мины натяжного действия во время сбора дров для своей землянки 14.11.1943 г. Произошло это на Синявинских болотах. Он был членом ВКП(б), младшим сержантом, командиром пулеметного отделения (94-й отдельный пулеметный артиллерийский батальон). Место его захоронения: Лен. обл., Мгинский район, Синявинский с/с, д. Гонтовая Липка, братское кладбище. Эта справка была размещена в Интернете лишь в 2000-х годах. А осенью далекого 1943 года Евдокия получила уведомление: «Без вести пропал». Такие уведомления вместо похоронок (полное название похоронки – «Извещение о гибели военнослужащего»), как теперь стало известно, получали многие женщины, которые отправили своих мужей и сыновей на фронт, делалось это намеренно, даже если было точно известно, что солдат погиб, чтобы не производить никаких положенных выплат. Так и ушел в Вечность Иван Дмитриевич Девонин в 33 года. Вечная ему память!

Евдокия Спиридоновна всю войну прожила в Ленинграде. В эвакуации она не была, потому что у нее не было в то время детей, да и вряд ли бы она захотела уезжать, ведь каких трудов ей стоило получить жилплощадь в этом городе. Девушке приходилось, как и многим ленинградцам во время блокады,

помимо своей основной работы, тушить «зажигалки», рыть окопы, трудиться на лесозаготовках. Зимой в блокадном Ленинграде было очень скользко, так как уборка дорог и тротуаров не производилась: в январе 1943 года Евдокия поскользнулась на улице и сломала ногу, ее отвезли в Александровскую больницу. По ее воспоминаниям, 19 января 1943 г. стоял страшный орудийный грохот. Небо было абсолютно красным. Ну а потом, 24 марта 1943 года, был сильнейший налет на город вражеской авиации, и в соседний с «Молокосоюзом» дом (№ 18 по Измайловскому проспекту) попала бомба. На месте разрушенного в 1952 году был построен новый дом. В строительстве этого здания, в котором ныне располагается библиотека, принимали участие пленные немцы.

Евдокия выздоровела, выписалась из больницы и, несмотря на все ужасы блокады, которые ей довелось испытать, продолжала трудиться на заводе «Красный треугольник», надеясь на скорую победу советских войск. От голодной смерти девушку спасли рабочие карточки, посылки с фронта от мужа, молитвы (она была верующим человеком) и очень сильное желание жить. Она была очень счастлива, что осталась жива, считала, что Бог услышал ее мольбы и сохранил ей жизнь.

В послевоенное время Евдокия Спиридоновна была награждена медалью «За оборону Ленинграда». Все свои оставшиеся годы, а их было впереди еще очень много, потому что Евдокия, несмотря на свое слабое здоровье, дожила до 92 лет, она пребывала в счастье и гордилась тем, что пережила блокаду, но старалась об этом как можно реже вспоминать и говорить, чтобы не расстраиваться. Царствие ей Небесное!

После Великой Победы Евдокии посчастливилось встретить другого мужчину и создать с ним семью, в которой на свет появилась Вера (моя мама). Жили они на 11-й Красноармейской улице в доме № 8. Училась Вера в школе № 280 (Лермонтовский проспект, 52). Получив аттестат о среднем образовании, красивая девушка Вера поступила на филологический факультет ЛГУ им. А.А. Жданова (нынешнее название – СПбГУ) и окончила его по специальности «русский язык и литература». В 1976 году Вера переехала на новое место жительства на окраине города – в отдельную квартиру в Калининском районе, а Евдокия Спиридоновна осталась жить в ротах Измайловского полка до 1991 года, переселившись на 5-ю Красноармейскую улицу в дом № 8. Там теперь живу я, мне очень дорого и памятно это место, где жила моя любимая бабушка и прошло мое детство, поэтому никуда не хочу переезжать. Несмотря на то что дом очень старый (1905 года постройки) и до сих пор не был на капитальном ремонте, его не признали аварийным, недавно был обновлен фасад; благодаря этому, возможно, продлится срок его службы.

После распада СССР завод «Красный треугольник» на набережной Обводного канала был приватизирован, в 2002 году стал банкротом и является ныне заброшенной промышленной зоной Петербурга, принадлежащей городу и частным собственникам. На его территории располагаются 150 дореволюционных производственных корпусов, 80 из которых признаны памятниками промышленной архитектуры и имеют охранный статус объектов культурного наследия. Часть зданий отреставрирована и используется современными арен-

даторами, а принадлежащие государству корпуса находятся в аварийном состоянии и страдают из-за мародеров, спиливающих несущие конструкции на металлолом. До сих пор не реализован ни один из многочисленных проектов по обустройству территории завода, объявленных администрацией города, но планы по реставрации существуют, и работы, как ожидается, будут проводиться.

От всей души желаю, чтобы все старинные здания в Санкт-Петербурге были отреставрированы и просуществовали бы как можно дольше, ведь они хранят в себе не только историю и облик города на Неве, но и память о людях, которые провели в них годы своей жизни.

Загидуллина Ксения Сергеевна
Архангельская область

Наш северный писатель

Русский Север – особое, удивительное место, где нет строго установленных, официальных границ. Именно здесь можно насладиться сиянием белых ночей, тишью и ароматом лесов, бескрайних полей и лугов, чудом деревянных церквей, теплом и чуткостью человеческих отношений, любовью к своей культуре, традициям, Родине. Это земля поморов, самобытной группы русского народа, издревле занятых рыболовством, морской торговлей, судостроением. Край неsgiбаемых духом, стойких и волевых людей, закаленных суровым северным климатом, не привыкших пасовать перед трудностями. Именно об одном из таких удивительных людей, уважаемом земляке, талантливом и бесконечно добром человеке я и хочу поведать.

Денис Владимирович Макурин – русский писатель, автор рассказов и сказок, повести для детей и взрослых. Он родился в 1981 году в поселке Каменка Мезенского района Архангельской области. В пятилетнем возрасте с родителями переехал в село Холмогоры, где живет и создает свои замечательные произведения, так полюбившиеся и детям, и взрослым.

Его биография удивительна, а судьба не поскупилась на испытания и трудности. После школы будущий писатель получил специальности печника, каменщика, сварщика, затем были служба в армии и участие во второй чеченской войне, учеба в строительном техникуме и получение диплома строителя зданий и сооружений, работа мастером, прорабом. А после произошло событие, целиком перевернувшее жизнь: зимой 2013 года Денис Макурин попал в аварию, повредил позвоночник. Долгий период реабилитации восстановил здоровье лишь частично. Денис, к сожалению, оказался прикованным к инвалидному креслу. Но вынужденная неподвижность не сломила дух сильного и мужественного человека, а напротив – дала начало творческому пути. Молодой человек рассказывал истории из детства своим друзьям, а те, в свою очередь, предложили взяться за перо. Писатель проживает в Архангельской области, поэтому и пишет в традиционном для русского Севера жанре сказов и небылиц. Прозу Макурина часто сравнивают с произведениями Бориса Шергина и всеми известного сказочника Степана Писахова.

В своих рассказах мой земляк спасает других людей, оказавшихся в трудной жизненной ситуации, является примером мужества и доброты. Его повесть «Хибины ждут» о силе духа и воли, стойкости людей, оказавшихся в сложных условиях, навеивает размышления о том, как прекрасна и бесценна жизнь. Несмотря ни на какие обстоятельства, надо найти в себе силы жить дальше, надеяться на лучшее, твердо верить в победу добра, достойно пройти испытание, а вознаграждение будет обязательно.

«Книгой для счастья» называют «Новые сказки Севера» Дениса Макурина. «Поморская окутка – лоскутные сказки» чудесны, а чудеса руками поморов сотворены. Например, железные кружевные флюгеры, выполненные холмогорскими кузнецами по образу и подобию петуха, что из печной трубы вылетел да по ветру закрутился-засуетился. Северное сияние – Малая Медведица небесная на чудных гусях ухтостровских поигрывает. Из лоскутных сказок можно узнать про ярмарку невест в Емецке, про то, как в Зачачье капусту от зайцев спасали, рождаемость поднимали, получить ответы на многие вопросы. Помню, как мама мне, маленькой, перед сном вечером эти сказки читала, а я засыпала и чудесно-волшебные сны видела.

Земляк мой, Денис Макурин, особый человек, добрый, чуткий, отзывчивый. Мечтал он недавно получить коляску-вездеход. Мог выиграть ее в конкурсе, но уступил победу девочке. Добровольно отказался от подарка, чтобы первое место досталось 17-летнему подростку из Плесеца. Узнав о таком благородном поступке, заслуживающем особого уважения, все мы, жители Архангельской области, оказали помощь талантливому земляку – собрали необходимую сумму всего за один день, ведь почитателей его творчества очень много. Теперь Денис Макурин с новой колесницей!

Запомнились мне слова земляка, которые написал он недавно: «Каждый из нас возделывает свой сад. Помимо основной работы, каких-то обязанностей, у всех есть своя отдушина, где мы отдаем всего себя, и это делает нас счастливыми. Я, например, пишу тексты... В какой-то момент, конечно, встречаются барьеры, непреодолимые, казалось бы, преграды. Но если помыслы чисты, если ты сам добр, то решение всегда найдется, все пойдет хорошо. Надо просто делать то, что можешь, и все получится. А еще каждый из нас побудит соседа к совершению им добрых поступков...»

Пусть именно эти слова талантливого Человека с огромным и чистым сердцем, доброй душой, с сильной и негибаемой волей и духом станут для многих призывом действовать, творить, создавать, бороться и не сдаваться, несмотря ни на какие трудности и препятствия, приносить пользу людям, своей стране, ЖИТЬ!

А книги Дениса Макурина на самом деле счастье приносят. Я это точно знаю. Почитайте – сами в этом убедитесь!

**Человек с большим сердцем:
страницы жизни Стуловой Галины Михайловны**

Жители Октябрьского поселения Вичугского района всегда добрыми словами вспоминают тех, кто своим многолетним трудом способствовал развитию и процветанию их малой родины. Среди них Стулова Галина Михайловна. 5 ноября 2024 года ей исполнилось 90 лет. Шестьдесят восемь из них она прожила в деревне Гаврилково. Стояла у истоков формирования органов местного самоуправления в 1956 году и затем 40 лет проработала в Гаврилковском сельском Совете, отдавая всю себя любимой работе.

Галина Михайловна Стулова (в девичестве Белова) родилась 5 ноября 1934 года в деревне Токарево Вичугского района Ивановской области в крестьянской семье. Родители имели начальное образование, по четыре класса. Оба с малолетства были приучены к работе на земле.

До войны Беловы жили в своем доме вшестером: отец, мать и четверо детей. Сестра Зоя, 1929 года рождения, уже окончила начальную школу. Брат Валерий родился в 1937 году, а младший брат Володя – через два года.

В войну мать Галины Михайловны, Белова Серафима Константиновна, работала бригадиром полеводческой бригады в колхозе имени Куйбышева; отец, Михаил Иванович Белов, до 1941 года работал в этом же колхозе трактористом МТС.

Из воспоминаний Галины Михайловны о военном детстве: «Отец в декабре 1941 года ушел на фронт. Сначала его направили на Урал в Свердловскую область, в город Нижний Тагил, учиться на танкиста. С далекого Урала приходили письма, в них он переживал за нас, за свою семью, интересовался ее положением. В одном из его писем есть такие строки: «Сима, я пишу, не дожидаясь от вас письма, чтоб отогнать скуку о доме, так как все время с уст не свожу свою любимую семью, так как она для меня дороже всего на свете».

В начале лета 1942 года его, младшего сержанта Белова М. И., получившего специальность танкиста-пулеметчика, направили в Воронежскую область – воевать с фашистами...

«Здравствуйте, премного уважаемая и любимая моя дорогая семья, любимая жена Сима и мои любимые детки Зоя, Галя и сыночки Валя и малютка Вова, мама, мама и сестра...», – такими словами начинались немногие его письма, уже с фронта, в родную деревню. Их семья знала только номер полевой почтовой станции: ППС 24-76, подразделение «Б». Сохранилось его последнее послание – будто завещание: «Сима, мы теперь находимся при фронтовой полосе, и поэтому прошу тебя, обо мне не беспокойся, так как мы являемся воинами рабоче-крестьянской Красной Армии и должны защищать и освобождать нашу родную землю от озверелого врага Гитлера. И поэтому прошу тебя на своем рабочем посту также вести работу как можно лучше, чтобы дать для фронта больше продуктов питания...».

Галина Михайловна вспоминает: «А потом весточки от папы перестали приходить. В одном из кровопролитных сражений 25 июля 1942 года танк, в котором находился отец, был подбит немецким снарядом и загорелся. Спаситься ему не удалось, он сгорел заживо...»

На месте сражений тех лет в селе Большая Верейка Воронежской области находится братская могила № 132, где в списках погибших числится и отец Галины Михайловны – младший сержант, пулеметчик Белов Михаил Иванович...

Несмотря на пришедшие в дом беду и боль, нужно было жить, продолжать учиться и работать. Галя поступила в первый класс Жеребчихинской начальной школы. Сестра Зоя в конце войны уже работала в Костроме...

Личное хозяйство семьи Беловых считалось бедняцким. Сорок соток земли, как у всех колхозников. Обработывали все вручную. Спасали корова, овцы, куры. Хотя содержание скотины обходилось дорого – большие налоги были до 1950-х годов. Сады вырубали, потому что они тоже облагались госналогом. До 1946 года продуктовые карточки выдавали только рабочим и служащим, колхозникам они не полагались. Кормились овощами со своего огорода, хотя Галине Михайловне помнится и другое: в особо голодные периоды собирали и ели клеверные головки...

В доме из мебели – стол, лавки, как у большинства деревенских. Редко у кого были горки для посуды, только в богатых семьях. Спали на полу. Помещения освещались керосиновыми лампами. Не было сменного белья. Вместо мыла – каустик. Его в деревню приносили из города люди, работающие на фабриках. Вместо сахара – сахарин.

Мама уходила на работу рано, и дети тоже вставали вслед за ней... Без дела не оставались, помогали бабушке месить хлебы. Брат Валерий еще дошкольником начал работать в колхозе на конных граблях. Так как они были высокие, мать его подсаживала и ссаживала с них.

В обязанности Серафимы Константиновны как бригадира входила ежедневная раздача нарядов – заданий с указанием места, вида и объема работы. Галя ей помогала – тоже их раздавала. Мать говорила: «Иди к бабушкам, нужно дать им наряд: ворочать сено». Иногда девочка что-то путала, но бабушки, посмеиваясь, поправляли ее. Затем она присоединялась к бабушке – и так каждый день: утром разбивали сырую свежескошенную траву, днем, уже подсохшую, поворачивали, а вечером сгребали.

Ежедневно в 9 часов вечера бригадиры должны были сдать в контору колхоза сводку о проделанной работе. И в этом приходилось матери помогать. Когда она везде не успевала, Галя ходила с ее отчетами в Жеребчихинскую контору – два километра туда и столько же обратно. Уставала... Работать, как и взрослым, приходилось весь год. Ученики 1-4 классов заканчивали учебу 18 мая и уже с 1 июня начинали вывозить навоз с ферм на быках и лошадях. Делали это в колхозе два раза в год: в мае и в августе. В конце июня взрослые обкашивали лопушник. «А еще мы, дети, «плясали» в силосных ямах, – рассказывала Галина Михайловна. – В валеных сапогах и ватных штанах, потому что крапивой обжигало ноги». В июле начинался сенокос. Распределялись следующим

образом: женщины, кто помоложе и посильнее, косили, а дети и бабушки воро- чали и сгребали сено.

В августе молотили озимые. Женщины убирали сено в сараи, дети трам- бовали. Еще в их обязанности в последний летний месяц входило подтаскивать снопы и гонять лошадей на току. В сентябре после школы собирали после ком- байнов колоски, убирали яровые, потом снопы молотили всю зиму. Копали картошку. Но не всегда успевали собрать всю, она оставалась в поле и замерза- ла. Выбивали ее, замороженную, ломом... Трудились – «светлого денька не ви- дали».

В доме в основном «правила» бабушка Наталья. Скот загоняли дети. Зоя доила корову, потом и Галю научили, и младшего брата Володю. Поэтому об играх с ровесниками даже и не помышляла.

Из рассказов Галины Михайловны можно сделать вывод, что мать, Сера- фима Константиновна, с ее сильным и волевым характером, личным примером учила детей быть выносливыми в тяжелейших условиях войны и привила детям первые трудовые навыки. Как говорит сама Галина Михайловна: «Быть «трудо- голиком» с раннего детства меня научила мама...»

После войны Галина продолжала учиться. Теперь школа находилась да- леко от дома, в селе Новая Гольчиха. Но расстояние было не помехой. Учиться ей нравилось, нравились добрые, умные учителя. Может быть, поэтому она их помнит до сих пор. Из рассказа Галины Михайловны мы узнали о ее учителях: «Директором школы был Степан Иванович Вишневский. Он же преподавал фи- зику. Августа Дмитриевна Сизова приходила учить детей математике из дерев- ни Синие Гари. Оттуда же была учительница русского языка Зинаида Ивановна Рогова. Но она работала в других классах, а в нашем – Надежда Ивановна Хол- щевникова. «Это были чудесные, незабываемые уроки, мы слушали ее, бук- вально раскрыв рты».

В седьмом классе, в марте, Галя заболела корью. Болезнь протекала тяже- ло: две недели лежала в беспмятстве. Потом выздоровела, но «черная полоса» в ее учебе на этом не закончилась. Началось половодье, и она провалилась в ле- дяную воду, простудилась и опять заболела. Пришлось учебу отсрочить. Де- вочка осталась на повторное обучение, и все экзамены сдала на следующий год.

Потом Галя с братьями перешла учиться в Старую Вичугу. И только все наладилось, как через месяц, в октябре, мать сказала: «Нечем платить за квар- тиру, иди работать». И вот 16 октября 1950 года Галина устроилась на Старо- Вичугскую фабрику контролером. Без отрыва от производства продолжала уче- бу в ШРМ. Год проучилась и сдала экзамены за восьмой класс. Предстояло еще закончить девятый и десятый... Начинала несколько раз... и бросала: слишком тяжело было учиться в таких условиях. Жили на частной квартире, спали на полу. Четыре часа учебы, а потом – фабрика, или наоборот: после восьмичасо- вой смены – учеба. Не выдержала она тогда такой нагрузки... Пять лет работы на фабрике стали настоящей «школой жизни». Очень нравился коллектив, ее окружали чуткие, отзывчивые люди, трудяги. Наставницей начинающих была Мария Ивановна Знаменская. Она часто с молодыми девчонками беседовала о жизни, внушала им только хорошее.

По словам Галины Михайловны, привычка к труду, унаследованная от мамы с раннего детства, здесь, на фабрике, очень пригодилась. Она старалась не отставать от других, выполнять норму, поэтому от Марии Ивановны часто слышала похвалу и одобрение. «Наша наставница не только нас чему-то научила, но и оказала существенное влияние на наше мировоззрение, сыграла значимую роль в нашей жизни: поддержала, защитила, помогла найти себя», – говорит Галина Михайловна.

В сентябре 1954 года Галина Михайловна вышла замуж. Своего суженого, Недлина Михайловича Стулова, она встретила в Гаврилковском клубе. Их семья приехала в Гаврилково на постоянное место жительства из Родниковского района. В связи с замужеством Галина Михайловна вернулась на свою малую родину. 26 июля 1955 года родилась дочь Надежда.

А затем ее жизнь круто изменилась. В 1956 году Зинаида Ивановна Кольшикина, работавшая тогда в сельсовете, предложила ей должность секретаря сельсовета. «Не все поверили в то, что я справлюсь, ведь моей дочке всего год. Назначили испытательный срок – месяц. Выручила мама – взяла на себя часть забот о маленькой Наде, а сама по этой причине не успела выработать нужный минимум трудодней, а таких колхозников облагали стопроцентным сельхозналогом. Я же успешно прошла испытательный срок, меня приняли на постоянную работу. И в скором времени я смогла платить за маму сельхозналог».

Жизнь продолжалась. 22 марта 1957 года родился сын Михаил. Галина Михайловна успешно совмещала работу с воспитанием детей, и опять мама помогала. Муж работал сначала трактористом, затем бригадиром механизированного звена, а потом заместителем председателя колхоза. Должность секретаря сельсовета требовала дополнительных знаний, и в 1966 году Галина Михайловна поступила в Ярославский Всесоюзный заочный финансовый техникум Министерства финансов СССР на специальность «бюджетный учет». Закончила его в 1971 году, получив профессию квалифицированного бухгалтера.

В должности секретаря Гаврилковского сельсовета Галина Михайловна беспрерывно проработала 33 года, а затем еще 10 лет – делопроизводителем. Несколько поколений жителей поселения имеют на руках свидетельства о рождении, свидетельства о заключении брака и рождении детей, выписанные ее аккуратным красивым почерком.

«Все кардинальные перемены в жизни жителей с 50-х по 90-е годы происходили на глазах Галины Михайловны и при ее непосредственном участии. Галина Михайловна вела в сельсовете огромную работу. На протяжении 14 созывов она являлась депутатом сельского Совета. Под ее руководством депутаты, постоянные комиссии оказывали помощь селу в социальном и экономическом развитии. Ее многолетний труд отмечен множеством благодарностей и почетных грамот: за долгий и добросовестный труд в советских органах, за активную общественную и воспитательную работу среди женщин и коммунистическое воспитание молодежи, за активную работу в женсовете, за успехи в соцсоревновании, за успехи в развитии добровольного страхования». В связи с 55-летием 5 ноября 1989 г. Стулова Г.М. получила благодарственное письмо от председателя Вичугского райсполкома Мороза Г.И., в котором был высоко

оценен ее многолетний добросовестный труд. Она ветеран труда. Награждена медалью «За доблестный труд».

Можно было бы сказать, что и в личной жизни у Галины Михайловны тоже все сложилось хорошо, если бы не ранняя смерть мужа. В апреле 1978 года Недлин Михайлович умер. К этому времени детей они вырастили, достойно воспитали. Дети остались жить в Гаврилкове – надежная опора Галине Михайловне на старости лет.

Сейчас Галина Михайловна живет в деревне Гаврилково. За ее плечами долгая достойная трудовая жизнь. У нее большая семья: сын, дочь, трое внуков, шесть правнуков. Она окружена заботой и вниманием родных, а среди односельчан Галина Михайловна по-прежнему пользуется уважением и служит авторитетом для всех поколений деревни Гаврилково. Много лет она поддерживает связь с учащимися Гаврилковской школы, приходит на встречи с ними, делится своими воспоминаниями. Нам, молодому поколению, важно помнить, что большое благородное дело начинается с маленьких шагов. Если каждый из нас будет хотя бы малыми делами выражать свою любовь и уважение к людям преклонного возраста, то их жизнь станет светлее и счастливее.

*Карамян Карина Патвакановна
Рук. – Дмитриева Наталья Юрьевна
Псковская область*

День был жаркий

Все здесь было новым, интересным и чужим. Утром мы с сестрой Верой осматривали нашу дачу – старый деревянный дом с большим заросшим садом. Только-только начался этот деревенский бум: городские жители ехали в обезлюдевшие деревни, чтобы вдали от городской суеты насладиться свежим воздухом и тишиной. И вот мы в полузаброшенной деревне за Псковом. Недалеко сосновый лес. И где-то рядом речка с красивым названием Исса.

Уже с утра было жарко, во все окна заглядывало яркое солнце. Родители разбирали богатство, оставшееся от прежних хозяев. Самым ценным был большой деревянный сундук, оклеенный внутри старыми желтыми газетами, стоявший в летней половине дома. Тут же старинный шкаф с резными завитушками скрипел дверками.

Нас отправили на улицу. Редкий петушиный голос перекликался со стуком папиного молотка. Сад зарос давно не кошенной травой. В самом углу его, за старой, склонившейся ветками к самой земле яблоней спрятался маленький пруд с веселыми пронырливыми головастиками. А рядом баня, уже изрядно вросшая в землю. Неизвестно откуда появившийся серый кот стал старательно тереться о наши ноги.

К полудню зной выгнал нас с улицы. В доме стояла приятная прохлада. Вера ныла:

– Ну пойдемте на речку! Мама, папа, скоро вы? Я хочу на речку!

Папа остался дома хозяйничать, а мы с мамой пошли искать речку. Дорога вела в горку и упиралась в большой бревенчатый дом, на крылечке которого в теньке сидела маленькая старушка. Мы поздоровались.

– Чьи ж вы будете, детки? К кому приехали?

– Мы ничьи, только приехали. Домик здесь купили, – ответила мама. – А далеко ли до речки, бабушка?

– Тут близенько, за поворотом. У нас хорошо, спокойно. И речка тихая. Мы тоже с сестрой Верой бегали, когда мама отпускала.

– Меня тоже Вера зовут! – улыбаясь, сказала сестренка. – А это Оля. А папа наш дома остался. Обустраивает все. Гамак в саду обещал повесить.

– А меня зовут баба Зина. Ну, идите, идите, купайтесь. Мои внуки, когда приезжают, тоже на речку бегают.

Как тихо здесь было, спокойно. Мы никуда не спешили, собирали зрелую вкусную землянику. Увидев извилистую ленту речки, помчались наперегонки. Я, конечно, бегаю быстрее, но на этот раз поддалась младшей сестренке. Обогнав меня, Вера радовалась.

– Я первая, я победила, ура! – кричала она.

Речка неспешно текла между пологими берегами, заросшими высокой пахучей травой, сквозь которую пробивалась довольно наезженная дорога. На другой берег вел мелкий каменистый брод. Желтый сыпучий песок обрамлял воду широкой полосой. Вверх по течению была запруда. Потом мы узнали, что здесь когда-то была мельница. Вода, вся коричневая, казалось, застыла перед запрудой. Чуть-чуть бурлила, перекачиваясь через камни.

Вера уже плескалась:

– Оля, давай быстрее. Иначе я сейчас тебя сама в речку затащу.

Мама, недолго думая, тоже бросилась в воду.

– Да здесь не хуже, чем в Анапе. И вода такая теплая, и солнце печет, – заметила она.

Вернулись домой мы ближе к вечеру. Папа уже разложил все вещи и ждал нас, читая газету.

– Папа, папа, там так классно, тебе тоже надо завтра с нами пойти! «Тебе точно понравится», – сказала я, обняв его.

В этот вечер мы быстро уснули, а родители о чем-то тихонько говорили за стенкой.

Утро прошло незаметно, и вот уже всей семьей шагаем в горку. Маленькая старушка с коротко стриженными серебряными волосами уже сидела на скамеечке под кустом сирени рядом с домом. Ласковые темные глаза приветливо смотрели на нас.

– Вижу, понравилась наша речка, сегодня папу ведете с собой?

– А вы одна живете, бабушка? – спросил папа.

– Одна, сынок, но мои ребята часто ко мне приезжают, помогают. Сын тут рядом. Другой и дочка тоже недалеко, – улыбнулась старушка. – И соседи мои добрые. С детства с Зоей дружим, только в войну и пришлось нам разлучиться.

– А что ж случилось, бабушка? – продолжал папа.

Наш папа учитель истории, он записывает воспоминания людей, переживших войну. Его мама родилась в концлагере под Лугой в ноябре 1941 года. Она иногда рассказывала то, что знала от своей мамы о войне. В бараке, где они жили, было очень холодно, вместо пеленок – какие-то тряпки. Кормили жидкой картофельной баландой да кашей. Вода теплая нарасхват. И новорожденную враги не пожалели, только потом их отпустили, когда бабушке было уже два месяца. Дом сгорел. Приютили добрые люди. Уже весной, когда стало тепло, пешком, с малюткой на руках и девятилетним сыном папина бабушка пошла в соседнюю область к родственникам.

– Конечно, если вам так интересна война, то я расскажу свою историю, только потом, попозже, – продолжала бабушка Зина. – Пока тепленько, идите, купайтесь. Встретимся еще.

Деревенское лето плавно катилось к зениту. Собралась довольно приятная компания девчонок и мальчишек приблизительно одного возраста. Ходили друг к другу в гости, на речку, обменивались книгами, привезенными из города. И все ждали вечера. Собирались «на крестах», где пересекались две деревенские улицы. Слушали магнитофон, приносили записи своих любимых ансамблей. Говорили обо всем, что интересовало подростков. Рассказывали смешные истории из школьной жизни. Даже сложились свои романтические пары.

Как-то вечером родители прогуливались по деревне и позвали нас с собой. Все были не против. Папа повел нас к дому бабы Зины. Ему очень хотелось дослушать историю пожилой женщины вместе с нами.

Баба Зина была дома и смотрела в окно. Мы остановились, кивнули в стекло. Старушка отворила окошко и пригласила:

– Заходите, гости дорогие. Будем чай пить.

Немного стесняясь, мы зашли в дом. Комната была просторная. Икона в углу. В другом кроват, на коврик у которой клубком свернулся рыжий толстый кот. Ребята, теснясь, сели на диван, из соседней комнаты принесли пару стульев. На столе появились конфеты и печенье. Мама помогла заварить чай.

– Бабушка Зина, Вы нам так и не рассказали свою историю. Вот мы и пришли.

– Ну что ж, мои хорошие, слушайте. Когда началась война, мне было 11 лет. Папу забрали на фронт. Мы остались с мамой: я, Вера и самый младшенький – братик Саша. Немцы пришли быстро. По деревне проехали на мотоциклах и машинах. В нашем доме остановились два офицера, а нас выгнали в сарай. Его кое-как соломой утеплили, чугунку поставили. Когда осенью картошку выкопали и рожь сжали, немцы почти все отобрали. Корову полицаи увели.

В конце лета сорок четвертого ехал немецкий обоз из соседней деревни. Везли двенадцать девчонок и завернули в нашу деревню. Мама, опасаясь, спрята нас в подвале. Куда там – нашли. Наскоро накидали мы в лямошник картошки и хлеба. Схватили кое-что из белья да теплые вещи. Мы все плакали, мама вцепилась в меня, не хотела отпускать, но ее отшвырнули и увезли меня вместе с другими испуганными детьми.

Все притихли, слушали внимательно. Максим спросил: «А сбежать было нельзя?»

– Везли обозом до железной дороги, охраняли. Парнишка один попытался сбежать, так застрелили. Потом поездом до Риги. А там на немецкий корабль посадили. Плыли мы трое суток и в шторм попали. Так и катались по палубе. Сильно мутило. Ночью холодно, сидели, прижавшись друг к другу, тем и грелись. А самолеты-то над нами летали низко-низко – то наши, то немецкие. Перед нами так корабль под воду и ушел: на mine подорвался. Вот страху-то натерпелись.

Баба Зина остановилась и замолчала. Видно, нелегко давался ей этот рассказ. Все молчали. Ждали, что будет дальше.

– А что дальше было, бабушка? – не выдержал Дима.

– Ой, сынок, а дальше стало еще хуже. Высадили нас в Польше и пешком погнали в Германию. Сначала работали у немца-фермера. Делали всю тяжелую работу по хозяйству. Фрау очень злая была, нас ненавидела. Кормила пустой фасоловой похлебкой. Спас сладкий квас, который покупали на заработанные гроши.

От хозяина я попала в город Бромберг, где определили нас в лагерь. Сначала всем обрили головы и отправили в баню, потом выдали рабочую одежду. Работали тяжело, на ремонте железной дороги, разрушенной после бомбежки наших самолетов. Полуголодные, в плохой одежонке, в тяжелых деревянных колодках тягали стальные рельсы. Сил не было. Надсмотрщики не отходили ни на шаг, только присядешь передохнуть, сразу плеткой получишь. Как только выжили?! Многие и не выжили. Кого убило, других ранило, а меня Бог спас. Трое нас было из одной деревни, так вместе и держались. Лежишь ночью на нарах и вспоминаешь дом, родных. Как они? Живы ли? А утром опять на работу, хоть дождь, хоть снег. Пожалеть некому.

– А как же вас освободили, бабуля? – спросила Аня.

– Весной сорок пятого года немцы неожиданно покинули лагерь. А мы сидели и ждали чуда. Догадывались, что победа близка. Через несколько дней в лагерь пришли наши солдаты. Дали начальника и отправили в Берлин помогать в госпитале. Мы все не верили своему счастью: живы, наши пришли, отправят домой.

– Вот вашей маме радости было! – воскликнула я.

– Что ты, детенок, беда большая пришла. Домой я добралась летом. День был жаркий. Пока мне в сельсовете выправляли документы, почтальонка, проходя по нашей деревне, постучала в окно: «Зина ваша вернулась, в сельсовете сейчас, встречайте!» Вера побежала к маме на ферму сообщить радостную новость. А мой братишка Саша – меня встречать, хотел первым увидеть.

Я так торопилась домой, что даже не чувствовала усталости. Не заметила, как дошла до нашей любимой речки. Неужели все будет как прежде? От раздумий меня отвлек радостный крик:

– Зина, Зина, ты вернулась!

– Это был мой Саша. Он так вырос, повзрослел, но улыбка осталась прежней. Я уже распахнула руки, чтобы обнять бегущего ко мне брата. Но вдруг раздался оглушительный взрыв, поднялся столб пыли. Сашенька подорвался на mine. Вот так случилось: война меня вернула, а Сашу забрала. Долго

мама не пускала нас на речку, это потом там все разминировали. Не дай боженька никому такой судьбы, милые мои...

Вечером я долго не могла уснуть. Все думала о бабушке Зине. Она была тогда моей ровесницей. Трудно представить себя в четырнадцать лет одной, на чужбине, без родителей.

Каждый раз, проходя мимо дома бабы Зиной, мы с ребятами испытывали какое-то непонятное волнение. Старались сказать ей добрые слова при встрече, поговорить, предлагали помощь.

Следующим летом, когда мы приехали в деревню, маленькая старушка с добрыми глазами и серебряными волосами на скамеечке у своего дома не сидела. Говорили, к дочке в город уехала.

*Карданова Русалина Айдиновна
Рук. – Хаваяшхова Лиля Мухамедовна
Кабардино-Балкарская Республика*

Музыка сердца высокая...

Велика моя Россия. И ничто на белом свете не сравнится с ней, потому что она богата талантливыми людьми, которые делают нашу страну могучей, работая на благо своего народа в различных отраслях науки, медицины, образовании и культуры. Знаю, что только благодаря усилиям и таланту таких выдающихся людей мы приобщаемся к великому наследию нации, становимся духовно богаче. И в этом огромную роль играет музыка, самое чудесное, доброе, мудрое, что мог придумать человек. Она трогает душу, сердце своей глубиной и красотой, наполняет нашу жизнь гармонией и эмоциями. Недаром великий русский советский композитор и пианист Дмитрий Шостакович писал: «Любите и изучайте великое искусство музыки. Оно откроет вам целый мир высоких чувств, страстей, мыслей. Оно сделает вас духовно богаче. Благодаря музыке вы найдете в себе новые неведомые вам прежде силы. Вы увидите жизнь в новых тонах и красках».

Именно эти «неведомые» силы я нахожу как в русской классической и народной музыке, так и национальной кабардинской. Какое невероятное воздействие имеет она на меня, увлекая в безбрежные родные просторы, создавая ощущение беспрестанного единства с землей, родившей замечательных людей!

И мне кажется, такими поистине талантливыми людьми славится мое родное село Зарагиж, где много ученых, спортсменов, художников, артистов, композиторов. Одним из видных композиторов и исполнителей собственных песен является моя односельчанка Темирканова Лилия Мухарбиевна.

Лилия Мухарбиевна родилась 13 октября 1966 года. До седьмого класса училась в Зарагижской средней школе и одновременно в музыкальной школе у педагога Хаваяшховой (Хунчукашвили) Людмилы Вахтанговны. По рекомендации педагога и направлению Министерства культуры талантливая девочка была зачислена в республиканский специнтернат для одаренных детей. За три года освоила программу семилетней музыкальной школы и после 9 класса поступила в Нальчикское музыкальное училище, которое окончила с отличием.

В 1985 году поступила в Московскую трижды орденоносную консерваторию имени П.И. Чайковского. Помогли ей в этом диплом неоднократного победителя и лауреата конкурсов по Северному Кавказу и астраханской зоне России. И в школе, в училище, и в консерватории вела большую общественную работу, участвовала в различных конкурсах, благотворительных концертах.

В 1990 году с отличием окончила консерваторию и по направлению ректора поступила в аспирантуру. Защитила кандидатскую диссертацию «Национальная культура адыгов с древнейших времен до наших дней», была включена в штат научно-исследовательского института Кабардино-Балкарской Республики и Северо-Кавказского института искусств.

Писать песни Лилия начала со второго класса. В республиканском фестивале «Песни над Эльбрусом» две ее песни прошли на заключительный тур, который транслировался по телевидению. Одна песня была на слова балкарского поэта Кайсына Кулиева «Девушке», вторая – на слова ногайской поэтессы Кадрии Темирбулатовой «Обычай гор». Первыми исполнителями песен стали наши учителя Хаваяшхова Татьяна Викторовна, Кардановы Елизавета Касимовна и Рита Хасанбиевна.

О чем пишет Темирканова Лилия? О любви, о жизни. Любит жизнь во всех ее проявлениях с мягкой и теплой нежностью, с задумчивыми лирическими переливами чутких красок, безудержной радостью полноты жизни, выплескивающей через край, и высоко ценит в людях жизнеутверждающее начало. Это начало я вижу в песне Лилии «Мир – это счастье друзей», где, говоря словами поэта Павла Антокольского, «песнею кончается все лучшее на свете!».

А как может быть иначе? Ведь песни приносили и приносят нам радость, потому что от соприкосновения с чудесным человек добрее сердцем, своими поступками, ибо только доброе сердце может творить чудеса. И встреча с творчеством Лилии – это радость ощущения прекрасного. Она всю себя отдает искусству, искренне и сердечно, а главное – любит музыку больше всего на свете. Об этом говорят ее композиции, песни «Серенада звука», «Снег идет», «А глаза твои пустые», «Не отвергай душу» и другие. Какое ощущение восторженности и воздушности!

Необычен мелодический рисунок у талантливого композитора. Сама жизнь раскрывается в созданной музыке своей искренностью и непосредственностью: это снегопад в большом городе, это дождь за окном в хмурый день по колено в воде, это стаи журавлей в чужом краю, это влюбленный взгляд и сердечная любовь. Она по праву может сказать: «Судьбе своей я очень благодарна, что песня привела меня сюда».

Нельзя без волнения слушать песни Темиркановой Лилии о единстве человека и природы «Скоро белые метели», «Снега, снега, снега», «Бьется дождь за окном», где через музыку она передает одновременно чувства, ощущения людей, неиссякаемый источник мудрости в познании. И для слушателя в каждом произведении композитора теплится жизнь, звучат душевные струны, поющие о великой любви к земле. Вот строки из песни:

Как мне холодно на переходе
От зимы к веселящему дню.
Словно я задолжала природе
И должница воде и огню.

Слов мало! Ведь музыка имеет свой язык, и слова бессильны там, где говорит музыка. Она способна выразить то, что невозможно выразить словами, раскрыть самые глубокие, самые сокровенные чувства и мысли, переживания и настроения, может заглянуть в будущее, унести в далекое прошлое.

И Лилия Мухарбиевна сумела слить в своем творчестве глубоко поэтический мир тончайших мелодических отражений своей эпохи со временем и творческим обликом гения – Александра Сергеевича Пушкина. В песне «Люблю 19 век» на стихи Г. Варшавского автор стремительно врывается в ушедший век, воспевая гордость, славу и достояние великого народа.

Лирику радости священного сердца, жизненной теплоты и сердечности, глубокой человечности и душевной красоты, нежной поэтической привязанности к родным истокам я вижу в произведениях, посвященных малой родине. Мне очень нравится песня «О родном крае», где чувствуешь дочернюю любовь к родной земле, к своему народу, его истории, веру в светлое будущее.

Тема любви вдохновлена в творчестве Темиркановой Лилии. В ней какая-то неизъяснимая красота, чарующие напевы, переживания автора, сливающиеся с теплом, с атмосферой сильного впечатления от первой любви. Это светлое чувство звучит в песне «Мне двадцать лет»:

Мне снова захотелось петь и улыбаться,
Как будто за плечом не тяжесть лет,
А снова двадцать.
Любовь – владыка всех, кто любит,
Так сильно счастьем увлекла меня,
Что до сих пор она волнует сердце.

Мы, зарагижские школьники, благодарны Лилии Мухарбиевне за то, что она подарила нашей школе гимн, который мы исполняем с гордостью на всех школьных мероприятиях (слова и музыка автора):

Хороших много школ,
Но есть одна – милей других,
Куда спешим мы по утрам
Весь год – и в зной, и в вихрь.
Мы в школе этой учимся
Быть лучше и добрей.
По морю знаний движемся
На школьном корабле.

Ты – наша Зарагижская,
Ты – наш Зарагижская,
Любимая, родная,
Ты встречаешь нас опять.
К тебе мы возвращаемся,
Ведь станем капитанами
Мы, станем, если будем
Учиться лишь на «пять».

Я думаю, что это пример настоящего патриотизма и преданности родному селу, родной школе, в которой очень долго проработали ее родители и брат – уважаемые и почетные жители нашего села и района.

Говоря о замечательном выходе из маленького Зарагиза, я открыла только одну страницу в многотомной книге «Музыкальная Россия», в которой особое место занимают написанные Темиркановой Лилией 60 песен и композиций. Я попыталась показать путь молодого композитора. Именно Лилия стала мне примером настоящего увлечения музыкой, и благодаря композитору я тоже увлеклась этим прекрасным видом искусства: после семи лет обучения я окончила с отличием музыкальную школу МКУ ДО «ДШИ» имени О.М. Отарова г.п. Кашхатау Черекского муниципального района Кабардино-Балкарской Республики по классу «Фортепиано». Играю на пианино, пою в школьном хоре, танцую современные и национальные кабардинские танцы. Пробую писать какие-то композиции, немного подражая Лилии. Кто знает: может, что-то и получится!

*Карпеева Алла Павловна
Удмуртская Республика*

Школьники Воткинска и Воткинского района в годы Великой Отечественной войны

(по материалам газеты «Ленинский путь» из коллекции фондов
Музея истории и культуры г. Воткинска)

В Музее истории и культуры города Воткинска хранятся уникальные документы, которые рассказывают о патриотизме советских людей в грозные военные годы. Особенно тяжело было детям и подросткам. Неслучайно, в год 80-летия Великой Победы, в апреле 2025 года, в музее была открыта выставка «ДЕТИ ПОБЕДЫ». В ее основе – материалы и документы, воспоминания жителей Воткинска и Воткинского района. Среди особенно важных – публикации газеты «Ленинский путь» (1941-44 гг.), которая печаталась в нашем городе в годы войны.

Призыв партии «Все для фронта, все для победы» стал девизом для учащихся города и района. Каждый школьник, пионер, комсомолец стремился внести свой вклад в дело быстрого разгрома врага. С большим подъемом работали юные патриоты Воткинска на ремонте дорог, заготовке дров (ими было распилено и расколото 750 м³), пришкольных участках, на полях совхоза и кол-

хозов, где дети выработали 11435 трудодней. Только 2 августа 1941 г. 10 бригад школьников города в количестве 116 учащихся старших классов работали на сенокосе, 27 бригад в количестве 297 человек на прополке.

В школах района на сельскохозяйственных работах были заняты учащиеся, начиная с младших классов: первоклассники погоняли лошадей у молотилки, второклассники ворошили сено и гребли на покосе, ребята постарше жали хлеб и боронили. В Светлянской школе был создан «Штаб школьника» во главе с военруком, в нем трудились 350 ребят. Пример в работе показывали комсомольцы: Василенко Евгений, Глазырин Евсей, Бакина Валентина.

Часто дети не отставали от взрослых: в 1942 г. 15-летний комсомолец Григорий Бурков из колхоза «Двигатель» выработал 400 трудодней. В колхозе «Красноармеец» Евсинского сельсовета ученик 4 класса Аркадий Русанов ежедневно зарабатывал по 3-4 трудодня, а ученик 3 класса Фертиков Коля из колхоза «Красная луна» Перевозинского сельсовета 17 июля 1941 г. двухлемешным плугом вспахал 1,20 га, что составило 120 % к норме.

Окончив школу, выпускники по-стахановски трудились на производстве. Бывший ученик школы № 15 Коммунар Гестлер, ставший рабочим механического цеха машзавода и выполнявший норму на 120-150 %, говорил: «Если станок будет полностью обеспечен работой, задание буду выполнять на 200 %»

За годы войны учащимися города было собрано 13781 тонн металлолома, не отставали и сельские ребята: 28 июля 1941 г. ученики Галевской школы собирали более 3 тонн ценного сырья.

Большую помощь оказывали школьники Воткинска двум действовавшим эвакугоспиталям. Для них сдали 3592 штук посуды, собирали лекарственные травы, шиповник. Ходили в госпитали читать и писать письма тяжелораненым. Детьми было дано 340 концертов. Об этих днях поэт Н.М. Злотников, проводивший детство в Воткинске, писал:

Когда я в госпитале пел
Среди беды самой,
Был очень слаб и неумел
Картавый голос мой...
Была такая тишина,
Когда я замирал,
Как будто кончилась война,
И я с ней умирал.

То было счастье – ради них,
Доставленных сюда,
Боль превозмогших в этот миг, –
Исчезнуть навсегда.

Из старшеклассниц была создана сандружина. Девочки помогали в транспортировке раненых в госпитали. По прибытии санитарного поезда в Ижевск давался сигнал в Воткинск, сандружинницы по цепочке собирались на

вокзал в любое время суток. Ждать прибытия приходилось иногда долго, тогда уроки учили вместе, чертя доказательства теорем прямо на снегу. Но прибывал эшелон – и начиналась работа. Тяжелораненых несли на носилках до госпиталей, осторожно, стараясь не тряхнуть. Легкораненых сопровождали на лошадях и автомашинах, иногда помогали при санобработке.

Ненависть к фашизму, стремление быть на переднем крае борьбы с ними жили в сердце каждого ребенка. В письме в газету «Ленинский путь» сельский школьник Коля Михалев делился своим сокровенным желанием: «Мне очень хочется быть на фронте и ходить в разведку. Маленького в лесу фашист не увидит, а я бы все у них высмотрел».

Это было мечтой многих мальчишек и девчонок военных лет, не давал ей осуществляться возраст. И тогда дети собирали деньги на вооружение Красной армии. 8 октября 1941 г. учащиеся школы № 17 обратились с призывом ко всем пионерам и школьникам Удмуртской АССР: «Построим танк «Пионер Удмуртии!». В обращении говорилось: «Юные пионеры и школьники Удмуртии! Мы, пионеры и школьники Воткинской средней школы № 17 им. Э. Тельмана, поддерживаем замечательную инициативу юных горьковчан. Мы предлагаем на наши средства построить танк «Пионер Удмуртии». Наш заработок на сельскохозяйственных работах в колхозе в сумме 500 рублей будет первым взносом для построения этого танка. Пусть рабочие наших заводов построят пионерский танк на гибель врагам, на славу нашей родины! Мы желаем, чтоб этот танк и его экипаж беспощадно громили фашистских гадов и покрыли бы себя неувядаемой славой. Пусть наш танк «Пионер Удмуртии» и его экипаж отомстят фашистским гадам за всех убитых замученных ими детей!».

Призыв был подхвачен в городе, районе, республике. К 3 декабря по республике было собрано 170 тыс. рублей, среди школьников Воткинска и района – 19 тыс. 250 рублей. Больше всех собрали денег ученики школы № 17 – 5 тыс. руб.

Школьники города и района приняли участие в сборе средств на строительство танковой колонны «Советский школьник» (по городу собрано 71 тыс. 482 руб., только школа № 17 внесла 21 тыс. руб.), эскадрильи самолетов-штурмовиков им. Комсомола Удмуртии.

В Фонд обороны школьники Воткинска собрали 12 тыс. руб. На фронт и в госпитали шли подарки воткинских ребят, ими было отправлено 2825 кисетов с табаком, 1800 платков, 4118 посылок, 18250 конвертов, 3940 листов бумаги, 1490 карандашей, 564 воротничка, 960 теплых вещей.

Шли на фронт и теплые детские письма. Пионерка Туся Суворова (школа № 17) писала отцу:

Отец мой любимый, ты слышишь меня,
Я снова к тебе обращаюсь.
Сквозь грохот боев, сквозь завесы огня
Ты видишь: тебе улыбаюсь...

Ты смело прошел свой суровый поход,
Ты сил не жалел для Отчизны.
Так будь же уверен, что день тот придет –
День встречи, победы и жизни!»

Помогали школьники своим сверстникам в освобожденных районах: в 1944 г. они отправили школьникам Белоруссии 2205 предметов (наглядные пособия, бумагу, ручки, карандаши, перья, географические карты, компасы, фонарь с диапозитивами).

Активно действовали 110 тимуровских команд, совершивших более 4000 боевых дел по оказанию первой помощи престарелым, инвалидам, семьям фронтовиков.

Несмотря на трудности военного времени, страна, как всегда, заботилась в первую очередь о детях. Строились новые школы. Заботой окружили детей фронтовиков: в Воткинске в 1942/43 учебном году из 989 детей фронтовиков большинство получили помощь в школах (им было выдано 958 вещей). Так, семья погибшего Долматова получила 25 вещей, детям эвакуированных также выделялись одежда и обувь. В пионерском лагере и на детских площадках поправили здоровье 8022 ребенка.

За помощь фронту получил благодарственную телеграмму от Верховного главнокомандующего И.В. Сталина коллектив школы № 17 г. Воткинска. В ней говорилось: «Передайте учащимся и учителям средней школы № 17 г. Воткинска... мой горячий привет и благодарность Красной армии»

Получила телеграмму благодарности за взносы в Фонд обороны ученица 4 класса начальной школы № 4 Женя Овечкина.

Патриотические дела школьников города и района в годы войны являются для современной молодежи достойным примером для подражания.

Картамышева Татьяна Викторовна
Белгородская область

С верой сквозь лихолетья

Святое Белогорье – это название нашего края. Оно появилось благодаря православным людям и уходит в далекое прошлое. Наш край всегда был тесно связан с православной верой. Здесь сохранилось много исторических мест, таких как Свято-Троицкий Холковский подземный монастырь, Марфо-Мариинский женский монастырь, Смоленский собор.

Русская Православная церковь выдержала много испытаний. Она всегда была основой для развития России. Восстанавливая храмы и возвращаясь к православной вере, мы сохраняем связь с нашими предками и их духовными ценностями. В наше непростое время важно помнить о доброте, милосердии и человеколюбии. Вера в Бога помогала нашим предкам преодолевать трудности, побеждать врагов и справляться с жизненными испытаниями.

Белгородская земля славится множеством православных храмов, монастырей и святых мест. Сюда на протяжении веков приезжали паломники, уче-

ные и художники. Многие из них оставили свои воспоминания и произведения, связанные с этим краем.

Белгород появился на рубеже 16-17 веков как крепость для защиты от набегов татар. Белгородская черта – это линия укреплений длиной около 800 километров. Белгород стал важным военно-административным центром.

История православия в Белгородской области началась раньше, возможно, еще во времена Крещения Руси. В летописи 992 года говорится, что митрополит Леонтий поставил в Белгороде первого архипастыря Никиту. Однако после разрушения Белгорода ордами Батыея епархия исчезла. Она возродилась только в 1667 году по указу царя Алексея Михайловича.

На Белгородской земле жили и прославились многие святые. Но самым известным из них был епископ Иосаф, которого любили и уважали люди.

Сегодня Белгородская епархия продолжает жить благодаря трудам и молитвам. В нашем крае много церквей и монастырей, где возрождается христианская вера. Один из таких монастырей – Марфо-Мариинский женский монастырь.

Монастырь был основан в 1993 году и получил статус общежитий в 1997 году. В 1999 году произошло деление на два монастыря: Марфо-Мариинский и Воскресенский. Монастырь расположен в центре Белгорода и включает в себя исторические храмы.

Главное в монастыре – это молитва. Каждая монахиня приносит свой вклад в молитвенную жизнь, помогая многочисленным прихожанам. В монастыре регулярно совершаются литургии, чтения Псалтыря и молитвы за живых и усопших.

Монастырь также поддерживает чистоту в гостинице для паломников и занимается подсобным хозяйством. Образована детская воскресная школа и сестричество милосердия, которое помогает одиноким и больным.

Таким образом, Марфо-Мариинский монастырь представляет собой важную часть духовной жизни региона, активно помогая людям и поддерживая православные традиции.

Свято-Троицкий Холковский мужской монастырь находится в 15 км от Нового Оскола, на горе, у впадения рек Холки и Оскол. Это уникальный подземный монастырь Белгородского края, похожий на знаменитые Киевские пещеры. Площадь пещеры составляет 255,5 м², церкви – 57,9 м², а длина коридоров – 125,8 м.

В монастыре находится «Пещера старца Никиты», вырытая Никитой Бычковым с 1890 по 1920 год. Строительство завершилось, когда Никита умер на девяносто восьмом метре.

Свято-Троицкий монастырь был открыт 28 декабря 1999 года. Настоятелем является архиепископ Иоанн. Насельники монастыря живут здесь с середины 1990-х годов. На территории обители построены корпуса и мастерские.

Монахи соблюдают строгий распорядок: подъем в 5 утра, молитвы и Божественная литургия. У них много послушаний, а также свои огороды (24 га) и фруктовый сад. Монахи готовят еду сами и молятся перед выпечкой просфор.

Летом в монастырь приезжают паломники для молитвы и помощи в хозяйственных делах. Иконостас в монастыре – редкий керамический, изготовленный подмосковными мастерами, который устоит перед временем и стихией.

Возрождение монастырей и православия в Белгородской области внушает надежду на духовное обновление общества.

Святое Белогорье на протяжении веков служило духовным центром Православной России, а город Белгород стал важным форпостом. Первые христианские храмы были построены в Хотмыжске и Осколе в начале XI века. В 1667 году была образована Белгородско-Обоянская епархия, охватывающая территории современных Белгородской, Курской и Харьковской областей, и включающая около тысячи храмов и 50 монастырей.

Белгород сохранил много памятников архитектуры, среди которых Преображенский кафедральный собор с мощами святителя Иоасафа и чудотворной иконой Николая Ратного, имеющей более 500 лет. Второй главный храм – Свято-Троицкий кафедральный собор, где ранее находились главные святыни региона.

Никольский храм, построенный в 1799 году, стал кафедральным собором, а Крестовоздвиженский храм был сооружен в 1863 году на средства графини Ластовской. Его главная святыня – чудотворный Крест, обретенный в XVIII веке, исцелявший людей.

В годы советской власти многие храмы закрывались и разрушались, но некоторые из них вновь открылись. Храм Александра Невского, построенный в 1903 году, стал кафедральным собором после возвращения богослужений в 1945 году.

Некоторые старейшие храмы, например, Вознесения Господня в Кочетовке (1810 года) и Свято-Михайловский (1823 года) в Новеньком, пережили закрытия и разрушения, но были восстановлены. Храм Покрова Пресвятой Богородицы в Покровке был построен в 1956 году и возобновил свои богослужения в 1955 году.

Храм Святой Троицы в Ивне был разрушен в 1938 году, а новый храм освятили в 2000 году. В 2001 году был организован приход храма иконы Божией Матери «Скоропослушница» во Владимировке, а в 2008 году был построен новый деревянный храм.

С возрождением Белгородской и Старооскольской епархии активно продолжается восстановление и строительство новых церквей, и местные жители охотно участвуют в этом процессе.

Просторы нашей Родины необъятны, и у каждого из нас есть свой любимый уголок. Для меня это село Хомутцы, первое упоминание о котором относится к 1684 году, когда была проведена перепись земель. Сёла определялись по наличию церкви, а в Хомутцах церкви не было.

В 1847 году рядом, в Самарино, была построена Димитриевская церковь в честь Святого Димитрия Солунского. Церковь была создана местными жителями и служила местом обучения для детей из Хомутцов и Самарино. После революции жители участвовали в мировой и гражданской войнах, а затем нача-

лась коллективизация, в ходе которой церковь была передана под склад, а священника арестовали.

В 1936 году церковь была разрушена по решению сельсовета, а ее материалы использованы для строительства других объектов. Пожилые жители потеряли веру в светлое и чистое. Несмотря на это, в тяжелые времена люди продолжали молиться Богу, иконы хранились в домах.

В конце XX века в стране произошли перемены, позволившие свободно обращаться к Богу. В Хомутцах была открыта молельная комната, а в 2008 году в Самарино освятили часовню Святой Троицы, построенную на месте разрушенной церкви. Праздник в честь Димитрия Солунского, отмечаемый 8 ноября, стал любимым и почитаемым.

В последнее время молодежь активнее посещает церковь, получает благословение перед учебным годом и участвует в богослужениях. Судьба подрастающего поколения в значительной мере зависит от воспитания, дающего прочную духовную опору на подлинные, а не мнимые жизненные ценности. Свое начало духовное воспитание берет там, где родился человек, где он прошел свое духовное и нравственное становление. А для этого молодой человек должен воспитываться на исторических, и культурных традициях, помнить о прошлой жизни своих предков. История показывает, что несмотря ни на что, русский человек всегда верил в Бога, и эта вера помогала выжить и выстоять, какие бы трудные времена ни выпадали на долю нашей страны.

*Комлева Дарья Олеговна
Рук. – Драчиловская Ольга Станиславовна
Республика Беларусь*

Литературный перекресток: пути-дороги русских писателей в Брестской области (от Фонвизина до Паустовского)

Для любого человека важно чувство Родины. Достижения страны вызывают гордость, ведь мы – часть ее истории и земли. Прошрое, настоящее и будущее родного края неразрывно связаны с нами.

Сегодня многие регионы Беларуси, в частности Брестская область, привлекают внимание исследователей культуры и литературы благодаря уникальным традициям и связям с русской словесностью. Этот регион – перекресток культурных влияний, своеобразный узел дорог, по которым проходили и оставляли след великие русские писатели. Брест и его окрестности становились ареной военных событий, местом службы, скитаний и вдохновения для многих авторов – от Дениса Фонвизина до Константина Паустовского, от Александра Блока до поэтов советской эпохи.

В рамках изучения русской литературы XVIII – XIX вв. мы узнали о службе Грибоедова в Бресте и пребывании Фонвизина в деревне Полонечка. Это послужило стимулом к более глубокому изучению литературного наследия региона, его исторического контекста и связей с творчеством великих писателей.

Берестейщина — один из древнейших районов Восточной Европы. Территория обладает богатой историей, проходящей сквозь столетия от античности до современности. Здесь пересекались границы империй, народов и культур, создавая уникальную среду обитания, насыщенную памятниками архитектуры, природы и искусства. Обладая таким потенциалом, регион привлекал внимание писателей и поэтов разных эпох.

Литературная жизнь Брестчины развивалась под влиянием культурных традиций соседних стран. Брест XIX века представлял собой своеобразную «площадку наблюдения» для литераторов. Военные гарнизоны, чиновничество, разноязыкая торговая среда — все это давало богатый материал для описаний. Писатели, оказывавшиеся здесь, видели не столичную Россию с ее развитой культурной инфраструктурой, а «жизнь на краю империи», где особенно обострялись социальные и культурные противоречия. Среди известных авторов, работавших на Брестчине, выделяются такие имена, как Александр Грибоедов, Александр Блок, Николай Гумилев, Константин Паустовский, Николай Гоголь и др.

Подобно тому, как крупные магистрали берут свое начало в небольших городках и деревушках, так и становление писателей имеет свои истоки.

Александр Сергеевич Грибоедов — известный русский драматург, дипломат и композитор. Его жизнь и деятельность были тесно связаны с европейской культурой. Неоднократные посещения стран Запада оказали значительное влияние на его творчество. Важным этапом его жизненного пути стало путешествие по западной части современной Беларуси, в то время включавшей территорию Брестской области.

Брестский период в жизни писателя можно рассматривать как «школу наблюдения». Во время путешествия Грибоедов посетил немало городов и поселков, получив яркие впечатления о местном быте, людях и природе, которые нашли отражение в его переписке с друзьями и родственниками.

Служба в Бресте связала судьбу Грибоедова с родом Толстых: здесь служил отец Льва Николаевича — Николай Николаевич Толстой. Встреча представителей двух мощных линий русской литературы XIX века в одном гарнизоне символична, обе линии оказали огромное влияние на ее развитие, хоть и разными путями. Кроме того, пребывание в регионе повлияло на формирование мировоззрения и творческого метода Грибоедова. Наблюдение контрастов между западным и восточным мирами сформировало его философско-эстетическую позицию, легшую в основу его будущих произведений.

В 1814 году в журнале «Вестник Европы» была опубликована его статья «Письмо из Брест-Литовска к издателю», ознаменовавшая его литературный дебют. Год спустя вышла комедия «Молодые супруги».

Николай Васильевич Гоголь имел тесные контакты с русским языком и культурой. Он проявлял интерес к жизни древних славянских племен, таких как кривичи, дреговичи и радимичи, изучал славянскую мифологию и уделял внимание как жизни обычных людей, так и выдающимся личностям белорусской истории. В его заметках упоминаются князья Всеслав, Изяслав и Мстислав.

Важным этапом в его творчестве стали поездки в Западную Белоруссию, включая земли современного Бреста.

Подтвержденная документами поездка состоялась летом 1842 года, когда писатель, закончив первый том «Мертвых душ» и стремясь к смене обстановки и улучшению самочувствия, ехал из Петербурга в Рим. В своем историческом исследовании «О местожительстве славянских народов» Гоголь отмечал, что дреговичи обитали между реками Припятью и Западной Двиной. Хотя Гоголь не задерживался надолго в Бресте, посещение региона позволило ему ознакомиться с местным укладом жизни, фольклором и особенностями быта крестьян, что отразилось в его произведениях.

Гоголь планировал создать «Историю средних веков». В части «Летописи» он писал, что литовцы усилились за счет ослабления русских князей и беспрепятственно завладели многими землями в южной России, включая Новгород, Гродно, Брест и Дорогичин. Описания белорусского быта у Гоголя отличались глубоким пониманием народной психологии, тонкой наблюдательностью и юмором. Поездка Гоголя в наш регион оказала влияние на формирование образа простого крестьянина, типичного для русской классической литературы.

Антон Павлович Чехов – известный русский писатель и драматург, классик мировой литературы, в 1900 году проезжал через Брест по пути в Ниццу. В городе он приобрел открытку и отправил телеграмму своей невесте – Ольге Книппер. На открытке Чехов написал о благополучном прибытии в Брест и передал наилучшие пожелания.

Из Бреста путь ведет в Кобрин. С городом, его окрестностями связана судьба видного русского писателя-прозаика Константина Георгиевича Паустовского. Во время Первой мировой войны он служил там в санитарном отряде. Паустовский неоднократно посещал Полесье, особенно районы вблизи Бреста. Эти путешествия вдохновляли его живописными пейзажами, местными обычаями и уникальными памятниками природы. В произведениях Паустовского Брест становится символом встречи прошлого и настоящего, отражая единство человека и природы.

Особое внимание заслуживает «Повесть о лесах», где описываются красоты Брестского Полесья. Во второй части, «Беспокойная юность», есть раздел «Местечко Кобрин». Для Паустовского Кобрин – это и место формирования стиля, его язык становится простым, но эта простота рождает сильное воздействие на читателя. Именно в Полесье родилась знаменитая повесть «Золотая роза», рассказывающая о значимости человеческого труда и любви к родине. Пейзажи: рощи, реки и деревенский колорит – создают атмосферу чувства малой родины. Писатель изображает Брестчину в движении, в дороге.

Брестчина для Паустовского – это «коридор истории». Следы К.Г. Паустовского – и в других местах Беларуси. Маршрут Паустовского можно проследить по его «Повести о жизни». Его «лабиринт дорог» – метафора XX века, когда война заставляет людей покидать дома. Дороги Беларуси становятся «линиями судьбы», по которым движется его поколение.

Согласно некоторым данным, посещал Беларусь во время военной службы и Александр Куприн. Находясь на территории нынешней Хмельницкой об-

ласти Украины, он несколько раз приезжал в гости к родственникам сослуживца, чей дом располагался под Пинском. Куприн прибывал в эти края, чтобы жить жизнью, максимально приближенной к природе, общался с местными жителями, изучал их быт и суеверия, связь с природой. Народные предания и атмосфера полесской изоляции вдохновили его на цикл «Полесские рассказы». Не исключено, что именно в этих краях развернулись события, которые, возможно, вдохновили Куприна на создание повести «Олеся». Предполагается, что, желая сохранить в тайне прототипов повести, автор перенес место действия в украинскую часть Полесья.

В период Первой мировой войны уланский полк, где служил поэт Николай Гумилев, расположился возле Пинска. Оттуда он осуществлял наблюдение за местностью к западу от Огинского канала и обеспечивал защиту дорог. Свои переживания и впечатления от пребывания на Пинщине Гумилев запечатлел в произведении «Записки кавалериста».

Описываемые в последней, семнадцатой, части «Записок кавалериста», события касаются масштабного пожара, произошедшем в сентябре 1915 года, когда Брест-Литовск был полностью уничтожен огнем при отступлении русской армии. Гумилев дает прямую оценку происходящему: «Воспоминания об освобожденном и ликующем пламени неразрывно связаны у меня со всем концом того лета. Мы прикрывали общее отступление и поджигали перед самым носом наступающих немцев все, что только могло гореть: амбары с зерном, пустые деревни, помещичьи особняки и дворцы...»

Снова в путь по широкой дороге. На горизонте – Барановичи.

Этот город, важный железнодорожный узел и стратегический пункт, исторически был местом пересечения различных дорог и людских потоков. Он принимал на своей земле и представителей русской интеллигенции, в частности – литераторов. Однако их визит сюда не всегда был связан со вдохновением или творческим поиском; скорее, это было вызвано тяжелыми обстоятельствами, историческими событиями.

Одним из выдающихся русских драматургов, чья судьба пересеклась с Барановичским краем, является Денис Иванович Фонвизин.

Что могло привести известного столичного сатирика и дипломата в провинцию Речи Посполитой в конце XVIII века? Именно это путешествие, состоявшееся в 1777 году, стало важным этапом в формировании его сатирического таланта, предоставив Фонвизину богатый материал для язвительных наблюдений за нравами аристократии.

Фонвизин, будучи доверенным лицом и секретарем главы Коллегии иностранных дел Никиты Панина, был направлен с тайной дипломатической миссией в Польшу (Речь Посполитую), которая после первого раздела в 1772 году находилась под сильным влиянием России. Его задачей был не только обмен посланиями, но и сбор сведений о политической ситуации, настроениях шляхты, придворных интригах и общем положении дел в ослабленной стране.

Одним из ключевых пунктов его маршрута была Полонечка – деревня Барановичского района, место расположения роскошной резиденции влиятельного рода Радзивиллов. Поместья Радзивиллов были своеобразными «государ-

ствами в государстве», центрами политической жизни, культуры и даже анархии. Хотя Полонечка не стала фоном для конкретного произведения Фонвизина, впечатления, полученные им в ходе этого и других подобных путешествий по Речи Посполитой, безусловно, повлияли на его будущие сатирические произведения, в частности, комедию «Недоросль». Картины праздности, невежества, стремления к внешней роскоши при внутренней пустоте, деспотизма помещиков и их прислуги, характерные для персонажей Фонвизина, получили свою основу благодаря его непосредственным наблюдениям за жизнью в помещичьих усадьбах.

В селе Столовичи, расположенном в Барановичском районе, проходил службу русский поэт Кондратий Рылеев. Он находился в заграничном походе русской армии. В 1814 году военная дорога привела поэта в Брест, затем в Барановичи. Его поэтическое наследие того времени представлено знаменитым произведением «Рогнеда». Тема, персонажи и описания природы отражают яркие моменты истории Беларуси.

Барановичи также были на пути прозаика, поэтессы и детской писательницы Софьи Захаровны Федорченко. Она служила сестрой милосердия во время Первой мировой войны. Софья Федорченко работала в том же санитарном поезде, что и Константин Георгиевич Паустовский. Подобно Паустовскому, Федорченко собирала впечатления о войне, чтобы затем отразить их в своих произведениях.

Впервые фрагменты ее книги «Народ на войне» были опубликованы в журнале «Северные записки» в 1917 году. Александр Блок, не зная автора, после первых публикаций записал в своем дневнике: «Интересны записи «Солдатских бесед», подслушанных каким-то Федорченко...»; «...записи Федорченко всего интереснее... Выходит серо, грязно, гадко, полно ненависти, темноты, но хорошо, правдиво и совестно». При жизни Софье Федорченко не удалось издать книгу «Народ на войне» полностью (записи составили три тома). Третий том был напечатан только в 1983 году, а в 1990-м были изданы все три тома вместе.

В годы Первой мировой войны в белорусское Полесье судьба забросила и Александра Блока. В конце июля 1916 года, двигаясь по узкоколейной железной дороге среди мешков с мукой, он прибыл из станции Ловча (недалеко от Лунинца) в деревню Камень, где находился штаб дружины (служил в инженерно-саперных войсках). Вскоре штаб переехал в Парохонск. Начальник подразделения представил поэта владельцам поместья как выдающегося русского поэта. Живя в усадьбе, Блок находил красоту в ухоженном саду и реке Бобрик, протекавшей поблизости. В своих письмах к родным Блок подробно описывал это время и место. Несмотря на занятость и постоянные поездки по прифронтовым районам, Блок писал о разрушенных войной усадьбах и деревнях, но даже в военных буднях замечал красоту окружающей природы. Алексей Толстой, случайно встретивший Блока в январе 1917 года, услышал от него восторженные отзывы о жизни в белорусском Полесье, о службе и красоте зимы. Примечательно, что за месяцы, проведенные в Колбах, Лопатино и других местечках Пинского района, Блок не создал ни одного стихотворения. Как объяснить «по-

этическое молчание» поэта? Вероятно, ответ кроется в специфике полесской атмосферы. Будучи в зоне боевых действий, где все было подчинено войне, поэт, привыкший к гармонии мира, ощутил внутреннюю тишину, заглушавшую поэтическое вдохновение.

Таким образом, молчание Блока в Полесье – это не творческий кризис, а период накопления опыта, который впоследствии проявился в поэме «Двенадцать». В его прозе и письмах ощущается напряжение. Несмотря на отсутствие стихов, Блок оставил описания природы: огромные звезды и переменчивое небо. Он отмечал контраст красоты природы и войны: «желтеющий аэроплан на фоне неба», «шрапнельные дымки», «щелчки пулеметов за лесом». Природа и война соединялись в парадоксальную картину. Именно здесь зародился мотив «раздвоенности мира» (когда прекрасное и страшное существуют одновременно, не отменяя друг друга), ставший важным в позднем творчестве Блока.

Пребывание Блока в Беларуси связывает его с военной литературой. В отличие от Паустовского или поэтов-«солдатских голосов», Блок воспринимал войну философски, глазами интеллигента. Белорусское Полесье стало для него «пограничным пространством», где рушится старая цивилизация и рождается новое, еще непонятное будущее...

Сказанное выше показывает глубокое взаимодействие русской литературы и Брестской области. Регион оставил значительный след в творчестве отечественных авторов, подарив им незабываемые впечатления и художественное вдохновение. Блестские литературные маршруты демонстрируют, как каждый из писателей воспринял и выразил в своих произведениях влияние природы и культуры региона.

Кондратьева Кристина Юрьевна
Приморский край

Мелодия поколений: музыкальная сага семьи

В промышленном городе Нижнем Тагиле, где шум машин и гул заводов сливаются в единый ритм, жила супружеская пара: Асхат, прораб, и Фаина, швея. Нотная грамота им была незнакома, но Асхат, помня деревенские мелодии родной местности в Башкортостане, иногда наигрывал на гармошке – то народные про весну и любовь, а порой – мотивы религиозных гимнов, которые по утрам громко пел его дед – староста деревни. Музыкальное образование их детей, начавшееся с обучения в музыкальной школе и продолженное в музыкальном училище, стало осознанным выбором.

Лилия, их старшая дочь, недолго работала по профессии. Ее призвание оказалось на другом конце страны – в Приморском крае, в Дальневосточном морском пароходстве. В долгих морских рейсах звуки фортепиано, на котором она играла, становились источником вдохновения для всего экипажа и иностранных партнеров. Особенно сильное впечатление музицирование произвело на японскую делегацию: они были в сильном изумлении, когда на следующее утро после проведенного музыкального вечера заметили, что девушка, которая вчера играла на фортепиано, теперь драит палубу. Они считали, что те, кто мо-

ет палубы, не могут себе позволить получить музыкальное образование: обучаться искусству в Японии очень дорого.

Музыкальные знания помогли Лилии в общественной деятельности: она организовывала экскурсии для школьников на судах, многие из которых носили имена деятелей искусства.

Пианино Yamaha, привезенное ею из Японии, стало первым приобретением для новой квартиры. Лилия спала на полу на матрасе, но радость от музыки согревала ее душу. Когда у нее появились дети, она также записала их в музыкальную школу. Перед тем как завершить свою карьеру, Лилия работала музыкальным руководителем в детском доме, делясь своим талантом и любовью к музыке с детьми – от самых маленьких, трехлеток, до семнадцатилетних.

Старшая дочь Кристина окончила музыкальную школу с золотой медалью. Вместо поступления в музыкальное училище она выбрала профессию юриста и большую часть карьеры провела в сфере дополнительного образования, включая шесть лет работы заместителем директора музыкальной школы.

Судьба средней дочери, Карины, оказалась трагичнее. Из-за врожденной инвалидности она не смогла посещать музыкальную школу и рано ушла из жизни. В память о ней Кристина передала электронное пианино благотворительной некоммерческой организации «Благое дело» во Владивостоке, которая помогает детям-инвалидам адаптироваться к социальной жизни и осваивать профессии с помощью искусства.

Младшая дочь, Эвелина, начав обучение на музыкальном отделении, впоследствии перешла в художественное. Но любовь к музыке не исчезла. Спустя несколько лет она вновь вернулась к музыке, разучивая мелодии на синтезаторе в свободное от работы время, как когда-то делал ее дед Асхат.

Иная судьба ожидала младшего брата Лили – Марселя. Он продолжил музыкальную традицию семьи, став профессиональным музыкантом.

Сильное заикание, сопровождавшее Марселя с ранних лет, и слабое здоровье определили его судьбу. Совет врачей заняться пением привел к тому, что музыка стала не только спасением, но и профессией. Марсель с отличием окончил музыкальное училище и начал работать в хоровой студии «Звонкие голоса».

Дальнейшее обучение в Москве и Екатеринбурге позволило ему совместить преподавание, работу аккомпаниатора и настройщика музыкальных инструментов. Перед завершением карьеры он стал одним из самых востребованных мастеров в Свердловской области, перемещаясь по городам региона, чтобы настроить фортепиано.

Дочь Марселя Наташа продолжила семейную традицию, выбрав для себя музыкальную деятельность. Она с отличием окончила музыкальное училище, которое когда-то открыло дорогу ее отцу и тете. Но, в отличие от большинства родственников, умея играть и на нескольких инструментах, предпочла скрипку. Она посвятила себя исполнительскому мастерству и сегодня служит скрипачкой в филармонии, повторяя гастрольные маршруты отца по Свердловской области.

Этот семейный цикл показывает, как музыка объединяет поколения, создавая уникальную связь между ними. Каждый из членов семьи не только передает свои знания и умения, но и вносит что-то новое в общую музыкальную палитру. Музыка становится не просто профессией и способом социальной адаптации, но и образом жизни, который наполняет их дни смыслом и гармонией, где каждый может найти свое место.

Котляр Варвара Эдуардовна
Рук. – Колягина Анастасия Николаевна
Иркутская область

Я бы ничего не поменяла в своей жизни

В 1959 году, словно ласточка, выпорхнула восемнадцатилетняя Алла Ивановна из стен техникума, с дипломом техника-электрика в руках, и прилетела в сибирское село Мельница Нижнеудинского района. Вместе с десятью подругами-сокурсницами из солнечного Краснодарского края, такими же юными и дерзкими, по зову сердца отправилась она покорять суровые земли. Родительские сердца, конечно, тревожились за дочерей, но их молодость, неумная энергия и романтика великих строек манили в неизведанное. Долгая дорога, полная песен и смеха, привела их в Иркутск. Алле Ивановне выпала честь быть направленной на строительство Верхне-Рубахинской ГЭС, что развернулось в селе Мельница, где полным ходом шли пусконаладочные работы. Ей, вчерашней студентке, доверили должность технорука ГЭС. Но, понимая необходимость опыта, отправили на стажировку в Черемховский район, на Полежаевскую ГЭС, где она смогла перенять мудрость старших коллег.

Каждый день Алла Ивановна, словно чуткий страж, следила за дыханием водоема у плотины. Если вода поднималась выше положенного, открывала шлюзы, давая ей волю, а когда уровень падал, вновь смирля стихию. Составляла графики дежурств, кропотливо вела табель учета рабочего времени, считала каждый киловатт выработанной энергии, обходила мини-электропередачи вместе с опытными мастерами. Совместно с директором составляли заявки на необходимые материалы: изоляторы, крючья, провод, арматуру и прочее, без чего немислима жизнь электростанции. С этими списками директор отправлялся в «Сельэнерго» Иркутска, где всегда находил понимание и поддержку.

Не обходилось и без тревог. Однажды сломался амперметр, и заявку отправили аж в Краснодар, на завод ЗИП, откуда и прислали замену. А однажды случился прорыв заграждения канала, и в турбину попал коварный камень. Агрегат замер, но руки мастеров быстро устранили повреждение. Каково же было их удивление, когда обнаружили, что подшипник колеса турбины был сделан из березы!

Алла Ивановна с теплотой вспоминает, как учитель физики, Любовь Никифоровна Чучупал, водила учеников на экскурсии на ГЭС. Там наглядно и доступно она рассказывала о превращениях энергии. Дети своими глазами видели, как кинетическая энергия падающей воды, ударяясь о лопасти турбины, заставляет ее вращаться, превращаясь в механическую энергию. Колесо турбины

вращало вал генератора, и механическая энергия превращалась в электрическую, поступая на щит управления, где ее контролировали амперметр и вольтметр.

Мощности ГЭС хватало лишь на то, чтобы осветить дома, фермы и мастерские. Но время шло, в домах появлялась бытовая техника, на фермах – электродойки и электропоилки, в землю уходили глубинные насосы. И встал вопрос о подключении к «Иркутскэнерго». Была построена мини-ЛЭП 10 кВт и подключена к тяговой подстанции Нижнеудинска.

Аллу Ивановну перевели в электромонтеры, и она, не страшась высоты, вместе с мужчинами поднималась на мачтовые подстанции и опоры ЛЭП для осмотра трансформаторов и разрядников.

В 1965 году станция закрылась, уступив место ЛЭП от Братской ГЭС, прошедшей через Нижнеудинский район. На месте прежней ГЭС возникла распределительная ПС Рубахино. Алла Ивановна была переведена в распоряжение «Иркутскэнерго» в качестве дежурной. Постепенно росли новые линии электропередач 35 кВ и 10 кВ. Введена в работу новая ПС 35/10 Рубахино. В 1968 году, в связи с реорганизацией «Иркутскэнерго», мастерский участок был преобразован в Нижнеудинский РЭС Тулунских электрических сетей.

В 1974 году организовалась диспетчерская служба, и Алла Ивановна стала диспетчером Нижнеудинского РЭС. В 1976 году она уже старший диспетчер оперативно-диспетчерской группы. Радиус обслуживания электросетей диспетчерами составлял 100 километров – от Катарбея до Костина. Диспетчер отвечал за выполнение всех технических мероприятий, необходимых для безопасного проведения плановых и аварийных работ, а также совмещал обязанности дежурного подстанции Рубахино.

Алла Ивановна была требовательна, как к диспетчерам, так и к электромонтерам, но всегда справедлива.

И если бы не бесчисленные переименования предприятия, в ее трудовой книжке было бы всего две записи: «1 сентября 1959 года – принята на работу» и «30 ноября 2007 года – уволена в связи с выходом на пенсию». Трудовой стаж Аллы Ивановны – 48 лет. Она ветеран труда, ветеран Иркутскэнерго, лауреат премии Иркутскэнерго, неоднократно поощрялась денежными премиями, грамотами и благодарностями.

Как поется в песне: «Возмужала здесь ее молодость, здесь любовь ее родилась». Здесь она вышла замуж, и вместе с мужем они воспитали дочку и сына.

В 2001 году, по просьбе Юрия Васильевича Псарева, главы Усть-Рубахинской администрации, Алла Ивановна возглавила первичную ветеранскую организацию и в течение 11 лет вместе со своей командой вела большую работу. В команду первички вошли Демина Галина Ивановна, Новикова Тамара Яковлевна, Виноградова Валентина Павловна, Дубино Елена Михайловна, Шпакова Любовь Тимофеевна, Кузьменкова Татьяна Ивановна.

Работа началась с составления плана. Создали картотеку пенсионеров, составили списки тружеников тыла, участников Великой Отечественной войны, вдов. Сфотографировали ветеранов войны и оформили небольшой стенд.

Большую помощь в организации работы первички оказывала председатель Совета ветеранов Нижнеудинского района Людмила Ивановна Барашова.

В здании администрации было выделено помещение для первичной ветеранской организации, куда приходили пенсионеры, чтобы узнать о льготах и наградах. Администрация Нижнеудинского района договаривалась с предпринимателями и выделяла нуждающимся пенсионерам шифер, штакетник, краску, дрова. Выделялись денежные средства, и первичка распределяла их среди малообеспеченных пенсионеров.

Совместно со школой проводились встречи учеников с ветеранами Великой Отечественной войны – Михаилом Васильевичем Чучупалом и Семеном Михайловичем Светличным. Приглашали на встречи и ребят, отслуживших срочную службу в армии, которые рассказывали школьникам о современной армейской жизни.

Совместно с работниками Дома культуры организовывались встречи с ветеранами тыла и вдовами. Были подготовлены мероприятия, посвященные детям войны, переживших оккупацию. Они делились своими воспоминаниями со школьниками.

После того как колхоз прекратил свое существование, о колхозниках стали забывать. Тогда члены первички обратились в районную библиотеку, подняли подшивки местных газет и собрали материал о колхозниках: об их трудовых буднях, подвигах и наградах. Совместно с работниками Мельничного Дома культуры был проведен вечер встречи, на который пригласили колхозников. Вспоминали о нелегких трудовых буднях, о совместных праздниках, об участии в выставках в Москве на ВДНХ, а также об участии в районных и областных соревнованиях. Труд многих был отмечен государственными наградами. Всем присутствующим были вручены небольшие подарки в память о встрече. Они были очень рады, что их помнят и чтут.

Торжественно чествовали золотые пары: Михаила Васильевича и Любовь Никифоровну Чучупал, Ивана Петровича и Екатерину Андреевну Климащук, Анатолия Егоровича и Татьяну Васильевну Дюкляевых. Приглашали сотрудников ЗАГСа, родных и близких. Дарили подарки. В альбомах первички сохранилось множество добрых и нежных фотографий, запечатлевших эти трогательные моменты.

Тогда и родилась традиция поздравлять 80-летних (и старше) юбиляров и вручать подарки от администрации. Эта традиция жива и по сей день.

По инициативе Валентины Павловны Виноградовой были организованы литературные встречи, на которых знакомили с творчеством поэтессы Анны Степановны Марисовой в поселке Подгорном и в деревне Абалакова.

Велась большая работа по уточнению списков участников Великой Отечественной войны, вернувшихся с фронта, погибших на полях сражений и пропавших без вести. В память о земляках были установлены стенды в деревнях Труд, Майск, Швайкина, Абалакова, Рубахино и селе Мельница.

Ежегодно первичка участвовала в организации и проведении праздничных мероприятий, посвященных Дню Победы и Дню пожилого человека.

Спортивная команда Усть-Рубахинской ветеранской организации – постоянный участник районных соревнований, где она неоднократно занимала первое общекомандное место.

У Аллы Ивановны была мечта: установить около памятника погибшим воинам в селе Мельница стенды с фамилиями всех погибших и пропавших без вести участников Великой Отечественной войны. Она стала по крупицам собирать сведения о них. Оказалось, что их 229, а не 125, как было указано на стеле. И благодаря денежной помощи земляков и главы администрации Андрея Ивановича Бурачкова мечта Аллы Ивановны осуществилась. Помогали в оформлении стендов и составлении списков Татьяна Васильевна Рожкова и Анастасия Николаевна Колягина.

За активную общественную работу указом губернатора Иркутской области Алла Ивановна была награждена знаком общественного поощрения «75 лет Иркутской области». В 2018 году ей присвоено звание «Почетный член ветеранской организации Нижнеудинского района».

*Мазунова Виктория Сергеевна
Рук. – Полесье Каролина Викторовна
Иркутская область*

Клубничный пирог, или Как встретить в лесу товарища

Случилось это летом, когда я гостила у бабушки в деревне. День был солнечным, в меру жарким. В беседке возле дома царил тенок, что позволило мне с комфортом расположиться. Лежу, ничего не делаю, отдыхаю – красота! Ко мне в беседку заглянула бабушка и, хитренько так прищурившись, говорит:

– Вика, пирога с клубникой хочешь?

– Очень хочу, бабуль!

– Вот держи тогда корзинку.

И, вручив мне ее, повела, так ненавязчиво, за ворота. При этом, указав в сторону леса, что начинался за нашим забором, стала объяснять:

– За тем лесочком есть полянка, там лесная клубника растет. Мы ее «пестрая» называем. Так вот, набери ягодки, да возвращайся. Я пока тесто заведу. Как вернешься, мы с тобой пирог вкуснящий постряпаем. Далеко не заходи. Давай быстренько сбегай. Жду тебя.

И пока я не опомнилась, закрыла за мной калитку. Стою, глазами хлопаю с корзиной в руках и улыбаюсь: «Вот бабуля у меня! Всем бабулям – бабуля. Так умеет процесс рабочий организовать, что и не заметишь, как тебя в него втянули. Ну, что ж, вперед и с песней!».

Очень скоро я оказалась на той самой поляне. Оглянулась – и правда: «пестрой» здесь полно. Присела да стала ягоду собирать, не забывая ее на вкус пробовать. Так увлеклась этим процессом, что и не заметила, как с одной полянки перешла на другую, и сильно углубилась в лес. Услышав шебуршание у себя за спиной, резко подскочила. И вижу такую картину: в моей корзине сидит бельчонок и, выбирая ягодки покрупнее, с аппетитом их уплетает за обе щеки. У меня от такой его наглости дар речи пропал. Придя в себя, как закричу:

– А-а-а! Ты что делаешь? А ну вылезай, кому говорю! – и потянулась к нему руками.

Бельчонок верткий оказался. Поймать себя не дает. Да еще при этом ягоду мою поедать успевает. Так и скакали с ним, пока он на ближайшее дерево не забрался. Вот же «чудо природы». Откуда только взялся этот воришка хвостатый?! Тут-то я и осмотрелась. Место совсем незнакомое. Да и с какой стороны пришла, как-то непонятно. Совсем закрутилась с этим беличьим хвостом. А бельчонок спокойненько сидит на ветке и за мной наблюдает. Славненький такой, рыженький, глазки бусинками. Вот обхохочешься: и ко мне белочка пришла. Ладно, надо как-то дорогу домой искать. Не могла же я совсем далеко уйти? Неожиданно, громко каркая, на бельчонка налетел ворон. Схватив его лапами, понес куда-то. Вот, думаю, и кара твоя беличья прилетела. А бельчонок запищит так пронзительно. Маленький он еще с вороном бороться. Жаль его так стало, аж сердце защемило. Недолго думая, побежала за ними. Хватая все, что под руку попадется, стала кидать в ворона. Лишь бы бельчонка не задеть. Ворон растерялся от такой атаки и выпустил из лап свою добычу. На лету мне удалось его поймать. Правда, не удержав равновесие, упала. Бельчонок в моих руках свернулся, сотрясаясь мелкой дрожью. Прижала его к себе, глажу.

– Ну, что ж ты, трусишка такой, от меня так ловко уворачивался, а от ворона не сумел? У тебя ж лапки сильные, зубки острые. Чего растерялся? – бельчонок глазки открыл, прислушивается. А я его смелее поглаживаю да приговариваю:

– Ну, все, не трясись ты так! Прогнала я эту страшилую крылатую.

Тут опять раздалось карканье, и мы увидели, что ворон возвращается. Бельчонок пулей забрался ко мне на плечо и прижался к шее, прячась. Я, отыскав палку побольше, вооружилась. Когда ворон подлетел поближе, от души приложила ей ворону под хвост. Так, что тот с ускорением стал от нас улетать. Продолжая размахивать палкой, погналась за ним, выкрикивая:

– Сейчас я тебе покажу, как маленьких обижать! Получишь у меня.

А бельчонок осмелел, уже не прячется. На плече сидит да бойко так пищит, лапками махая. Забавно так у него получается. Прогнали мы ворона. Пока за ним бежали, из леса выбрались, вон и дома видать. Жаль только корзина где-то там осталась. Но ничего, сейчас до дома дойду, возьму подкрепление в лице моего дедушки. Ему в этом лесу каждый кустик знаком. Так и поступила. Бельчонок с меня ни в какую не слазил. Пришлось идти вместе с ним.

Дедушка долго хохотал над моим приключением. Он все удивлялся, какого товарища я себе завела. С дедушкой мы быстро нашли и ту самую поляну, и корзинку нашу. Отсыпав горсть ягод, оставила ее в угощение моему маленькому другу. Я назвала его Пестрыш. Бельчонок, наевшись ягоды, убежал.

Мы с дедушкой вернулись домой. По дороге он рассказал мне, на что ориентироваться, чтобы найти то место в лесу и не заблудиться. С бабушкой мы испекли пирог. Он получился очень вкусным. Вечером, когда вся семья собралась за столом, я рассказала о своем приключении. Мы дружно посмеялись, а папа похвалил, что ворона не испугалась и бельчонка спасла.

На следующий день я с братом посетила ту поляну. Бельчонок Пестрыш уже был там и очень обрадовался угощению, которое мы принесли. Так и завязалась наша дружба. Я приносила ему угощение, а он, забравшись мне на плечо, гулял со мной по лесу.

*Мансурова Алия Мансуровна
Рук. – Титова Галина Александровна
Республика Татарстан*

Рыжик и добро

Здравствуйте, двуногие!

Я Рыжик, живу в Донецке в замечательном доме для нас, четвероногих, «Четыре лапки». Живу я здесь с 2014 года. «Для чего я пишу это письмо?» – спросите вы. Хочу рассказать о добрых двуногих, о том, что мне повезло с ними повстречаться.

Помню, жил я припеваючи в квартире с моими хозяевами, замечательными двуногими. Много гулял по паркам города Донецка, встречался со своими друзьями на собачьей площадке, вкусно ел и сладко спал. Да, жизнь была, как сахарная косточка! А однажды все это закончилось...

Этот ужасный день я не забуду никогда: сначала все было как обычно, только мои двуногие хозяева были очень встревоженными и даже рассеянными, забыли о том, что в 6:30 мы выходили на прогулку. Не успел я пожаловаться, подать голос, как что-то завывало громче меня, затрещали стекла, посыпалась штукатурка или что-то еще, мы все рванули к двери, но... выбежать не успели.

Очнулся я под грудой завалов: красное, серое, клочья, куски камня. И я задние лапы не чувствую. Сначала пытался подвинуться с места, подтягивался, царапал лапами камень, потом скулил, а потом просто плакал от отчаяния. Вот так бывает, дорогие двуногие, что ты еще жив, но сделать не можешь ничего, без помощи других не обойтись.

На третьи сутки я услышал сквозь шум в голове какие-то звуки, а потом голоса двуногих. Кажется, я даже смог заскулить. А потом передо мной появилась она – Ирина Волик, хоть и двуногая, но точно моя собачья богиня!

Так я оказался в приюте «Четыре лапки», так я получил шанс на вторую жизнь. Потом я лечил лапы, знакомился с другими питомцами, а сейчас опять живу припеваючи, хотя и здесь были бомбы, трясло, и было страшно очень еще не раз, но рядом были двуногие, которые дарили добро, заботу и любовь всем нам, Рыжикам, спасали, лечили, кормили, не думая о себе.

Я вот что думаю, дорогие двуногие: пока есть среди вас такие, как Ирина Волик и ее помощники, мир не исчезнет, а Рыжики не перестанут повторять: «Добро побеждает зло всегда!»

Ваш Рыжик.

Марченко Валентина Александровна
Республика Беларусь

Я вновь и вновь иду твоей войною

*Посвящается моему отцу-фронтовику
Константинову Александру Михайловичу (06.06.1918 – 27.02.1997),
прошедшему войну от Сталинграда до города Линц в Австрии.
Участвовал в боях за освобождение
Украины, Венгрии, Румынии, Австрии*

– Я вновь и вновь иду твоей войною,
Отец, по горькой, выжженной земле...
И теплой благодарною волною
Так хочется обнять сегодня мне
Тебя, друзей – дошедших, недошедших,
И командиров, и простых бойцов,
Сумевших в этой рубке сумасшедшей
Спокойно смерти посмотреть в лицо.

...Горячий снег – бои под Сталинградом.
Ты стойкость духа здесь ковал, как сталь.
Разрывы бомб и пули – гулким градом...
Ушел юнцом – бойцом отважным стал.
Бои под Курском, Белгород, Ахтырка...
Жестокость фрицев... Нет, не отступать!
Соваться было к нам такой ошибкой,
А за ошибки надо отвечать!

Как Карл когда-то, что бежал с Мазепой,
Из-под Полтавы движет немчура.
«Восточный вал» проблемой стал нелепой –
Не удержать ей нашего Днепра!
А на твоей груди блестят медали:
За Сталинград, за Днепр – отваге дань.
– А почему же ордена не дали?
– Как Теркин, я согласен на медаль!

Меня воспоминанья согревают.
Москва салютовала нам, поверь.
За проигрыш в Звенигородке, знают,
Уволен Клейст и генерал Манштейн.
Назвал сражение Гитлер Сталинградом
Вторым: немало в плен попало тут.
Украсил грудь мне орден, орден Славы,
А тысячам врагам пришел «капут».

– Отец, бывает чувств предел и воли...
Он есть, предел, у каждого из нас.
Вы столько претерпели! Столько боли!
И столько было мужества – за нас.
За нас сражались там, на Украине,
Теснился враг за Южный Буг и Днестр.
И Яско-Кишиневские долины
Увидят не один и бой, и крест.

А дальше путь – к Румынии далекой,
Он не был как победный марш-парад.
И семь десятков тысяч одиноко
В предгорьях Альп убитыми лежат.
...Дышал холодный ветер Балатона,
Венгерский шестимесячный кошмар...
В жестоких битвах погибали снова
Бойцы за город Секешфехервар.

Сто сорок тысяч головы сложили –
Не стать ученым, пахарем не стать...
За Будапешт вы жизнями платили –
По-русски не одна завоюет мать.
За Будапештом путь лежал на Вену.
В апрельский день вас Венский вальс кружил,
Дунай играл волной, взбивая пену,
И новый орден на груди светил.

А дальше – Линц с плывущею весною,
И лагерь Маутхаузен, как крик.
Прекрасен город – этого не скрою,
Но он взрывает память словом «криг».
Провел здесь детство Гитлер, я читаю,
Мечтал об образцовом городке.
Я в мыслях этот город представляю,
Что на красивой на Дунай-реке.

На вас смотрели женщины и дети,
А вас пленяла зданий красота.
Держу я фото: двое на портрете –
С тобой подруга или медсестра.
Ты смотришь на меня, такой красивый,
Глазами, пережившими войну.
Я так хочу послать тебе, родимый,
Ответной благодарности волну.

Тебе любовь и восхищенье наше –
Твоих детей и внуков, что растут.
И, видно, не случайно многих Сашей,
Как и тебя, наш дорогой, зовут.

*Муталиева Заида Магомедовна
Республика Ингушетия*

Бабушка

Нани, напиши картину прошлых лет!
Расскажи о том, как тяжело жилось.
Как в кромешной тьме искала солнца свет.
Знаю, далеко не все, не все сбылось...

Сказочное детство вспомню, словно сон:
С творогом лепешки как с тобой пекли;
Как я бегала по саду босиком,
Собирая груши спелые с земли.

Поседела ты от горя и невзгод,
В волосах твоих – мерцанье серебра.
Видно, чтоб нести груз тягот и забот,
Рождена на свет ты Господом была.

Дедушки портрет стоит на сундуке.
Молишься о нем: «Прости его, Аллах!»
Мыслями витаешь где-то вдалеке:
Слезы выступают на твоих глазах.

Нани, не тоскуй, не плачь и не грусти,
Нам не разгадать загадок бытия,
Ведь Всевышнего неведомы пути,
Он один всего Творец, всему Судья.

(перевод с ингушского языка)

*Нагибина Тамара Александровна
Рук. – Кривуля Татьяна Николаевна
Ханты-Мансийский автономный округ – Югра*

Торжество

Серых будней наскучил бег,
Друг на друга похожи дни,
От которых в душе саднит,
Но сегодня был первый снег.

Выхожу во двор – кутерьма,
Кружит белых снежинок рой,
Веселись же, душа, и пой,
Не дома вокруг – терема!

Старый сад поменял свой вид,
Стал рябины наряд пригож,
В кружевной бахrome, как брошь,
Красногрудый снегирь сидит.

Позабылись вдруг все слова,
В сердце нежность, тепло и свет,
Сам собою звучит ответ –
Знаешь, жизнь, ты всегда права.

А вдали колокольный звон
Всем скорбящим Радость вещал,
Чтобы каждый слышал и знал,
Даже в снеге есть торжество.

Ах, не сойти б с ума!

Ах, не сойти б с ума весной –
Котам не хочется домой,
Василий – старый и больной
И тот сидит на крыше!
А солнце – огненный шатен,
Надев свой золоченый шлем,
С утра подмигивает всем,
Поднявшись еще выше!

И наутюженный скворец,
Домой вернувшись, наконец,
До блеска вычистил дворец,
Ждет милую у входа!
Поет он так, что будь здоров,
Она летит к нему на зов,
Где ждет ее уютный кров
Для продолженья рода!

Преобразилось все вокруг,
Дороги кашей стали вдруг,
За речкой в черных пятнах луг,
Прости-прощай, зима!
Капель к полудню заведет
Неповторимый свой фокстрот –
Весна идет, весна идет,
Ах, не сойти б с ума!

*Науман Маргарита Александровна
Рук. – Губич Наталья Сергеевна
Омская область*

«Я жив и вернусь к вам...»

*О нас человечество никогда не забудет.
Нам, людям этой эпохи, воздвигнут такой памятник,
который не сотрут века и тысячелетия.
Русь будет помнить.*

Зубанов М.С. «Книга Памяти Омской области»

13 декабря 1942 год. Омск:

«Ну-с, здравствуйте, дорогие мои Зубановы! Еду на фронт воевать. Вы будьте здоровы. Желаю вам счастья в жизни. Ждите меня, не верьте никому. Я жив и вернусь к вам, но нескоро. Я иду вперед по давно уже намеченному пути. Что ждет, сказать очень трудно. Но ждет одно Великое дело нашего народа. За что не жаль и умереть. Вот, мама, и все. Больше уж долго увидеться не придется. Будь здорова, жди меня! Буду у тебя снова!»*

Письма с фронта... Передо мной архивный материал фронтовых писем семьи Зубановых-Демощенко – письма ветерана нашего поселка Ростовка, гвардии старшего лейтенанта, командира батальона танкового полка Михаила Семеновича Зубанова. С трепетом вновь и вновь перебираю и перечитываю пожелтевшие от времени, почти рассыпающиеся в руках знаменитые солдатские треугольники. Письма потрясли меня и не отпускают до сих пор. В них целая эпоха, вся жизнь человека, его боль, радость, любовь, надежды... В 19

* В письмах сохранена авторская пунктуация М.С. Зубанова.

строчек бланка полевой почты молодой лейтенант старался уместить все свои переживания, тоску по дому, поддержать и ободрить родных, вселить веру в победу, скорое возвращение домой. Почти в каждом послании лейтмотивом проходят слова: «Я обязательно вернусь, и мы проживем счастливо». Фронтовое письмо, как голос из прошлого, отражает мысли и желания, эпоху и время, в которое было написано, сохраняет память о прошлом. Война нарушила привычный ход жизни, по разным уголкам и по разным городам разбросала близких людей, надолго оторвала их друг от друга, поставила в тяжелейшие условия; именно в этих условиях письма были единственным средством связи, средством общения людей друг с другом на расстоянии.

Я постоянно задаюсь вопросом: «Сколько семей осталось без своих любимых и родных людей? Сколько судеб искалечила война?!..» История одного из миллионов русских солдат не дает мне покоя. Эта история на все времена. Вот как она начиналась ...

Родился маленький Миша в пригороде Самары. Когда ему было 4 года, умер отец, и мать, спасаясь от голода, с пятью детьми переехала к родным в Омскую область. Миша в 6 лет пошел в школу, которую окончил с золотой медалью. В шестнадцать поступил в Омский финансово-экономический техникум. Когда началась война, перевелся в Омское высшее общевойсковое командное дважды Краснознаменное училище имени М.В. Фрунзе. Обучение было сокращенным; сразу после него Михаил Зубанов попал в самое пекло: в бои под Орлом и Курском. В военных документах указан 1922 год рождения, но, чтобы попасть на фронт, Зубанов прибавил себе пару лет.

15 декабря 1942 год:

«Здравствуй, дорогая мама и все остальные! С приветом вам Михаил. Моя родная, увидеться еще раз не пришлось. Так неожиданно все произошло – прямо-таки, чертовски. Живы будем – увидимся. А сейчас остается только ждать этого момента. Сейчас я нахожусь в пути... Вероятно, будем ехать через Самару. Посмотрю на нее хоть одним взглядом».

Писать Михаил старался каждый день. Иногда просто два слова – «жив, здоров». Из переписки с родными видно, как совсем юный Михаил Семенович был сильно привязан к маме и сестрам. Почти в каждом письме он интересуется жизнью своих маленьких племянниц – Валюшки и Аллочки. Последняя, когда выросла, собрала этот архив, который хранит как главную святыню семьи и память о фронтовике.

1943 год (из письма племяннице Вале):

«Здравствуй, моя славная, милая девочка Валюша! Большой тебе привет. Спасибо, что пишешь на фронт своему дяде Мише. Молодец, я очень доволен, что ты так хорошо научилась писать. Немного осталось ждать, мы скоро вернемся домой. А сейчас каждый час, каждую минуту приближаем час разгрома фашистского зверя, хорошо его угощаем гостинцами – снарядами. Вот встань на табуретку и подними ручку вверх – вот такие снарядики получают они. Как перебьем всех фашистов, я вернусь домой».

Фронтовые письма семьи Зубановых были короткими, редко – длинными, всего лишь на полстранички или страницу ученической тетради, но слова эти

жгли сердце. На фронте некогда читать и писать длинные пространственные письма, «очень время ограничено» (из письма 14.09.1945). Михаил Семенович, отправляя весточку домой, находясь в страшных условиях войны, стремился в своем письме успокоить, подбодрить, поддержать родных. В каждой строчке его писем видна любовь к своим родным, близким людям, к матери, к родному дому, где вырос, к Родине, которая находится в опасности и ждет Победы над врагом. «...Я думаю – моя мамаша не должна иметь горя из-за того, что я на войне. Я знаю – ты ждешь, переживаешь, каждую минуту охает – но горя здесь нет. Ведь я на войне. Не за что-нибудь, а за тебя, за то, чтоб над тобой, и вообще над русскими, не издевались так, как я видел в оккупационных местностях. Буду жив – приеду, тогда расскажу. Об этом очень трудно писать» (из письма от 22 марта 1945 года).

Читая и анализируя письма фронтовика, я заметила, что они передают эмоциональное отношение к войне («Еду на фронт. Желаю Вам счастья и жизни», «Что ждет сказать очень трудно. Но ждет одно великое дело нашего народа. За что не жаль и умереть», «А о нас!? О нас человечество никогда не забудет», «Жизнь – борьба за свободу, а всякая борьба требует жертв», «...чтобы ты не чувствовала за мной задолженности, пишу сейчас, пока идет редкая перестрелка»), веру в Победу (из письма матери: «Скоро им конец. До Берлина 80 километров. Теперь уже недолго и недалеко. Скоро будем возвращаться домой», «Я жив и здоров!», «Наша жизнь будет веселой и счастливой, потому что я люблю тебя. Помню все твои заботы обо мне...помню все трудности и это только увеличивает любовь к тебе, моя дорогая мама!», «Мы приедем к тебе с победой!»), также присутствует мотив ожидания писем («Дорогие мои, пишите чаще и больше. Я жду ваших писем. Жду изо дня на день. Будьте же настолько великодушны и пишите, пишите без устали», «Я просил тебя, чтобы ты лучшую фотокарточку послала», «Обязательно. Как только получишь это письмо, сядь и напиши... очень скучаю по вас», «Пиши. Жду», «Пиши ответ», «Быстрее пишите», «Пишите без счета времени, мое терпеливое ожидание должно увенчаться радостью»), письма пронизаны надеждой на возвращение, полны веры в жизнь («Я должен жить и вернуться к вам снова», «Всегда и всюду думай обо мне, думай только об одном, что я жив и скоро увидимся, даже тогда, когда уже все будут говорить о том, что нет в живых! Не верь этому! И твердо верь, что я жив и скоро приеду. И я вернусь лишь потому, что ты умела ждать!», «О, сколько радости и сколько давно думанных разговоров пройдет в эту счастливую встречу»).

На фронте Михаил Семенович Зубанов несколько раз был ранен, но снова и снова возвращался в строй. За взятие Кенигсберга награжден орденом Отечественной войны I степени, за форсирование реки Одер – орденом Отечественной войны II степени.

1943. Московская область, Коломенское.

«Моя дорогая Мама, здравствуй! Здравствуйте, мои дорогие! Вы, наверное, не верите, что я пишу. У меня болит правая рука. Карябаю левой. Но скоро заживет... Верю тебе, дорогая мама, что тебе тяжело, трудно. Но еще немного осталось, скоро я буду около тебя. Наша жизнь будет веселой и счастливой, по-

тому что я люблю тебя. Помню все твои заботы обо мне. Если б ты могла представить, как душа соскучилась по материнской ласке. Давно уже (прошел еще один год) я тебя не видел. А сейчас кругом война, и ты далеко. Но, когда особенно трудно, я вспоминаю о тебе. Жду с нетерпением весточек. Целую крепко-крепко. Твой сын».

Особенно ценными, на мой взгляд, представляются два последних письма, написанных матери 16 марта и 22 марта 1945 года из Германии. Невозможно без слез читать финальные строки письма: «Жив. Здоров. Получил от вас письмо. Но писать некогда, не взыщите»; «Буду жив – приеду, тогда расскажу».

Он не приехал. Не рассказал...

Война близилась к завершению. Михаил Семенович дошел до Германии и находился в нескольких десятках километров от Берлина, но 25 апреля 1945 года письма от него приходиться перестали. Как расскажет потом адъютант Зубанова, на одном из его орденов остался скол от куска снаряда, попавшего в грудь. Документы, которые он носил при себе, были прострелены насквозь. Продолжая вести огонь, автоматной очередью товарищ Зубанов был смертельно ранен. Ему было всего 20 лет.

Михаил Зубанов погиб 25 апреля 1945-го. Похоронен на центральной площади города Липпена в Германии.

Похоронку мать солдата Анна Михайловна получила уже после Дня Победы. Все радовались, что закончилась война, а она закрыла окно одеялом и плакала от большого горя. До конца жизни женщина так и не поверила, что сын погиб. Не могла осознать, что он долгие годы покоится в Германии, поэтому ждала его каждый день до самой своей смерти.

Письмо от мамы Анны Михайловны Зубановой дочери:

«Здравствуйте, мои дорогие. Давненько собиралась вам написать, но никак не могла – рука моя отказывалась держать ручку, голова не могла сообразить, что писать. Но собрала последние свои силы и начала писать. Я знаю, что ты ждешь, моя родная. Как мы себя ни убеждали, что наш любимый сокол жив, но это напрасные наши мечты. Мы получили его награды – героя два ордена первой и второй степени Отечественной войны. Вот это всему заключение, что нет моего дитя. 25 июля получила награды, и тут уже все – больше нам его ждать нечего. Он честно погиб за родину, занесен в Книгу Почета. Больше мы его не увидим. Такое мое «счастье». Так в этом горе теперь и закончится моя жизнь».

Это было особое время, и письма были особенные. Письма без срока давности. 50 писем – 50 страниц живой памяти, настоящей правды о Великой Отечественной войне. Я благодарна семье Зубановых-Демощенко за сохраненный уникальный архив военного времени, за то, что мы, молодое поколение, можем гордиться подвигами русских солдат, брать с них пример, читать настоящие письма с фронта, по ним восстанавливать историю нашей страны, отечественную культуру, сохранять ее в памяти, чтить и помнить.

Подвигу предков посвящается

Расскажу сначала о своем прадедушке Груздеве Иване Степановиче.

Он родился 30 ноября 1911 года в небольшом селе Чердаки Тонкинского района Горьковской области. Деревенская жизнь заложила основы характера прадедушки: трудолюбие, скромность и любовь к родной земле.

Жизнь шла своим чередом. Прадедушка работал в колхозе. Вместе с женой Евгенией Ивановной они вели домашнее хозяйство и воспитывали детей. Но эту размеренную сельскую жизнь нарушила весть о начале войны. Мужчин начали призывать в армию. В сентябре 1941 года Иван Степанович отправился копать окопы под городом Лукоянов для создания Горьковского оборонительного рубежа. Здесь проводились масштабные работы по строительству надежной линии обороны, чтобы предотвратить возможное наступление немецких войск вглубь страны.

В декабре 1941 года Ивана Степановича отправили на фронт в саперные войска под Москву, определив в 282-й отдельный саперный батальон. Боевой путь этого батальона лежал через Ржев. Ржевско-Вяземская операция, проходившая в 1942 – 1943 годах, была одной из самых кровопролитных операций Великой Отечественной войны.

Саперные подразделения играли важную роль в обеспечении инженерной поддержки наступательных и оборонительных действий советских войск. Саперы занимались строительством и восстановлением дорог, мостов, укреплений, прокладкой коммуникаций и обезвреживанием минных полей. Работа была крайне опасной и требовала героизма и самоотверженности.

Мой прадедушка с горечью вспоминал те события. Он рассказывал, как привезли их подо Ржев. Бойцов было много. И совсем молоденькие, и постарше. Немцы уже серьезно там окопались, заняли высоту. И их, еще «необстрелянных» солдат, раз за разом бросали в бой. Прадедушка рассказывал своей внучке Ольге, моей маме: «Вот звучит приказ "Наступать!" Мы, молодые солдатики, вставали из окопов и бежали в сторону врага с криками "Ура, за Родину!". И вдруг... автоматная очередь. И все лежат. Трупов было очень много. Когда шли в бой, ныряли под эти трупы, так и спасались».

А в декабре 1942 года, когда Иван Степанович ходил в разведку, его ранило в правое плечо. Тогда прадедушка получил свою первую награду – медаль «За боевые заслуги». В приказе от 16 августа 1943 года о награждении есть такие строки: «...наградить сапера 282 отдельного саперного батальона красноармейца Груздева Ивана Степановича за то, что он, действуя в разведке в ночь с 3 на 4 декабря 1942 года, внимательно проверил путь движения нашей разведки к немецким траншеям и обеспечил безопасность продвижения. Будучи раненым, не отклонился от выполнения задачи и отошел после выполнения таковой с разрешения командира».

Несмотря на все тяжести и лишения, выпавшие на долю моего прадедушки в годы Великой Отечественной войны, в его памяти сохранялись и светлые воспоминания, которые согревали его душу долгие годы.

Он любил рассказывать о простых вещах, которые помогали выживать в суровых полевых условиях. Например, прадедушка часто вспоминал, как солдаты делились последней щепоткой махорки, как шутили и подбадривали друг друга в минуты отдыха, как они друг другу читали письма из дома и искренне верили, что скоро окажутся рядом со своими родными.

Иногда он, тоскуя по своим боевым товарищам, затягивал свою любимую песню о военных дорогах:

Эх, дороги...
Пыль да туман,
Холода, тревоги
Да степной бурьян.
Снег ли, ветер
Вспомним, друзья,
Нам дороги эти
Позабыть нельзя...

В этот момент он очень преображался: улыбчивое доброе лицо становилось угрюмым и сосредоточенным. Казалось, что он сейчас не здесь со своими родными, а там, в далеком 45-м, вместе со своими товарищами в недолгие минуты тишины сидит у костра и запекает эту песню.

Девять месяцев мой прадедушка Иван Степанович пролежал в госпитале, прежде чем снова вернулся в ряды Красной армии. Только теперь был признан годным к нестроевой службе в запасе. Его назначили начальником подсобного хозяйства 62-й армии. На этой службе прадедушка отличился своими организаторскими способностями, заслужил авторитет и уважение товарищей.

К этому времени прадедушка овдовел. Окончание войны он встретил в Польше. Здесь Иван Степанович познакомился со своей будущей второй женой, которая стала матерью Ивана, Татьяны, Федора и Полуэкта – осиротевших детей моего прадеда.

Узница концлагеря «Нойенгамме», моя прабабушка Груздева Мария Петровна, испытала, будучи 16-летней девушкой, все ужасы лагеря смерти, в котором она пробыла с 1942 по 1945 г. Ни унижения, ни страх смерти, ни тяжелейшие условия содержания не вытеснили из ее души доброту, сочувствие, стойкость и огромное желание жить... Прабабушка стала самым близким человеком моему прадедушке и любящей матерью его детям!

13 декабря 1945 года прадедушка Иван был демобилизован из Польши. Вместе с Марией они вернулись на ее родину в Ворошиловградскую область. Жизнь там оказалась очень тяжелой: кругом была разруха. Поэтому решили переехать на родину прадедушки в деревню Чердаки, где и прожили всю оставшуюся жизнь. У них родилось семеро детей, каждый из которых был одарен заботой и вниманием.

Иван Степанович не растерял свою организаторскую хватку и принялся восстанавливать колхозное хозяйство. С 1946 года он работал заместителем председателя колхоза «Новый путь», а в 1951 году становится председателем. В 1976 году выходит на пенсию по старости и занимается своим хозяйством. Прадедущка всегда пользовался уважением земляков. Военное прошлое придавало ему твердость характера, железную волю и способность переносить любые невзгоды. Несмотря на трудности послевоенного времени, мои предки сумели создать теплый и уютный дом, где всегда царили любовь и поддержка.

В 1985 году еще одна награда нашла своего героя. Груздев Иван Степанович был награжден Орденом Отечественной войны II степени.

В 1999 году моего прадедущки Ивана не стало, но память о нем в нашей семье живет: и мне с раннего детства, и моему младшему брату Максиму мама рассказывает о судьбе и о военном прошлом нашего прадеда.

Не менее интересна жизнь и военная биография моего прапрадеда по отцовской линии Молотова Николая Васильевича.

Родился он 10 декабря 1899 года в селе Варнавино. Отец его был капитаном речного парохода, а мать домохозяйкой. В семье росли три сына и три дочери. Всем детям родители смогли дать образование. Николай Васильевич окончил Арзамасскую учительскую семинарию и получил специальность учителя начальных классов. В 1924 году его направили в село Тонкино, где он со всей своей энергией взялся за любимое дело обучения детей.

С гордостью могу сказать, что мой прапрадедущка Николай Васильевич стоял у истоков образования Тонкинского района. Прапрадед сначала преподавал в начальных классах, а затем работал завучем и директором школы. Его жена Молотова Мария Ивановна, моя прапрабабушка, тоже была учителем.

В семье Молотовых царили любовь, уважение и радость от детишек, которых растили. Но началась война...

Николай Васильевич пошел воевать добровольцем. Он был направлен на Ленинградский фронт, участвовал в обороне Ленинграда. Служил в тяжелой артиллерии вычислителем точной стрельбы из пушек. Однажды глубокой ночью прапрадед и его товарищи выполняли задание по снабжению боевой части снарядами. Ехали без включенных фар, стараясь не привлекать внимания. Но плохая дорога заставила включить фары. Показались вражеские истребители. Машина была замечена, и началась бомбежка. Николай Васильевич чудом остался жив, но получил тяжелое ранение и был отправлен в госпиталь. Едва успев выздороветь, он вновь отправился на фронт. В одном из боев, освобождая Польшу, был вновь тяжело ранен под городом Краков. Его, чуть живого, подобрали поляки и доставили в советский госпиталь. Долгожданный День Победы Николай Васильевич встречал на больничной койке, но это несколько не омрачило великой радости человека, рисковавшего жизнью ради этого светлого праздника. В родные края он вернулся в июне 1945 года.

Поправившись, Николай Васильевич снова возвратился в родную школу и полностью отдал себя любимому делу. Не стало Николая Васильевича в 1971 году, но память о нем продолжает бережно храниться в нашей семье: это фотографии, его любимый инструмент – балалайка, медали, наградные документы и

фронтная открытка, которую прапрадедущка отправил с фронта в далеком 1943-м году.

Впервые увидев эту старую почтовую открытку, я сильно разволновалась, осознавая, что в руках держу послание из далекого прошлого. На ней, слегка пожелтевшей от времени, написаны неровные строки, едва различимые буквы, торопливо выведенные красным карандашом. Особо трогательные слова адресованы сыну Роберту: «Не забывай, сынка, меня. Скоро мы с тобой увидимся и будем весело и радостно жить. Твой папа. 24.11.43 г.». Эти простые, но очень чувственные слова пробирают до мурашек. Впереди еще два года войны, но мой прапрадедущка не только сам верит в скорую победу и счастливую жизнь после войны, но и поддерживает эту уверенность в своих родных.

Оба мои прадеда были простыми, но героическими солдатами той войны.

*Пахомов Георгий Владимирович
Рук. – Глотова Валентина Петровна
Белгородская область*

Кто они – подлинные герои нашего времени?

Я родился и вырос в небольшом селе Польшниково. С двух сторон к нему подступает лес, с двух сторон – пологие склоны, поросшие степными травами. С районным центром, где я учусь, село связывает современная асфальтированная дорога, она легко въезжает с пригорка на пригорок и упирается в улицу, на которой стоит мой дом, а через пять дворов не менее родная мне усадьба дедушки и бабушки – Александра Романовича и Антонины Георгиевны Польшниковых. Они многодетные родители: вырастили четверых сыновей и дочку – мою маму.

В доме, во дворе, в саду деда и бабушки всегда было шумно и весело. Несмотря на то, что дети давно живут самостоятельно и у каждого появилась своя семья, они никогда не забывают дорогу к отчому дому. То приезжают по очереди, то собираются все вместе поздравить родителей с праздниками. Так было до начала специальной военной операции, потом все резко изменилось.

Перед тем как написать о моих близких, находящихся сейчас на полях сражений, не могу не вспомнить о моем прадеде. Козко Георгий Иванович, человек, в честь которого меня называли, был участником Великой Отечественной войны. Я не помню, да и не могу его помнить, он умер задолго до моего рождения, и о нем я знаю только со слов моих мамы и бабушки. Георгий Иванович ушел на фронт совсем молодым, в восемнадцать лет. Перед этим, окончив трехмесячные курсы связистов, должен был получить звание лейтенанта, но не получил. Обучающий их командир сказал: «У вас все впереди – и награды, и звания, и победа!» Победу красноармеец Козко встретил в госпитале. В одном из боев мой прадед был очень тяжело ранен в ногу, долго лечился, ногу сохранили, но хромота осталась на всю жизнь, что было очень тяжело для подвижной, энергичной натуры Георгия Ивановича. Ведь, по его словам, он был очень «бедовым». Хочется сказать прадеду, что «бедовость» его мы, внуки и правнуки, не испортили, сохранили и умножили в лучшем смысле этого слова. Давно нет в живых и прадеда, и прабабушки, но память о них живет в наших сердцах,

в сердцах их потомков. И пока живы мы – мы будем помнить их, передадим воспоминания своим детям. Это и будет означать бессмертие их простого подвига. Они достойно жили, работали на своей земле, выполняли свой долг перед Родиной, не склонили головы перед трудностями, бедами и невзгодами. Наши родители всегда ставят их нам в пример, чтобы свое поведение и поступки мы равняли по ним: «А что сказал бы дедушка?».

И вот сегодня время подвергает нас новым и новым испытаниям. Наши мужественные солдаты и офицеры в зоне специальной военной операции проявляют себя как настоящие патриоты страны, достойно продолжают дело наших дедов и прадедов.

Специальная военная операция, как и Великая Отечественная война, явила примеры беззаветного мужества, отваги, силы и стойкости. Она же сполна отметила наш народ болью, горем, разлукой, смертью. Все это испытала на себе наша большая семья.

У моей мамы четыре брата, мои любимые дядьки: Алексей, Дмитрий, Александр и Иван – все как на подбор под два метра ростом, косая сажень в плечах, голубоглазые, русоволосые. И мой брат Саша, офицер, под стать им. Они всегда по-своему воспитывали меня, были примером, иногда доводили до слез розыгрышами. А я хотел и хочу быть таким, как они: смелым, упорным, ответственным. Не всегда получается, но я смогу.

Брат первым попал на СВО. После 8 класса Саша три года учился в Белгородском инженерно-юношеском лицее. После 11 класса Александр подал документы сразу в несколько вузов и везде удачно: поступил на бюджет в БелГУ на фармацевтический факультет, в БГТУ, в Воронежский государственный университет инженерных технологий и на военную кафедру в Воронежский госуниверситет. Выбрал военную кафедру. Из вуза Похомов Александр вышел лейтенантом и по распределению уехал в поселок Сергеевка Приморского края. Контракт у него был на три года. В октябре 2022 года контракт истекал, но уже в марте кадрового военного, артиллериста, призвали на СВО.

Осенью этого же года повестка пришла младшему дяде Польшникову Ивану. Ваня у нас богатырь, самый спокойный, уравновешенный. Это и в школе все отмечали, и дома. В 11 классе случайно попал в 17-й инженерный юношеский лицей Белгорода – помогал перевозить вещи учебному заведению, которое как раз тогда переезжало, да так и остался там. По окончании лицея поступил в Белгородский госуниверситет, из стен которого вышел учителем физкультуры. Да еще и получил звание мастера спорта по армрестлингу. Армию Иван прошел с честью, да не где-нибудь, а в 154-м отдельном комендантском Преображенском полку, в роте почетного караула. Гордимся!

В сентябре 2022 года Ивану пришла повестка, он ждал ее и был внутренне готов. Уходил на СВО дядя сержантом, а уже в феврале получил звание лейтенанта – его командир ходатайствовал лично. Сейчас командует ротой. Награжден двумя медалями: «За воинскую доблесть» и «За отвагу».

Вторым получил повестку Польшников Александр Александрович. Значимым эпизодом в жизни дяди Александра явилась служба в армии – в роте Почетного караула. Это для него было очень важно – служба в Москве, рядом –

лучшие ребята со всей России. Он служил в 154-м отдельном комендантском Преображенском полку. Туда берут людей славянской внешности, определенного роста, телосложения, естественно, с безупречной биографией. Его младший брат Ваня, спустя время, нес службу там же. Александр был примерным солдатом, имел поощрения. Отслужив в армии, выбрал учебу в Военном учебно-научном центре Военно-воздушных сил Военно-воздушной академии имени профессора Н.Е. Жуковского и Ю.А. Гагарина. Получив диплом, остался в академии и десять лет проработал преподавателем – учил новобранцев вуза строевой подготовке. Затем был руководителем отдела по сохранению, использованию, популяризации и охране объектов историко-культурного наследия в Центре военно-патриотического воспитания «Музея-диорамы».

В октябре 2022 года на СВО призвали дядю Сашу. Позвонил домой родителям и сообщил, что отправляется служить. Но родные считают, что, скорее всего, сын пошел добровольцем. Бабушка всегда говорит, что он скрытный по характеру, сдержанный очень. Но тут Саша сказал: если племянник воюет, если брата забрали, не может он остаться в стороне. Как стало известно позже, Александра сразу назначили командиром взвода, он отвечал за подвоз продуктов, за питание бойцов. За усердие и отличие по службе награжден медалью «Участник специальной военной операции». Случился у бойца и короткий отпуск – в феврале 2023 года приезжал на побывку на две недели.

Алексей, старший из братьев, старший сын, старший дядя, большак. Рассудительный, никогда ничего не сделает, не проанализировав все до мелочей. Его слово веское, мы к нему прислушиваемся. После средней школы, которую закончил в Красном, Алексей поступил в Острогожский многопрофильный техникум Воронежской области, выбрав профессию ветеринарного фельдшера. Любовь к животным, пример отца, который работал ветфельдшером и понимал природу братьев наших меньших, определили выбор. И даже в армии потом Алексею довелось служить по призванию – кинологом. Позже, работая охранником, не расставался со служебной собакой, утверждая, что надежнее помощника не найти. С 2022 года он несет службу в зоне специальной военной операции. Дядя – старшина роты, в его распоряжении склад военного обмундирования. Но, кроме того что на нем лежит обязанность всех одеть и обуть, боец теробороны еще и за солдатами следит: требует, чтобы соблюдали гигиену, чтобы окопы правильно рыли. Он строгий, ответственный. По-другому нельзя: от военной дисциплины зависит жизнь солдат.

Еще один мой дядя – Дмитрий. Сейчас ему 43 года. Он, как и старший брат, в теробороне с конца 2022 года, командир взвода, учит бойцов стрелять на полигоне. Дима второй по старшинству после Алексея. Такой же рослый, плечистый богатырь, но совершенно другой по характеру: решительный, быстрый, радостный выдумщик, любимый всеми племянниками, мне кажется, у него все получается легко и просто. Когда все мы собирались у бабушки с дедушкой, он попевал везде: костер, шашлык, стол под яблоней, заставить всех смеяться над каким-нибудь казусом – это Димка.

С 26 ноября 2023 года радость ушла из нашей семьи. В этот день не стало моего брата: возвращаясь в семь часов вечера с линии боевого соприкосновения

севернее населенного пункта Володино Волновахского района Донецкой области, он погиб.

Рассказав о своих родных, я ответил на вопрос, поставленный в заглавие. Настоящие герои – это те, кто живет интересами Родины, находится там, где труднее, где ты нужен людям.

У меня есть герой

На дворе 2025 год. Очень непростое время, в которое нам выпало жить. Оно словно проверяет на прочность наш народ и в первую очередь тех, кому приходится защищать интересы государства, сражаясь с украинскими нацистами. Время подвергает нас новым и новым испытаниям.

Сегодня российские солдаты и офицеры в зоне специальной военной операции проявляют себя как настоящие патриоты страны, достойно продолжают дело наших дедов и прадедов. Каждый из них мужественно защищает страну, обеспечивая безопасность нашей Родины. К сожалению, в сражениях есть потери. Военные действия – события, наполненные горем.

Специальная военная операция, как и Великая Отечественная война, показала примеры беззаветного мужества, отваги, силы и стойкости. Она же сполна оделила народ болью, горем, разлукой, смертью. Все это испытала на себе наша большая семья. Мои прадеды воевали против фашистов в 1941-1945 годах; старший брат, Пахомов Александр Владимирович, был участником СВО.

Саша старше меня на 12 лет. Плохо помню Сашу-подростка, потому что после восьмого класса он учился в Белгородском инженерно-юношеском лицее. Приезжая на выходные, он с такой нежностью относился ко мне, носил меня на руках, катал на велосипеде, брал с собой в лес за грибами и ягодами, грозился «дать по шее» за мои проделки. Я был с ним везде: в компании его друзей, в поле, на пруду. Мы срывали камыши-пыжики и делали из них «метель», ели дикий лук, ловили местную живность – ящериц, лягушек и пауков-тарантулов. Каждое лето, когда брат приезжал на каникулы, мы находили время и все вместе пересматривали фильмы, полюбившиеся нашей семье. Особенно Саше нравились старые комедии.

Я так гордился своим старшим братом, так его любил, ведь общались мы нечасто. Ходил за ним «хвостиком», с радостью выполнял любое поручение. Мне очень нравилось вместе с Сашей пропалывать огород, готовить, убирать в доме. И, наверное, я больше мешал, чем помогал, но брат всегда меня хвалил и с серьезным видом поручал мне «большие» дела. При этом он всегда рассказывал что-нибудь интересное. Саша всегда приезжал с подарками: именно от него я получил свои первые наушники, ноутбук, квадрокоптер. Я просто обожал брата и всегда ждал его приезда из лицея, университета, с Дальнего Востока, а позже и из зоны проведения специальной военной операции. Конечно же, не из-за подарков, мы понимали друг друга без слов, чувствовали настроение друг друга, ведь я повзрослел, и разница в возрасте нам не мешала общаться, делиться сокровенным. Саша был добрым и умным. У него осталось много друзей, которые говорят о нем с теплом и уважением. С ним было интересно поговорить: он много читал, знал историю государства, умел слушать. Брат всегда и

езде хорошо учился. Он рано стал самостоятельным: в четырнадцать лет поступил в лицей, а потом в Учебный военный центр при Воронежском государственном университете. Саша учился на артиллериста. Он мало рассказывал о своей учебе, потом службе, но всегда интересовался моей жизнью.

По окончании университета брат принял воинскую присягу и получил звание лейтенанта. Для прохождения службы выбрал Дальний Восток. Через три года ему присвоили звание старшего лейтенанта.

6 марта 2022 года Пахомов Александр совместно со своими товарищами по службе стал участником специальной военной операции. Только после его смерти я узнал, что он был начальником разведки штаба гаубичного самоходно-артиллерийского дивизиона войсковой части № 25573, был старшим лейтенантом, а незадолго до трагедии начальник поздравил его с внеочередным присвоением звания капитана. У Саши удостоверение «Ветерана боевых действий», он отмечен благодарностью Верховного главнокомандующего Вооруженными Силами Российской Федерации в августе 2022 года, медалью «За Отвагу» в апреле 2023 года, медалью «За храбрость» II степени в октябре 2023 года. Орден Мужества ему вручен посмертно. Эти награды подтверждают: Саша настоящий воин, умелый командир.

Брат погиб, защищая правое дело. Мой Сашка, такой родной, жизнерадостный, добрый, сильный и любимый. Не хочу в это верить! Не хочу говорить о нем в прошедшем времени! Он сознательно выбрал военное дело, был офицером, почти с первых дней СВО был там, куда направила Родина, там, где трудно и опасно. Он выполнял мужскую работу, а мы верили, что все будет хорошо, что Саша вернется домой, но беда пришла в нашу большую семью как всегда неожиданно. Заметно сдали дед с бабой, почернела и перестала улыбаться моя ласковая мама, стал меньше ростом отец: в доме поселилось горе. Разумом понимаю: был военный, офицер. Его место на передовой, а сердце рвется на части, душа болит от осознания того, что никогда его не увижу больше. Не обнимем мы по-братски, не скажет мне: «Крепись, Егор!».

Многие люди, знавшие Сашу, приходили в наш дом: его друзья, с которыми он учился в школе, лицее и университете. Все они говорили о нем как о добром человеке, всегда готовом прийти на помощь. Я и сам знаю, что брат у меня был мировой, но чувство потери от этого никуда не девается. Знаю, что мой брат – не единственный погибший на поле брани воин, знаю также, что он не зря отдал свою жизнь ради будущего мира. Теперь все говорят, что он – Герой! И память о нем не должна забываться. В нашей школе открыта парта Героя, посвященная Пахомову Александру Владимировичу, и мне выпала честь первому посидеть за ней. Я всегда буду гордиться братом, равняться на него и брать с него пример. Своего будущего ребенка я назову в его честь.

Белореченская улица моя...

Давно это было. Так давно, что в станице, почитай, уж мало кто и знает, когда. Воровсколесская тогда только-только начало свое брала. Переселенные казачки службу несли исправно, обживались на новом месте. Женского полу в станице еще и в помине не было. Оттого казаку приходилось самому выполнять всякую работу. Как в пословице казачьей говорится: «И один в поле воин, коли по-казачьи скроен». Казак и службу нес, и с ворогом бился, и курень построить мог, и хозяйствовал помаленьку.

Бывало, за день так умается, наработается, что уж и белый свет не мил становится. А посидит вечером у костра со товарищами, кулеша из общего котелка отведаст да песню споет задушевную – отогреется сердце казачье, и усталость куда-нибудь денется.

...На заре это дело случилось. Как-то раз к стене крепостной прибилась корова горская. Каким чудом она тут оказалась, никто не ведает. А казачок наш в то утро на посту стоял. Он с вышки на коровку глядит, удивляется. А она жильё почуявши, мычит, в загон просится. И как сдал казачок пост ответственный, за ограду пошел он к буренушке. А она и рада, сердешная: видать, в нем хозяйна учуяла.

Так первая коровка-кормилица в Воровсколесской и появилась. Казачки ее балуют, сенцом, травушкой потчуют. А она молочком парным угощает их. Казачок тот, что первым ее повстречал, пуще других к буренке привязался. Люба, дорога казаку стала коровушка. Уж и холит ее он, и пестует, покормить получше старается. Стал водить скотинку он в ближний лес пастись. Там трава выше пояса и водица в ручье студеная. Там, в лесу и доить стал коровушку. Молочка она сразу прибавила.

Раз пошел наш казаченька на дойку вечернюю. Угостил свою любимицу сухариком, а она в ответ молока дала ведерушко полное. Только казак уходить собрался, глядь, на другом берегу лесного ручья девица стоит. И подумал казак сперва, что ему померещилось. Нет, не чудится, стоит девица, улыбается. Косы длинные – ниже пояса, а глазища – озера зеленые. Подняла она руку правую и легонько так манит ей, приглашает казачка на свой берег. А казак стоит замороженный. Диву дивится, удивляется. Да откуда ж здесь девке взяться-то? На сто верст вокруг полу женского отродясь не бывало тут.

И смекнул казак, что не девица перед ним стоит, ухмыляется, а видение. Видать, нимфа лесная тешится. Схватил он шашку вострую и ручей хотел перепрыгивать. Да цибарку с молоком сапогом и зацепил. Глядь, а нифмы уж и след простыл, молоко только в ручей проливается. Был ручей чист, как слеза хрустальная, а теперь помутнел, в белый цвет окрасился. И с тех пор много лет прошло. Казака уж нет и коровушки, и станица вдаль и вширь расстроилась, а ручей до сих пор мутный так и есть. А где в речку он превращается, то еще мутнее становится. Кто зовет его речкой Белою, кто Мутнянкою прозывает. А та улица, что в станице теперь вдоль ручья стоит, Белореченской называется.

Так ли было все, что здесь сказано, теперь вряд ли кто ведает. Только воды мутные хорошо рассмотреть с моста Белого можно. И станицу, и улицу, мост с горой Слюсьбой соединяет. А построил тот мосток над Мутнянкою в 1880 году крестьянин Прокофий Котов, за что получил от казачьего общества 22 рубля серебром. Добротный мост получился. Говорят, под ним запряженные таратайки раньше проезжали. Но со временем мосток в землю врос. Видно, речка илу много с окрестных гор за два с лишним века нанесла. Стал мосток низковатым, однако и по сей день исправно свое дело делает. Выдерживает, когда по нему не только пешеходы идут, но и большегрузы да тракторы едут.

А еще на Белореченской в 1902 году датчанин Ганзен и эстонец Сиок открыли маслодельный завод. Не зря же в округе в незапамятные времена первая коровушка появилась. К началу двадцатого века буренки почитай в каждом дворе были. Вот и спешили местные хозяйки на маслозавод с молочком, где его сепарировали да сливки получали. Молока жители продавали заводу ежедневно от 12 до 20 пудов. А из пуда молока получалось 7-8 фунта масла. Вот и подспорье было хозяевам. Завод потом несколько раз реконструировался. В советское время на нем колхозное молочко перерабатывалось. Однако стоит на Белореченской он и по сей день. И не просто стоит, а функцию свою основную выполняет. Пусть и немного теперь коровушек в округе, а все же маслице станичное производится. Вкусное да ароматное, одним словом – Воровсколесское.

Вот так и получается, что старые предания переплетаются с современностью, заставляя невольно вспоминать прошлое, которое отражается в названиях и легендах. А из них и история станицы слагается.

**Пигольчук Евгения Олеговна
Рук. – Негода Юлия Станиславовна
Донецкая Народная Республика**

«Мой № 91691...»

*Система концлагерей была великим искажателем ценностей,
является историей бесчеловечных мутаций совести,
сделавших нормой насилие, пытки и убийства.*

*И эту историю продолжают писать, она будет жить,
как и жить память тех, кто был ее свидетелями, палачами и жертвами.*

Николаус Вахсман

Концлагерь... Освенцим, Бухенвальд, Собибор, Дахау... Страшно, горько, беспощадно... Они появлялись сразу же после прихода нацистов к власти, ярко отображая вид тоталитарного государства, являясь неотъемлемой частью его идеологической и организационной сущности, служа важным орудием власти.

В эти лагеря нацисты заключали всех, кто, по их мнению, был их противником. Они лишали свободы и прав любого человека, который подходил, с их точки зрения, под это определение. В лагерях царил режим террора, основанный на нечеловеческом отношении к заключенному, на садистской жестокости, при полном бесправии заключенного и подавлении его личности – абсолютном,

безграничном, без капли жалости, понимания, милосердия или сострадания к боли и горю человека.

Все это было и в первом лагере для женщин. Равенсбрюк по своим масштабам считался крупнейшим концлагерем нацистов для заключенных женского пола. За все время существования в нем содержалось около 130 000 заключенных. И это число, к сожалению, не окончательное, поскольку многие не были зарегистрированы, а часть документации уничтожена представителями СС. Также невозможно подсчитать количество погибших в Равенсбрюке. Называются страшные цифры: от 50 до 92 тысяч человек.

Расположен концентрационный лагерь на севере Германии, в 90 километрах от Берлина. Его название связано с деревней, находившейся рядом. Дословный перевод немецкого названия – «воронье городов». Сегодня эта территория относится к городу Фюрстенберг.

Концлагерь Равенсбрюк начал свое существование по решению Генриха Гиммлера в 1938 году. Работы по возведению проводили заключенные из других лагерей. До 1939 года в его застенках находилось уже 867 пленных женщин.

С 1940 года на территории лагеря стали появляться предприятия текстильного и кожевенного производства, электротехнический концерн «Сименс», военно-промышленные предприятия.

Концлагерь Равенсбрюк имел множество подлагерей, которые располагались в разных населенных пунктах.

Сначала на территории лагеря размещали представительниц Германии, которые своим поведением и образом жизни «позорили нацию». Среди заключенных активные борцы Сопротивления, представительницы секты Свидетели Иеговы и женщины, ведущие себя аморально.

За все время существования Равенсбрюк увидел представительниц многих национальностей (более 40). Среди них немки, полячки, цыганки, француженки, еврейки, бельгийки, румынки и другие. Были и советские граждане.

Согласно регистрационным спискам лагеря, в нем находилось более 132 тысяч женщин (включая детей), 20 000 мужчин.

Узницей Равенсбрюка была и жительница нашего микрорайона – Балюра Мария Сергеевна.

Родилась она 6 февраля 1921 года в городе Днепропетровске. Родители: мать – Балюра Анастасия Ермолаевна, отец – Балюра Сергей Тимофеевич.

В начале 1930-х гг. семья (к тому времени было уже шестеро детей) переехала в г. Сталино (сегодня – Донецк). Жили очень бедно, но дружно. Подрастающая Маня (так звали девочку дома) была обычным ребенком: радовалась каждому новому дню, прилежно училась в школе, помогала маме по хозяйству, играла с младшими братишками и сестренкой...

После окончания школы поступила в техникум, освоила профессию секретаря-машинистки. Начался трудовой путь Балюры Марии Сергеевны...

Все изменилось 22 июня 1941... День, который разделил жизнь очень многих людей, в том числе и Марии, на «до» и «после». Войну она встретила в

городе Сталино, который с 20 октября 1941 года был оккупирован немцами. Необходимо было научиться жить в новых условиях...

Александра, старшая сестра Марии, осталась одна с тремя маленькими детьми. Начался голод. Опухшие от постоянного недоедания ребятишки были на грани смерти. Мария принимает очень смелое решение: идти в Гуляйполе Запорожской области. Там жили знакомые, пообещали приютить, помочь... Мария помогает Александре перебраться туда с детишками. Дорога заняла целую неделю, почти все время шли пешком с малышами на руках. К счастью, добрались до места. Но и там несладко: голод, нищета... Война... В течение 1941 – 1942 годов Мария помогает семье – по полям собирает оставшиеся после сбора урожая зернышки, меняет одежду на еду. Если бы не она – не выжили бы дети...

Июнь 1942 года... Мария насильственно вывезена в Германию на принудительные работы. Было ей всего 21 год.

Началась самая страшная страница жизни Балюры Марии Сергеевны.

В Германии она сразу попала на станкостроительный завод в город Мойзельвиц, переоборудованный в военный комплекс.

Нацистские законы предусматривали суровые наказания для рабочих. Даже за незначительный проступок работника могли оштрафовать, избить или посадить в исправительно-трудовой лагерь. Более серьезные «преступления» (побег, кража, саботаж) карались заключением в концентрационном лагере.

В августе 1944 года Мария решилась на побег, пешком отправилась домой, но ее поймали и отправили в самое страшное место на земле – в концентрационный лагерь Равенсбрюк. 11 августа 1944 года – день, когда Мария Сергеевна попала в лагерь.

Сразу по прибытии в лагерь каждую женщину раздевали на улице догола, стригли налысо, забирали все личные вещи, отправляли в баню, после которой выдавали лагерную одежду, присваивали номер и распределяли по баракам. Все это было и с Марией. Каждый день она вставала вместе с другими заключенными в четыре часа утра, получала положенные ей полкружки кофейного суррогата и выстраивалась на улице в шеренгу для переключки, которая длилась 2-3 часа. Потом отправлялись на рабочие места. В течение 12-14 часов заключенные выполняли либо тяжелую работу на открытом воздухе, либо занимались сборкой деталей ракеты Фау-2 для Siemens. СС также построила недалеко от Равенсбрюка несколько заводов по производству текстильных изделий и электрических компонентов. Во время работы днем был предусмотрен полчасовой перерыв и обед в виде полулитра воды с картофельной шелухой или брюквой. Когда трудились ночью – перерыва не было. Вечерняя проверка была такой же, как и утренняя. После нее узницы получали 200 граммов хлеба из муки и опилок и тот же кофейный суррогат.

И так день за днем...

По воспоминаниям Марии Сергеевны, ежедневно, вследствие болезней, холода, голода, истязаний охраны и расстрелов, погибали около 50 человек. И это в обычные дни, когда не было массовых ликвидаций. Мария Сергеевна выстояла, прошла через мучительные унижения, чудом выжила в этом аду. Дели-

ла свой немудреный паек с такими же девчонками, угнанными из Советского Союза. Заботилась, насколько это было возможно в лагере, о детях, находившихся в заключении.

Датой освобождения заключенных Равенсбрюка считается 28.04.1945 г., когда силами 2-го Белорусского фронта узницы были спасены. Через пару дней Равенсбрюк (концентрационный лагерь), воспоминания о котором не исчезнут в веках, стал временным госпиталем.

Мария вернулась на Родину, в город Сталино. Началась мирная жизнь, жизнь после концлагеря...

17 мая 1946 года Мария Сергеевна устроилась работать на шахту № 31 на должность ответственной по выдаче продовольственных карточек. В течение трудовой деятельности была счетоводом-кассиром, бухгалтером, экономистом. За добросовестное отношение к своим служебным обязанностям неоднократно награждалась грамотами, благодарностями. В 1965 году, когда работала в Сталинском автобусном парке № 2 Сталинского облавтогостреста, она была занесена в Книгу Почета и на Доску Почета.

Много путешествовала; не имея семьи, никогда не была одинокой; дружила со многими людьми и помогала всем, кто ее окружал...

23 января 2007 года в возрасте 85 лет Мария Сергеевна Балюра умерла...

Данные воспоминания – небольшой промежуток времени из жизни военного поколения, которое выстояло, победило, дало жизнь нам. Они заставляют задуматься, что, несмотря на тяжелые лишения на чужбине, бывшие узники не стали жестокими, не потеряли веры в добро, человечность, стали еще больше ценить мирную жизнь на родной стороне. Это поколение, которое восстановило разрушенные нацистами города и села, построило новые промышленные предприятия, школы, учреждения культуры, больницы...

***Поликанова Ольга Евгеньевна
Калужская область***

Посвятила жизнь библиотечному делу

Работа библиотекаря не такая легкая, как может показаться на первый взгляд. И обладателем этой уникальной профессии сможет быть далеко не каждый. Надо самому любить книгу, уметь дать дельный совет читателю.

Мудрость обретаем в словах книжных. Это – реки, наполняющие вселенную, это источники мудрости, в книгах ведь неизмеримая глубина, ими мы в печали утешаемся. Эпиграфом к рассказу об этом человеке я подобрала такие стихи:

Вхожу я в храм, в котором не иконы
Со мной благоподобно говорят,
А книжные тома с времен исконных
Передо мною выстроились в ряд.

Когда говорят о служителях книжного мира, то издавна представляют людей устойчивого штампа: скромные, милые, бескорыстные... Возможно, работа библиотекаря не так заметна, как труд врача или учителя, и нельзя увидеть какой-то конечный результат их работы. Но все то влияние, которое оказывает на общество их деятельность, – неоценимо. И сегодня мне хочется рассказать о библиотекаре, который почти 40 лет посвятил свою жизнь служению книге и библиотеке.

Библиотека для А.П. Ухаботиной стала домом и любимым делом. Поэтому невозможно оставить без внимания заслуги Александры Павловны. Трудолюбие и широкая эрудиция позволили ей долгое время проработать на одном месте. Она овладела своей профессией в совершенстве. Работала всегда увлеченно, со знанием своей профессии.

Александра Павловна была способным, творческим специалистом, хорошо владеющим теорией и практикой библиотечного дела. Она сумела сделать библиотеку местом общения людей, настоящим очагом культуры.

Человек в высшей степени интеллигентный, всю жизнь томимый жаждой духовности, щедро сеявший доброе и вечное. Она была наделена светлой и яркой душой. К ней тянулись, ее обожали все, кто, как и она, был очарован поэзией, музыкой. У нее был редкий талант способствовать творчеству. Сколько местных поэтов писали свои стихи только потому, что их доброй рукой вела по жизни Александра Павловна. Она вдохновляла, окрыляла, заставляла расти. С ней было надежно и тепло.

Родом Александра Павловна из д. Федюково Износковского района. Родилась она 13 марта 1936 года. Воспоминания о детстве у нее были достаточно тяжелы.

Ей было пять лет, когда началась война и ужасные картины прошлого навсегда остались в ее памяти. Вот как она в своих стихах рассказала о том времени:

Деревенька России, деревня моя,
Очень часто с любовью вспоминаю тебя.
Помню, избы стояли вдоль дороги прямой,
Рощи, ветки раскинув, охраняли покой,

Ах, война, ты злодейка деревенской судьбы.
Ты ее погубила до единой избы.
Нам деревню родную не забыть никогда.
О ней память святую сохраним навсегда.

С 1956 года работала в сельском доме культуры Износковского района. Ну, дом – это громко сказано. Это была избушка с патефоном, столом и парой стульев. Даже гармошки не было. Но был молодой задор, было желание работать. А потом первые победы на смотрах самодеятельности.

Следующая страничка биографии Александры Павловны – это Юхнов. Приехала она сюда в 1963 году.

Городок России, до чего ж ты мил,
Ты своей красою всех заворожил.
Твой наряд роскошный душу греет нам.
Городок России, снишься по ночам.

С 1961 по 1967 годы она училась в Московском государственном институте культуры, была председателем правления Юхновской районной организации добровольного общества любителей книги.

Заведовала читальным залом, библиотекой, методическим отделом, а с 1986 года была директором централизованной библиотечной системы. Постоянно думала о том, как сделать работу библиотек интересной, а досуг читателей более разнообразным. В 1982 году организовала клуб любителей книги.

С 1985 года более десяти лет руководила Александра Павловна в Юхнове литературно-музыкальной гостиной. Точнее, была ее душой. Какие восхитительные вечера проводили, каждый из которых был событием! И не только районного значения. Не считаясь с личным временем, она разрабатывала сценарии вечеров, проводила репетиции. О каждом из участников гостиной говорила с любовью, и они ей платили тем же. Вот строки из стихотворения Ольги Щербаковой, написанного об Александре Павловне: «Светлой яркой душой Богом увенчана...». Александра Павловна и сама сочиняла стихи, как она сама говорила, от души, от избытка чувств.

Александра Павловна отстаивала само право на существование ЦБС в годы застоя и перестройки. Находила выход из самых, казалось бы, тупиковых ситуаций, и ни у кого ни разу не возникло сомнение в ее компетентности или профессионализме. Чего ей это стоило? Поступаться приходилось многим – семьей, личным временем... Но вот принималось решение – и Александра Павловна шла к цели, не останавливаясь на полпути. К ней прислушивались, шли навстречу, ее уважали, потому что знали – ее предложения обдуманы, а просьбы обоснованы. Любящая жизнь и людей, она всегда была впереди.

Ее ответственность, особый интерес к работе, ее увлеченность и созданная благодаря этому в библиотеке атмосфера порядка, уюта, доброжелательная обстановка всегда неизменно привлекали к ней людей. Особая деликатность, чувство такта позволили ей найти много друзей среди наших читателей.

Конечно, жизнь Александры Павловны не ограничивалась только работой. Она была замечательной хозяйкой, нежной, заботливой и беспокойной мамой, женой, любящей и любимой бабушкой.

За добросовестный труд ее не раз награждали почетными грамотами, ценными призами и юбилейными медалями. Добрая, отзывчивая, грамотная, человек неиссякаемой энергии – такой запомнили ее все.

Невозможно жить, не оглянувшись
На года, оставшиеся в прошлом.
Но такое уж стремление человека –
Вспоминать лишь только о хорошем:

О счастливых днях, о славных людях.
Память нам о них – бальзам на сердце.
Так и хочется, когда взгрустнется,
В прошлое открыть немного дверцу.

*Полторак Маргарита Юрьевна
Рук. – Ермашева Ирина Викторовна
Ростовская область*

Почему у Гриши руки дрожат

Большая и дружная семья Папченко жила на хуторе Самсоновка, спрятавшемся в балке среди донских степей. На пригорке – белая мазаная хата с соломенной крышей, несколько хозяйственных построек. Вниз, к балке, спускался сад, а за ним – огород. На самом краю огорода – копанка (вырытая яма, заполненная талой и дождевой водой для полива овощей). За огородом – огромный сенокос с душистыми травами.

Глава семейства Ефим работал в колхозе. Хлеб растил. Сыновей воспитывал в труде. Трое старших и в поле, и по хозяйству – первые помощники. А младшенький рядом с мамкой Федосьей все еще по дому управлялся да с ребятней по улице гонял.

Жили не тужили. А когда в семье появилась малышка Раечка, радости не было предела. Больше всех радовалась Федосья. Теперь под старость лет и для нее помощница вырастет, ведь с пятью мужиками одной нелегко справляться. Старший сын Павел уехал на учебу в город. Заботу о младших взяли на себя Гриша и Пантелей. Алексей и Раечка любили братьев. Добрыми они были, работающими.

Июньское лето 1941 года разрушило счастье семьи. Ефим обнял всех детей, поцеловал жену и ушел на фронт. Больше не суждено было вернуться ему в родные края. Следом ушел и Павел. Четырнадцатилетний Гриша остался за хозяина.

Фашисты все ближе подступали к Самсоновке. 12 июля 1942 года, в праздник Петра и Павла, хуторянам было велено явиться для получения зерна к колхозным амбарам. Люди стали собираться со всей округи. В основном женщины с детьми да старики. Пospешила туда и Федосья. С собой взяла младших ребятишек, а старшим сыновьями с утра дала наказ полить капусту и потом подойти на помощь, чтобы доставить мешки домой.

Гришаня с Паньком (так ласково звала их мать) уже заканчивали поливать грядки, как вдруг услышали в небе жуткий рев самолетов. На миг замерли. Немцы! Вот гады! Неужели к нам?

Раздался грохот... Там, в центре хутора, где вся округа... Враг не жалел бомб. Около полусотни взрывов прогремело, гул смешался с человеческими криками...

– Наши! Там же наши! Надо к ним! – кричал Пантелей. Братья кинулись бежать, но Гриша остановился:

– Нет, не сейчас. Под бомбы нельзя! Давай в сад спрячемся, пока фрицы улетят. Вдруг еще вернутся?

Дождавшись, когда самолеты скрылись, ребята поспешили к амбарам. Подходить близко взрослые не разрешали. Но Гришка увидел, что между амбарами была огромная воронка, а под амбаром сидела мама. Ее убило осколком в голову. Братик Леша с окровавленной рукой плакал, выглядывая из-за матери. А где же сестричка? Гриша искал ее глазами, не находил... Вдруг от увиденного у него затряслись руки – трехлетнюю Раечку разорвало на части и разбросало вокруг... Дрожью в руках на всю жизнь отпечаталась эта трагедия в сердце Григория. Селяне похоронили тогда 14 человек: женщин с детьми-подростками, деда Петра и дядьку Михаила.

Остались братья сиротами. Спасибо родне да людям добрым, не пропали. В мае 1944 года исполнилось Григорию семнадцать, призвали его в армию. Закончив курсы шоферов, служил он в тылу. Надо было восстанавливать страну: Сталинград, Белгород, Могилев... Семь лет продолжалась служба. Он гордился, что советские города расцветают благодаря частичке и его труда.

Вернулся в родной хутор солдат в 1951 году. У старшего и среднего братьев уже семьи. Младший уехал учиться. Пожил Гриша немного у одинокой тетки. Она подсказала, что в школу к ним приехала молоденькая учительница. Увидел Григорий красавицу казачку Наталью и решил, что никуда от нее теперь не уйдет. Поженились. Дочь, сына родили. Дом построили. Работал Григорий Ефимович многие годы шофером в колхозе, а потом кочегаром. Наталья Васильевна была любимым учителем селян. Внуков дождались. Брал их дед на руки, подбрасывал высоко и крепко прижимал к себе.

– А почему у тебя руки дрожат, дедушка? – спрашивали внуки.

Дед Гриша замолкал на мгновение, незаметно вытирал с щеки скупые слезы и, тяжело вздыхая, отвечал:

– Это все война...

*Прокопенко Диана Артемовна
Рук. – Олефирова Ирина Анатольевна
Донецкая Народная Республика*

Как Пуговичницу из хутора Красного замуж выдавали

Хотите верьте, а хотите нет, но произошла эта история давным-давно на хуторе Красном, который находится близ славного города Донецка, только его тогда еще Юзовкой называли.

Жил на хуторе Красном Мельничий и работал он на мельнице, была у него жена и трое детей. Жили они не тужили, помогали людям муку молоть и всех на хуторе радовали.

Был у Мельничего брат – Возничий. Возничий ездил по разным городам и привозил диковинные вещи. И вот влюбился он в Пуговичницу – мастерицу, которая часто ему заказы делала: то нитки привезти, то брошки, то иголки – все мог для любимой Возничий сделать, да вот только сознаться не решался. Мельничий, в очередной раз увидев вздыхающего брата, посоветовал ему заказать у

Пуговичницы картуз красный, да такой, чтобы в этом картузе за него любая замуж согласилась пойти. Послушал брата Возничий и заказал. Дети Мельничего весь разговор слышали и решили помочь дяде в сватовстве. Пошли они к отцу проситься, чтобы отпустил он их с дядей к Пуговичнице свататься.

Мельничий знал своих детей хорошо и знал, что пошалить они любили. Вспомнилось ему, как намеренно решили они поиграть в летучих мышей. Дело было так: увидели братья, как грациозно вылетают вечером летучие мыши из чердака, и захотелось им тоже полетать. Для этого они взяли мешки для муки, накинули себе на плечи и, расставив руки, решили прыгать с двухъярусной кровати на копну сена, на которой обычно спал Мельничий. Отец еле успел увернуться от полета первого сына, как на его голову уже летел второй, а третьего еле успел налету поймать. И еще, играя в эту «чудесную» игру, нужно было обязательно кричать: «Летучие мыши – смелее вперед!» Да так кричать, чтобы разбудить не только всех в своем доме, но чтобы и на другом конце хутора слышно было, а все соседи поняли, в чьем доме самые талантливые детки живут.

Вспоминая эту историю, Мельничий ничуть не возражал против поездки детей с дядей и сказал: «Возьми их с собой братишка, они у меня такие послушные... прям как мы в детстве». После этой фразы Возничий немного засомневался, но решил рискнуть. Жена Мельничего приготовила целую корзину пирожков и накрыла сверху полотенцем расшитым. Попросила передать пирожки красавице и узор на полотенце показать, потому что Пуговичница была первой мастерицей на хуторе и ее мнение считалось очень важным в делах рукоделия. Взяли корзину братья и еле-еле втроем на повозку погрузили.

Вдали еще были видны махающие платочками родители, когда младший брат попросил взять один пирожок из корзины. Посмотрел на старшего брата и говорит:

– Я съем один пирожок... нужно же попробовать, все-таки дядю сватаем, мало ли что!

– Тогда я тоже, – сказал средний брат.

– Ладно, по одному можно, – добавил старший и тоже взял пирожок.

Едут дети и рассуждают между собой. Старший говорит: «Нужно дядю расхвалить: мол, за него все девчата замуж хотят». Средний отвечает: «Нет, давай не все, пусть будет три, а то не поверят!» А младший брат молчит да на ус мотает.

Приехали во двор к Пуговичнице, вынесла она картуз красный, отдает Возничему и говорит:

– И к кому же ты решил в этом картузе свататься?

– Как к кому, к первой красавице на хуторе! – отвечает Возничий.

– Да-да, он уже трем выдуманным красавицам отказал, а теперь к тебе пришел свататься, – говорит младший племянник.

Улыбнулась Пуговичница и говорит:

– Да, с такими сватами не пропадешь!

– А мы тебе еще и пирожок привезли, – сказал старший брат, открывая корзину, и строго взглянул на младшего: на дне корзины скромно лежал единственный пирожок.

– А мне папа говорит, что если хорошо кушать, то вырастишь большим и сильным, вот я и поел пирожков и теперь могу корзину эту сам поднять! А раньше мы ее втроем еле поднимали, – оправдывался младший племянник.

– А еще мама тебе полотенце передала, вышитое, посмотри, какое! – и средний племянник показал узор на полотенце.

– Какая красота! Передайте маме, что узор прекрасен и пирожок очень вкусен, – сказала Пуговичница.

Все улыбнулись и пошли в дом пить чай, и больше уже в этот день никаких событий не приключалось.

А вскоре Пуговичница согласилась выйти замуж за Возничего. Сыграли они свадьбу. Был пир на весь мир. А за столом почетными гостями были племянники и рассказывали они всем, как своего дядю сватали.

Хотите верьте, а хотите нет, но вот такая вот история произошла на хуторе Красном, который находится близ славного города Донецка, только его тогда еще Юзовкой называли...

*Рябова Елена Вячеславовна
Нижегородская область*

Игнатовское лето Рахманинова

В тихом уголке Нижегородской губернии, в селе Игнатово, затерянном в Сергачском уезде, нашел приют великий композитор Сергей Рахманинов. Тяжелый период в его жизни, вызванный неудачей Первой симфонии, привел его сюда в поисках душевного покоя. Четыре месяца, проведенные в Игнатове, не принесли новых музыкальных произведений. Однако красота окружающей природы глубоко тронула его сердце. Нижегородские краеведы даже выдвигают поэтичную версию о том, что именно здесь, среди этих пейзажей, зародилась идея его знаменитого романа «Сирень». Независимо от того, правда это или нет, пребывание в Игнатове оказало благотворное влияние на Рахманинова. Приехав сюда в состоянии глубокой депрессии, он уже через четыре месяца почувствовал значительное улучшение, хотя творческое вдохновение еще не вернулось. Исцелению способствовала не только живописная природа, но и теплое, заботливое окружение семьи Скалон, члены которой стали для него близкими друзьями.

О сестрах Скалон – Людмиле, Вере и Наталье – написано немало, особенно в контексте их многолетней дружбы с Сергеем Рахманиновым. История их отношений, переплетенная с творчеством и жизнью Сергея, давно стала частью культурного наследия. Особенно часто вспоминают о Вере, с которой его связывали не просто дружеские, но и романтические чувства. Их увлечение друг другом было серьезным и оставило заметный след в их судьбах. Меньше вспоминают о Дмитриии Антоновиче Скалоне.

Он вел свое происхождение от французского дворянина Георгия де Скалона, переселившегося в конце XVII века из Лангедока в Швецию. Двое сыновей Георгия в 1710 году переехали в Москву и поступили на русскую службу. Один из них, Данила Юрьевич (Георгиевич), подполковник Киевского драгунского полка, был прапрадедом Дмитрия Антоновича. Прадед, генерал-поручик Георгий-Антон Скалон, участник Семилетней войны и войны против Пугачева, окончил свои дни в Усть-Каменогорской крепости. Дед, генерал-майор, инспектор Сибирской инспекции (1806 – 1808), командир Иркутского полка, погиб в 1812 году под Смоленском. Отец, Антон Антонович, имел звание генерал-лейтенанта. Дмитрий был одним из шестерых детей А.А. Скалона и баронессы Ольги Григорьевны фон Крюденер.

В 1839 году Антон Антонович приобрел участок земли в Нижегородской губернии и построил там деревянный дом, хозяйственные помещения, мельницу, разбил небольшой парк и сад. Усадьбу Скалона стали именовать Воздвиженской – по Крестовоздвиженской церкви, что стояла в селе. Однажды церковь горела, и генерал вместе с братом Александром Антоновичем ее восстановили, значительно урезав ради этого семейный бюджет.

В марте 1873 года по духовному завещанию А.А. Скалона Воздвиженская усадьба перешла к его сыну Дмитрию.

Родился Дмитрий 27 октября 1840 года, воспитывался в 1-м кадетском корпусе, окончил Николаевскую академию генерального штаба; в 1859 году был определен корнетом в лейб-гвардии уланский полк; с 1864 года почти три десятилетия занимал различные почетные должности, в частности служил адъютантом при Его Императорском Высочестве Великом князе Николае Николаевиче.

Позже Д.А. Скалон станет генералом от кавалерии, создателем Императорского Русского военно-исторического общества, почетным членом Императорского археологического института, его наградят, «всеми Российскими орденами до св. Александра Невского включительно и многими из иностранных». Однако во время пребывания С.В. Рахманинова в его усадьбе Дмитрий Антонович состоял еще в чине генерал-лейтенанта.

К этому нужно добавить, что Скалоны были людьми широко образованными. В их петербургском доме постоянно устраивались музыкальные вечера. В круг знакомых Дмитрия Антоновича входили П.И. Чайковский, Э.Ф. Направник, В.А. Серов, В.В. Крестовский (автор романа «Петербургские трущобы»).

В браке Дмитрия Антоновича с Елизаветой Александровной Сатиной, сестрой Александра Александровича Сатина – мужа тети С.В. Рахманинова Варвары Аркадьевны – родились три дочери и два сына. Дружба Сергея с Лелей (Людмилой), Татушей (Натальей) и Верой началась в 1890 году в Ивановке, где будущий композитор вплоть до своего отъезда в эмиграцию почти каждое лето гостил у Варвары Аркадьевны и Александра Александровича.

Ивановку Сергей полюбил сразу. Любили ее и сестры Скалон; но их родителям милее было Игнатово – как-никак родное гнездо. Туда они зазывали и Сережу (скорее всего, с подачи дочерей). Однако его приезд свершился только через пять лет – 14 мая 1897 года. До Игнатова ехали вчетвером – Сергей, Ели-

завета Аркадьевна, Людмила и Наталья. Дорога лежала дальняя: поездом до Нижнего Новгорода, затем шесть часов вниз по Волге на пароходе до пристани Исады, от Исад немного вверх по течению реки Сундовик до городка Лыскова, а уж от Лыскова – 60 верст на тройке в тарантасе по грунтовой дороге до Игнатова. «Погода стояла чудесная, жаворонки в небе так и заливались, – вспоминала Людмила Скалон. – Сережа с наслаждением вдыхал чистый, теплый воздух. Мы все уговаривали кучера Кемалю ехать осторожнее, не гнать лошадей, избегать рытвин, которые могли сильно встряхнуть тарантас и причинить Сереже боль».

«Я себя чувствую сейчас так плохо, что заниматься могу только лечением», – сообщал Рахманинов 30 июня С.В. Смоленскому. В уединенном Игнатове имелись для этого все условия.

Сергею отвели комнату в барском доме с балконом. Дом стоял на самом краю горы, словно высматривал что-то вдали. И действительно, вид отсюда открывался захватывающий. Внизу, словно огромная подкова, сверкало Большое Игнатовское озеро. За ним простирался густой лиственный лес, а дальше – заливные луга, пестрящие цветами. В самой низине, словно прилепившись к озерным оврагам, тянулось небольшое селение.

Но и это было не все. С горы, где стоял дом, можно было увидеть бескрайние поля, сельцо Погорелое с его белой церквушкой и даже извилистую ленту реки Пьяны, которая, казалось, торопилась куда-то, петляя между холмами. Река была настолько извилистой, что казалась невероятной, а ее стремительное течение выдавало ее бурный нрав. Сергею казалось, что он смотрит на ожившую картину, полную красок и движения.

«Нам предстояло ухаживать за ним и всеми силами стараться устроить ему жизнь в Игнатове так, чтобы он только отдыхал на лоне природы в обществе горячо любящих его друзей», – писала Людмила Скалон. С «любящими друзьями» Сергей ездил на чаепития в дубовый лес, катался на лодке по многочисленным лесным озерам. Местные старожилы вспоминали, как однажды семейство плыло по Большому Игнатовскому озеру с большущим «генеральским» самоваром: веселая компания сильно раскачивала лодку, и в конце концов самовар упал в воду – с тех пор найти его никто не мог...

Из татарского села Камкино, что в шести верстах, Сергею по распоряжению Скалонов привозили кумыс.

Игнатово стало для Рахманинова настоящим спасением. После тяжелого периода творческого кризиса именно здесь, в тишине и уединении, он вновь почувствовал прилив вдохновения. Музыка, казалось, вернулась к нему, наполнив жизнь новым смыслом. Он снова сел за рояль, и пальцы, словно соскучившись по клавишам, сами собой начали выводить знакомые мелодии.

Каждый вечер в просторном кабинете барского дома звучала музыка. Рахманинов, увлеченный и преображенный, играл для близких. Иногда он музицировал в одиночестве, погружаясь в мир звуков, а иногда к нему присоединялась Наталья – и тогда рояль оживал, рождая удивительные гармонии и наполняя дом теплом и уютом. Игнатово действительно вернуло Рахманинова к

жизни, подарив ему возможность вновь творить и делиться своим талантом с окружающими.

«Лень и поблажки себе», – так определил он свое пребывание в Игнатове в письме к другу – музыковеду-фольклористу А.В. Затаевичу. «В начале лета ни ходить, ни сидеть не мог. Я лежал только и усиленно лечился. Теперь я поправился. Боли меня почти оставили. Благодаря этой болезни мне никакая работа на ум не шла, и я ровно ничего не написал. Но не жалею об этом, лишь бы поправиться совсем. По приезде в Москву начну заниматься непременно».

11 сентября 1897 года Рахманинов покинул Игнатово, оставшись навсегда благодарным этому месту за проведенные здесь светлые дни...

Село Игнатово, известное в округе своими пасеками, существует до сих пор. Лежит оно в 24 километрах к северо-западу от районного центра Сергач Нижегородской области.

*Сабирова Алсу Исмагиловна
Рук. – Хайретдинова Флера Ахметовна
Республика Татарстан*

На защите родных рубежей

Памяти гвардии старшины Рената Гильфанова

Рождение ребенка – это всегда радостное, светлое событие, навсегда меняющее жизнь семьи. Каждый шаг, каждое слово малыша становятся для родителей настоящим праздником. Взросление детей наполняет сердца гордостью и надеждой, а их успехи – радостью. Но нет для родителей большей трагедии, чем пережить своего ребенка.

26 апреля 2024 года мир Налии Харисовны Гильфановой рухнул. В этот день она получила страшное известие: ее сын, гвардии старшина Ренат Салихович Гильфанов, проходивший военную службу по контракту в штурмовом отделении 2-й десантно-штурмовой роты, погиб при исполнении воинского долга в ходе специальной военной операции Российской Федерации на Украине. Это сообщение стало тяжелым ударом для семьи, и величину этого горя невозможно выразить словами.

Ренат родился 6 августа 1980 года в селе Иске Рязань. Он вырос в городе Дмитровграде Ульяновской области, где после окончания девятого класса получил профессию слесаря-строителя в профессионально-техническом училище. После службы в армии на Дальнем Востоке он устроился на завод НИИАР в Дмитровграде, но вскоре принял решение заключить контракт и отправиться на службу в Чечню.

Ренат был человеком смелым и добрым, с огромным чувством ответственности. Он понимал, что защита Отечества – священный долг, передаваемый из поколения в поколение. Его стремление к примирению конфликтующих сторон и желание служить на благо своей страны были яркими чертами его характера.

Семья Рената также имеет богатую военную историю. Его дед, младший сержант Султан Гильфанович, был участником Великой Отечественной войны

и воевал на 2-м Украинском фронте. Брат отца Рифгат – кадровый офицер, который после окончания Ульяновского военного училища служил на Украине, в Германии, Белоруссии и Забайкальском военном округе.

В 2004 году Ренат Гильфанов вступил в ряды миротворцев. А быть миротворцем – значит спасти людей от ужасов войны, стремиться к урегулированию конфликтов и восстанавливать мир. Ренат стал свидетелем сложных событий в Северо-Кавказском округе и выполнял специальные задачи в зоне вооруженного конфликта на территории Абхазии, проявляя мужество и преданность своему делу.

В 2024 году по собственному желанию он заключил контракт на прохождение военной службы и был направлен на территорию Украины в зону специальной военной операции. К сожалению, его жизнь трагически оборвалась в селе Крынки Херсонского района Херсонской области, когда он погиб при исполнении воинского долга. За свою храбрость Ренат был посмертно удостоен ордена Мужества.

Мать, Налия ханум, с трудом переносит горечь утраты. Горе сказалось на ее здоровье, и как справиться с такой трагедией? «Пусть Аллах проявит терпение и милосердие, облегчив ее страдания», – говорят близкие.

Несмотря на время, боль утраты не утихает. Как утверждают Гильфановы, только неустанная забота местных властей помогает хоть немного заглушить эту невыносимую боль. «Мой сын пошел на спецоперацию, чтобы мы могли жить в мире. Он советовался с отцом о подписании контракта, а мне ничего не сказали», – делится Налия ханум.

Налия Харисовна вместе с односельчанами находит утешение в совместной работе: они плетут маскировочные сети в сельском Доме культуры. Общение с людьми помогает ей хотя бы ненадолго забыть о своем горе.

«Это не только горе нашей семьи, это – наше общее горе, – говорит Салих Султанович, отец Рената. – Мой сын погиб во благо нашей страны. Сложить голову в борьбе с неонацизмом – великий подвиг. Мой сын – моя гордость. Но у меня нет ни минуты, когда бы я забывал о нем. Ничего не сделаешь, ведь все в руках Аллаха. Судьба такая. Можно только смириться и терпеть... Пусть горе никогда не войдет ни в чей дом, не постучится в ваши двери...»

Еще один наш односельчанин, уроженец Иске Рязапа Фиргат Киямов, также погиб на поле боя во время спецоперации.

Гибель ребят оставила незаживающую рану в сердцах не только родных, но и односельчан. Их подвиг, светлая память о них навсегда останется в наших сердцах.

На здании школы планируется установить мемориальную доску в память об односельчанах, погибших в специальной военной операции.

*Сарчин Рамиль Шавкетович
Республика Татарстан*

К сердцу подпусти

*Поэта к сердцу подпусти –
И сразу же задышит стих!
А без души душа тиха –
Нет силы и на полстиха.*

Деревья окрасились в солнце –
Деревья по лету грустят.
За месяцем месяц несётся,
Ничто не вернётся назад.

Сквозь тысячи реинкарнаций,
За толщами вечности-тьмы
Потомки потом усомнятся:
А были ли, в сущности, мы?

И мы никогда не поверим,
Как душу свою ни томи,
Что грустные эти деревья
Когда-нибудь будут людьми.

Листвой опавшие под ноги,
Деревья догола раздеты,
Так безысходно одиноки,
Совсем как брошенные дети.

Прохожий, человек радушный,
На небо звёздное укажет
И почему-то тихо скажет,
Что звёзды – это чьи-то души.

Они людьми когда-то были:
Любили их, они любили.
И ничего, что их так много, –
Им и на небе одиноко...

А я давно уже о звёздах
Того же мнения, что о листьях.
И по ночам так стынет воздух,
И пусто на душе и мгlisto.

Отцветает трава, и колосья
Созревают в полуденный зной.
Приближаются дни сенокоса –
Наступление жизни иной.

Переход, как всегда, незаметен –
До конца не поверишь концу,
Что ласкавший по-летнему ветер
По-осеннему бьёт по лицу.

И в осенней своей круговерти
Отстрадавшую валит листву
И давно уже призраком смерти
Так и кажется наяву.

Содрогая деревьев скелеты,
По дорогам вьюжит и вьюжит...
Снег посмертной маскою лета
На земле погребённой лежит.

Роняя на размытый грунт
Грачей размётанные стаи,
Шумят берёзы на ветру,
Грачиный крик перерастая:

Напоминая всё сильнее
О той, которой нет на свете,
Дрожат берёзовые ветви,
Как руки матери моей...

Со смертью матери

Со смертью матери
не стало в мире женщины,
Которой буду дорог, как сынок.
Горят берёзы, в осень порыжевшие,
И как я в эту осень одинок!

Со смертью матери
не стало в мире нежности,
Которой мне не будет и в раю.
Стоят березы в стылой зимней нежити —
И я стою как будто на краю.

Со смертью матери
не стало понимания
И всепрощения души родной.
Березы о любви всё шепчут в мае мне,
Мои же мысли только об одной...

...И год прошел. И дни настали летние.
Всё по порядку — той же чередой...
Березки обнимаю, где б ни встретил их,
И в каждой вижу маму молодой.

Что ни день — ну, всё не по нутру.
До чего же муторно и тяжело!..
Ангела я видел поутру —
Над соседней плыл многоэтажкой.

Будто бы передавал привет
Ото всех, кто мирно упокоен.
И душа моя пошла на Свет
И такой исполнилась тоскою

По нездешним, по родным местам,
Где не знают Небыли и Были.
Так легко и так уютно Там,
Где до Жизни все когда-то были!..

Анапа

Сбылась мечта моя —
И как же так случилось:
На берегу — маяк,
И море — Божья милость?!

И солнце день-деньской,
И море волны катит,
И цыкают цикады
На этот шум морской.

И так мне близок он,
И ничего нет ближе!..
И ветер волны лижет
Солёным языком.

Как не хватает одиночеств!
Живешь себе, не зная горя...
А тут проснуться б среди ночи –
И убежать на берег моря.

И встретиться с солёным ветром,
С ним потрепаться на просторе
О том, как весело на свете,
Что жить и волноваться стоит.

И море нам волнами вторит.
И так светло оно, и мудро!
И тут нас, одиноких, трое –
В такое трепетное утро.

Волны

Какие волны нынче – просто жуть!
И на кого Нептун так грозно злится?..
Но лишь послушай: эти волны ржут
Под ветром, как степные кобылицы.

На их крылах и в вечность не зазорно!
А эти гребни-гривы каковы –
Сравниться с ними может лишь ковыль,
Что на ветру вынашивает зерна!

Нежнее разве только та, вдали,
Забывая за горизонтом темным,
Где разрезают море корабли
И где закат до неприличья томен.

Где был я счастлив пару-тройку дней,
Как море солнышком, любовью полный...
И нет тех дней мне ближе и родней.
...О, как же вы разволновались, волны!

Прошла любовь, и говорить нам не о чем.
И за окном давно уже сентябрь.
Поразбросала осень листья-мелочи.
Не осень, а сплошной цыганский табор!

Но как там душу ею ни расцвечивай,
За прошлое никак не удержаться.
Прошла любовь, и говорить тут нечего.
А листья всё кружатся и кружатся...

Для тебя я такой же, как многие,
Ближе разве, но вряд ли родней.
И живём мы с тобой, одинокие, —
В одинаковом множестве дней.

Оракушенные привычками,
Всё тоскуем о чём-то большем...
И тоска-то какая — не вычерпать
Никаким, даже звёздным, ковшом!..

...И снова травы сохнут на корню,
И всё же, всё же головы не клонят —
Не оттого ли я быльё храню
Меж жёлтых листьев томиков зелёных —

Как память, дорогая, о тебе...
А травы... травы зацветут по маю —
Ни чьей-то не завидуя судьбе
И всё на свете мирно принимая...

Луизе

Это мне когда-то
С высоты далось:
Чёрная — в закатах —
Ночь твоих волос.

Зелень взгляда, точно
Изумруд озёр —
И колдует ночью
Этот влажный взор.

Губы пахнут зноем —
Даже в дни обид.
Ты — моё земное,
Мой вседневный быт.

Впрочем, быт, как знаешь,
Корень бытия.
Значит, ты — земная
Высота моя.

Ты знаешь, родная, ты знаешь, любимая:
Исхода минувшему нет.
И все-то пред Светом когда-нибудь были мы,
Летя по орбитам планет.

И знаешь ли, светлая, знаешь, родимая,
Что сколько б ни минуло лет,
А рядом с тобою не гаснет в груди моей:
Конца и грядущему нет.

Когда ты рядом, я не сирота —
Пока ещё своим дыханьем теплишь,
Пока желанья не покрылись пеплом
И не приелось век свой коротать.

Конечно, время заберёт своё —
Конечна в мире всякая дорога.
Но верю я: ты вымолишь у Бога,
Чтобы и Там оставил нас вдвоём.

Нынче день такой погожий,
Что печалиться негоже.
Так светло, как будто сам
Воспаряешь к небесам.

Так и жить бы – вольной птицей:
Ей живется – не грустится,
С миром целым сообща
И на Бога не ропща.

Когда от грусти никуда не деться,
Но так гудит колодезный мотор,
Что даже солнце розовым младенцем,
Не унимаясь, тянется во двор,
В каком-нибудь вишнёвом переулке,
В таком же светлом, как благая весть,
Я становлюсь до удивленья гулким,
Как будто переулок я и есть.

Когда и петух не поёт на дворе
И всё молчаливо и гулко,
Люблю совершать по весенней заре
У маковой речки прогулки.

Шуршат под ногами песок и голыш,
И ширится солнышко, грея,
И ты всё шагаешь – и вроде бы лишь
Себя на какое-то время...

Сколько ни живи – всё мало!
Как бы ни была длинна,
Жизнь – у птицы ли, сома ли –
Одинаково одна.

Хоть какие знай глубины,
Хоть в каких верхах кружись,
Будь хоть как судьбой любимый –
Всё равно конечна жизнь.

Мысль банальная, конечно,
И не стоит ни гроша
Перед тем, что жизнь конечная
Бесконечно хороша!..

Читая Роберта Миннулли

На Агидели

По Агидели белый пароход
Плывёт к огням давно родной Казани.
Я там живу уже который год –
Мне без неё не жизнь, а наказание.

Но вот сейчас стою на берегу,
И сердце чем-то теплится хорошим.
За пароходом мыслями бегу,
Душой бездонной пребывая в прошлом.

У нас извечно, видимо, в крови:
Не оторваться от родного плена.
Меня дурманит – то ли от любви,
От запахов ли сохнувшего сена.

А рядом ивы радостью полны,
Что я остался здесь хотя бы на день.
Они от счастья, как и я, пьяны!
Счастливые: им никуда не надо.

Как чайка по реке черкнёт крылом,
Так и печаль меня едва коснётся.
Но всё же – всюду до того светло,
Как будто в мире два сияют солнца.

Одно румянит неба синеву,
Другое блещет на души затоне.
И родин две, и завтра уплыву
От изначальной к новообретённой...

По Агидели белый пароход
Плывёт неспешно к берегам столицы.
И жизнь моя, как Агидель, течёт,
Волнами встреч и расставаний длится.

На Хан-горе

*На берегу реки Сюнь есть гора.
В народе её называют Хан-горой.*

В родном краю, вдаль устремляя взгляд,
Стою на легендарной Хан-горе.
Ещё милее с высоты земля –
Что может лучше сердце обогреть!

Поля, озёра, травы и цветы
И речка Сюнь – родимая купель –
Как на ладони с этой высоты,
К которой с детства сердцем прикипел.

Здесь хан когда-то всем повелевал,
В сражениях его звенели дни.
И, как от ветра клонится трава,
Так подданные падали пред ним...

И я томлюсь загадкой: этот хан
Когда, и где, и от чего почил:
Сломал недуг, от боевых ли ран? –
О том лишь звёзды ведают в ночи.

Наверное, и похоронен тут –
Ведь неспроста так названа гора! –
Здесь тело хана обрело приют,
Когда душа доверилась ветрам...

Отсюда зримей:
Как там ни кружись,
Но есть конец и ханским временам –
И это – жизнь, на то она и жизнь!

И хорошо, когда даётся нам
В краю желанном обрести покой –
За всё, кем был и не был на земле.
А после – в светлой памяти людской
Дано бы было время одолеть...

В родном краю, вдаль устремляя взгляд,
Стою на легендарной Хан-горе.
Ещё милее с высоты земля –
Что может лучше сердце обогреть!..

Солнце

...И солнце осенью стареет:
Едва прореживая тьму,
Оно уже почти не греет,
Не нужно стало никому.

Не важно никому, взойшло ли,
Торит ли светлые пути.
И вот – живём как поневоле,
И что ни день – то ночь почти.

И так – тревожимая снами,
Без солнца старится душа...
Не важно: осень ли, весна ли,
Зима ли, лето ли – дышать

Дано нам только под светилом
И видеть сны о небылом.
Нет, это не оно остыло,
Остыли мы – и поделом

Нам тьма тоски и мгла печали...
Нет, виновато не оно,
Что мы его не замечаем
И так тревожно и темно...

Последняя листва

Пора переселенья душ
Творится будто бы на свете!
По осени, от первых стуж,
Листою окрылился ветер.

Но с опереньем золотым
Ему кружить совсем немного:
Сгорят осенние листья,
Падут на землю одиноко.

И в том не осени вина –
Она сама-то мимолётна.
Что жизнь утратами полна,
Печалиться из года в год нам.

Но как не верить чудесам:
Едва успеет опуститься,
Листва грустит по небесам,
Подобно перелётным птицам.

И быть однажды перестав
Листвой, собьётся в птичью стаю —
И ни единого листа
Ни в мире, ни в душе не станет.

А впрочем, и душа сама
Когда-то обернётся птицей...
И там, за осенью, зима
В окно крылами постучится.

Осень

Длиннее ночи, дни короче —
Всё ближе к осени дела.
И вот ни дня уже, ни ночи —
Сплошная мгла.

И день, и ночь — сплошные тени,
И всё длиннее и длинней.
А что же мы ещё хотели —
Пора теней!

И звёзды гроздьями поспели
И чаще падают они.
У речки Сюнь, родной купели,
Грустит тальник.

И убывает птичье пенье —
И всё печальнее душа.
Деревья тают постепенно,
Листвой шурша.

Меняются деревья в цвете:
На их тысячелистье лиц
Застыла грусть-тоска по лету,
По пенью птиц.

Но мы почти не замечаем,
Как лист уходит за листом,
И только по своей печали
Поймём о том

И, сколько песен мы ни просим, –
По опустелости немой!
Уж лето обернулось в осень,
А та – зимой.

Ода золоту

Совсем не поэтичные дела –
Осанну петь кому-нибудь в угоду,
Но если речь о золоте зашла,
Сегодня я ему слагаю оду.

Предмет, конечно, малость мелковат
Для гимнов и высоких песнопений,
Но золото относится к словам,
Имеющим по несколько значений.

Пусть первое значение не в счёт:
Поэту ли металлом восторгаться!
Но в золоте содержатся ещё
И нематериальные богатства.

И славлю я то золото земли,
Что светится значением высоким,
Которое ничто не умалит
Под небом голубым, золотооким,

Как не иссякнет золото хлебов,
Вращённое руками золотыми,
И матерей великая любовь –
Золотосердая – мы живы ими!

Пою я золотые имена,
Написанные золотом по камню, –
Пусть ими вечно славится страна
И золотыми множится веками,

Пусть будут оды петься без конца
О хлеборобах, матерях, солдатах!..

На среднем пальце золото кольца,
Завещанное мне отцом когда-то,
Ношу
И постараюсь уберечь
Для сына –
Значит, ода и об этом
Металле,
Если – о высоком речь
И если ты родился быть поэтом.

Малости

Вот и лес обнажился, и снова поля опустели –
Так и было до нас, так и будет – века и века.
Наши дни на земле не длиннее полуденной тени...
Отчего ж дольше вдоха и выдоха длится строка?..

Уже ничего не растёт
На пустоутробной земле.
И жёлтый осенний листок
Распят на оконном стекле.

Сукровицей заката
Сочится край земли.
В предчувствии зимы
Сердце тоской объято.

Эта мысль – как порез ножевой:
То, что треснуто, новым не станет,
Будь оно из алмаза, из стали,
Будь оно хоть из плоти живой.

...И ничего безнадежнее:
Пытаться войти в дверь,
Нарисованную тобой же
На глухой стене...

А у мамы муравейник на могиле.
Как всё справно-то у этих мурашат!
Хоть и малые они, но что есть силы
Всё-то трудятся и очень жить спешат.

Хлеб

Говорила бабка мне,
Солнышком лучась:
— Даже и на камень
Хлебом отвечай!

Мир — громада, и никто не лишен в нём,
Но, конечно же, всему-то есть пределы.
И тревожиться нам надо лишь о том,
Как за Вечность зацепиться добрым делом.

Мол, и жить тяжело, и несправно же вот нам...
Но одно я на это скажу:
По тому, как живется бездомным животным,
Я о жизни сужу.

Поэтам

Так предначертано поэтам,
Как доля избранная, лучшая:
По кораническим заветам —
За нами следуют заблудшие.

Наказ

О бренном не печалься
И к Богу путь прями.
А на последнем часе
Смиренно смерть прими.

...А на море и мысли чисты,
И совсем не привязан ко Времени —
Потому я к нему и частил,
Что могло лишь оно обогреть меня...

...И на чем ни задержится глаз –
Повсеместное явлено чудо,
Что при жизни – мы здесь и сейчас,
А по смерти – всегда и повсюду...

Эх и жить-то хорошо, ребята:
Как планета, знай себе – кружись!
Мы мирами столькими объята,
Что не счесть смертей длиною в жизнь...

...Хотелось бы, чтобы расхожей ложью
Потомки не пятнали бы меня.
Поэтов судьбы с феврялями схожи:
Короткий месяц, но весне родня!..

*Сергеева Валерия Андреевна
Рук. – Васюткина Вера Михайловна
Чувашская Республика*

Герои всегда рядом

Наша страна сегодня переживает нелегкое время. С 24 февраля 2022 года Россия вынуждена проводить на Украине специальную военную операцию. Наши солдаты осознанно защищают мирных жителей, свою Родину ценой своей жизни и здоровья, другого выхода в данной ситуации нет. Их отличает доблесть, бесстрашие и героизм.

Изучая материалы о наших учениках-выпускниках, погибших в СВО, я задумалась над тем, что же знают мои сверстники о героях-участниках СВО. Глубоко изучив данную тему, мне захотелось рассказать об одном из выпускников нашей школы, о защитнике Родины, который погиб, выполняя свой воинский долг в СВО на территории Украины.

Это Куделин Серафим – простой воин России, которым гордится наша большая и малая Родина, мы, учащиеся школы, где он учился совсем недавно.

Он родился в г. Волгодонске Ростовской области, но детство и юность прошли в одной из маленьких деревушек Чувашской Республики.

Как вспоминает мать Серафима, любимым занятием с детства было чтение. Большая часть книг, которые он не раз перечитал, описывали исторические события нашего Отечества. В основном это были книги на военную тематику, не только связанные с событиями Великой Отечественной войны или Отечественной войны 1812 года, но и с событиями Афганской и Чеченской войн.

По окончании школы в 2019 году был призван в армию. Через год, в декабре 2021 года, подписал контракт. С 24 февраля 2022 года находился в зоне СВО в должности старшего разведчика-пулеметчика.

По словам Серафима, он был на своем месте. Даже приезжая в отпуск, мыслями всегда оставался на поле сражения со своими боевыми товарищами.

Он принимал активное участие при освобождении населенных пунктов Уды, Пески, с. Водяное, Сосновка, Артемовск, Авдеевка, Богдановка и др. Боевые товарищи описывают его как настоящего воина, смелого, храброго и отчаянного, который не боялся ничего, в том числе встретиться со смертью. Дав в начале СВО Серафиму позывной «Симка», боевые братья не представляли, сколько храбрости и отваги скрывалось в добром и безобидном бойце. После нескольких лет совместной службы между собой его за бесстрашие стали называть «Симка-терминатор».

Не забывал Серафим и про малую родину, всегда под сердцем носил флаг Чувашской Республики.

За боевые заслуги наш выпускник был награжден медалями «За Отвагу», «За боевые отличия», «За укрепление боевого содружества», «За храбрость», награжден орденом Святого Георгия – Георгиевским Крестом 4-й степени.

Несмотря на множество тяжелых ранений, на переживания родных и близких, он говорил: «Зачем грустить? Все отлично. Солнце светит, трава растет. Что может быть лучше?» Если разговор заходил о трудностях, он утверждал, что в жизни все, кроме смерти, можно решить, что надо радоваться каждому моменту жизни.

Герои – это скромные, тихие люди, которые, если надо, не жалея себя, совершают героические поступки.

Куделин Серафим Александрович погиб при выполнении боевого задания под Часовым Яром в Луганской области 25 августа 2024 года. Посмертно награжден орденом Мужества.

О потерях всегда говорить тяжело и больно, но когда из жизни уходят совсем молодые, красивые душой ребята, то говорить тяжело и больно вдвойне. Память о героях хранят не только их родственники. В музее школы, где учился Серафим, открыли уголок специальной военной операции. Такие музеи – это память о героизме земляков.

Синенкова Ольга Александровна
Рук. – Кобыченкова Наталья Анатольевна
Орловская область

Клятва

– Догоняй давай! Кто последний, тот и лопух! – задыхаясь, выпалил Вовка, самый старший из компании.

– Да подождите, так нечестно! – перейдя на шаг и чуть не плача, крикнул девятилетний Костя вслед друзьям. Он был самым младшим, но мальчишки относились к нему как к ровеснику: жили они по соседству в селе Орловка Воронежской области, дружили, можно сказать, с пеленок, так что о разнице в возрасте особо и не вспоминали.

Максим схватил Костю за руку и стал догонять Вовку. Мальчишки бежали в тени посадки. Они были свободны и счастливы, ведь сейчас летние каникулы

и можно гулять хоть целый день. Путь их лежал к месту загадочному и жутковатому и вместе с тем привлекательному для искателей приключений, которыми и были в душе наши приятели, – полуразвалившемуся корпусу заброшенной психбольницы. Ребята здесь давно освоились и часто прибегали сюда поиграть, несмотря на запреты родителей. Особенно нравилось им просторное помещение с забранными решетками окнами, где даже в самый жаркий день было прохладно и как-то по-особому мрачно.

– Кстати, здесь водятся призраки, которые могут забрать у вас душу, – прошептал Максим.

– Что еще придумаешь? Это ведь сказки, которыми нас пугают взрослые, чтобы мы не ходили сюда, – спокойным тоном ответил Вовка, он всегда хотел казаться взрослее и рассудительнее друзей.

– А вот и нет. Ты знаешь, что тут в годы войны было?

– Да здесь уж сто лет никто не живет! – воскликнул Костя, подозрительно оглядывая обшарпанные стены.

– Мне дядька рассказывал, что тут массовый расстрел был, в том числе и детей. Здесь же больница была большая, а фашисты, когда пришли, всех больных уничтожить решили.

– За что? – маленький Костя обхватил себя руками, будто защищаясь, и внимательно, по-взрослому смотрел на рассказчика. – За что больных расстреливать? Они же как дети малые, так моя бабушка говорит.

– Так фашисты и детей не жалели. Мне дядька много про войну рассказывает, говорит, об этом каждый должен знать и помнить. У меня вот прадед с войны не вернулся, а еще два его брата родных. Похоронок только остались. Они жизнь отдали за нас, а мы теперь память о них хранить должны, – Максим серьезно посмотрел на притихших друзей. – Вы вот домой придете, у своих поспрашивайте, не маленькие ведь уже.

– Макс, а что про больных-то тебе дядька рассказывал? За что их фашисты расстреляли? – перебил товарища Вовка.

– За что, за что... А ни за что! За то, что они больные были. Сумасшедшие. Они же в психбольнице лечились. Фашисты таких и за людей не считали. Типа брака, ошибки природы. Говорили, что такие кровь их арийскую испортить могут. Фашисты они и есть фашисты. Их самих истреблять надо, а они... В общем, почти всех, кто здесь лечился, они и расстреляли. И не только больных. Была здесь врач, молодая совсем, добрая, ее все любили, Лизонькой называли. Перед тем, как фашисты сюда пришли, у нее сынишка родился, – рассказчик остановился, выдерживая паузу, – так вот, малышка у нее на глазах закололи, а потом и мать убили. С тех пор она ходит здесь и плачет. У-у! – Максим резко вскрикнул и вытянул руки вперед. Ребята отшатнулись.

– Ты что? Зачем пугаешь-то? Это тебе тоже дядька рассказал? – обиженный Вовка подошел к окну и выглянул через серебристую паутинку, затянувшую решетку, в сад. А Костя так и сидел, окаменев, на месте. Ему не были страшны призраки, и побледнел он не от выкрика друга. Ему казалось, что он слышит крики несчастных, которых безжалостно уничтожили фашистские из-

верги. И слышал детский плач, тоненький, надрывный. И женский крик, больше похожий на вой подстреленного зверя.

Начало темнеть. Попрощавшись, Макс и Вовка пошли домой, а Костя решил переночевать у дедушки, живущего неподалеку.

– Ну что, сорванец, удочку завтра пойдем закидывать? Мамка твоя ухи хоть наварит, – с улыбкой приветствовал дед внука. Он был энергичным, жизнерадостным стариком, обожавшим своего единственного внучка Костика. Старый да малый всегда находили, о чем поболтать, ведь у деда на все была припасена интересная история.

– Деда, ты иди, а мне не хочется.

– Что-то ты мне, дружок, не нравишься. Ты что грустный такой? С друзьями никак поссорился?

– Да нет, дедуль. Ты мне можешь о нашей психушке рассказать? Как там фашисты были?

Дедушка, откинувшись на стуле, внимательно посмотрел на Костю. Покачивая головой, он на мгновение задумался, словно собираясь с мыслями.

– Знаешь, Костя, – начал он наконец, – многие годы назад, когда я был таким же пацаненком, как ты, рассказывали много страшных историй о больнице в Орловке. Мы боялись туда ходить, потому что говорили, что там творятся странные вещи, – он чуть подался вперед, как будто хотел рассказать секрет. – Я помню, как старшие ребята рассказывали о призраках, о стаях летучих мышей, охраняющих заброшенные корпуса, о том, что ночью слышали там чьи-то крики и плач.

Костя слушал, затаив дыхание.

– Но ты знаешь, – продолжал дед, – не все, что мы слышим, правда. Иногда такие истории рождаются из страха и непонимания. Призраки – это просто наши страхи, воспоминания о трагедиях, которые не должны повторяться. Ведь в той больнице страшные вещи, внучок, творились в годы войны. Страшные!.. Я думал, ты еще мал, не хотел пока рассказывать, а ты вон сам узнать захотел, видеть, повзрослел, а дед-то и не заметил.

Старик замолчал, задумавшись, а Костя подошел к окну. Посмотрев на темное небо, усеянное звездами, он снова вспомнил о сынишке врача.

– А правда, что там всех больных расстреляли? «И врачей?» – спросил он, оборачиваясь к деду.

Дед вздохнул, его лицо стало серьезным:

– Да, это действительно так. У нас в больнице к началу войны около тысячи пациентов насчитывалось. Кого только там не было. И подростки лежали, и взрослые, и старики. Большинство спокойные были, безобидные, некоторых даже в село отпускали иногда погулять. Так старики рассказывали. Говорили, одна женщина в годах лежала, так она все танцевала, думала, что балерина, на сцене выступает. А еще один парнишка все с веником ходил, как на балалайке на нем играл. Когда немцы пришли, он глаз от губной гармошки отвести не мог, ведь фашисты часто развлекались, мелодии веселые наигрывали. А пар-

нишка как гармошку ту увидел, так от немца и не отходил. Руки к гармошке тянет, мычит, просит.

– И что? Ему дали гармошку поиграть?

– Да нет, Костик. Не дали. Надоел он фашистам, они его и расстреляли, да еще и смеялись при этом, передразнивали, как он руки к ним тянул, гармошку просил.

Дед и внук замолчали. Костя тихонько шмыгал носом, ему до слез было жалко и несчастную балерину, и убитого подростка, так и не получившего заветной губной гармошки. А старик смотрел на внука и думал, что пора уже Костику рассказать о зверствах фашистов в их родной Орловке, еще одно сердце готово хранить память о сотнях невинных душ, чьи судьбы были безжалостно перечеркнуты очередями фашистских автоматов. Страшно и больно будет ему перелистывать страницы военной трагедии, но книга памяти написана кровью, и оттиск ее должен быть в сердце каждого Человека.

На следующее утро, когда Костя встретился с Вовкой и Максимом, он сразу хотел рассказать им все, что узнал от деда. Но его друзья не были настроены на серьезный разговор. Светило солнце, пуская веселых зайчиков прямо в глаза мальчишкам, сочная зелень тихо шепталась с легким ветерком. Мальчишки дурачились, сражаясь на шпагах из гибких веток ракиты, и никак не хотели заглядывать в мрачные тайны прошлого. В конце концов было решено вновь отправиться в заброшенный корпус, где Костя и расскажет им о вчерашнем разговоре с дедом. На этот раз они поднялись по полуразрушенной лестнице на второй этаж и оказались в комнате, где на стенах висели несколько выцветших черно-белых фотографий. Странно, все помещения, которые они успели осмотреть до этого, были совершенно пусты. Откуда здесь фотографии? На них люди в одинаковых серых халатах, видимо, пациенты. Здесь и подростки, напряженно смотрящие в объектив камеры, и безмятежно улыбающиеся мужчины и женщины, и несколько человек, отвернувшихся от фотографа или закрывших лица ладонями. А вот и врач с младенцем на руках. Не о ней ли рассказывал накануне Макс?

И тут ребята почувствовали какое-то движение, как будто по воздуху прошла легкая рябь.

– Это что? «Сквозняк?» – дрожащим голосом спросил Костя. Ребята оглянулись; им показалось, что вокруг них что-то неуловимо изменилось. Стены как будто сжались, а издалека слышались неясные звуки, будто кто-то звал на помощь.

Ребятам было уже не до шуток. Как замороженные, они двинулись вперед. Воздух продолжал дрожать, и его размеренное покачивание удивительным образом успокаивало испуганных мальчишек, продолжавших идти по причудливо изгибающимся коридорам. Наконец они остановились перед дверью, на которой сохранилась старая табличка: «Лечебный отдел».

Костя толкнул дверь, и она с треском открылась. Комната была разгромлена: медицинские инструменты валялись по углам, а из раскрытых ящиков в беспорядке торчали пожелтевшие листы историй болезни. Вдруг в комнату во-

шли двое. Оба в белых халатах. Мальчики спрятались за большим шкафом, стоящем в углу комнаты.

– Надо попытаться хоть кого-то спасти. Ночью выведем легких, пусть уходят в лес. Может, кого-то приютят местные. Здесь никому не спастись.

– Ну не звери же они. Я слышал, они хотят вывезти наших больных в Белоруссию. Сказали собрать все необходимое в дорогу.

– Ты серьезно? В Белоруссию? Фашисты истребляют евреев, цыган, тысячами сгоняют детей в концлагеря, а наших сумасшедших в Белоруссию повезут?! Они их уничтожат.

Неожиданно врачи растаяли в воздухе, а на их месте появился подросток, ровесник Вовки. Он подошел к мальчикам и жестами позвал их к окну. Одет он был в серый застиранный халат. Мягкие тапочки скрадывали его шаги, а в руке он держал... веник. Костик крепко зажмурился и потряс головой. Не может быть! Ущипнул себя на руку. Открыл глаза – мальчик в халате стоял перед распахнутым окном. Один за другим ребята подошли к окну и... замерли. На краю длинной ямы стояли фашисты в начищенных до блеска сапогах. Они что-то оживленно обсуждали, посмеиваясь, а потом, услышав команду, построились недалеко от края ямы и сняли с плеч автоматы. Послышался многоголосый шум. От корпуса, где застыли у окна мальчишки, по направлению к яме шли люди в больничных пижамах. Многие были босиком. Большинство послушно двигались вперед, опустив головы и не обращая внимания на немецких солдат, но были и те, кто громко кричал или пел песни, отказываясь идти, падал на землю. Больные все шли и шли. Их уже было несколько десятков. Их подвели к краю ямы и начали хладнокровно расстреливать. В упор. Сначала в затылки, черные, русые, седые. Убитые падали в яму, а на их место толкали прикладами новые жертвы. Испуганные люди поворачивались лицом к палачам, ища спасения в тех, кто мог нести только смерть. Фашисты стреляли в лица, перекошенные от животного ужаса, лица, изуродованные не безумием, а страхом смерти. И казалось, что безумны не эти несчастные, заполнившие своими телами яму, ставшую братской могилой, а смеющиеся и одобрительно хлопающие друг друга по плечам чудовища в форменных мундирах рейха, возомнившие себя сверхлюдьми.

Застывшие от ужаса друзья, не отрываясь, смотрели на кровавую расправу. И вдруг все исчезло, как будто занавес из непроницаемой пелены тумана опустился перед глазами онемевших друзей. Они стояли перед стеной все в той же комнате с фотографиями. Только фотографий на стене уже не было. А были ли они вообще? Мальчишки переглянулись.

– Вы это тоже видели? – первым не выдержал Костик. – Их расстреляли?!

– Да. Всех. Ненавижу фашистов! Ненавижу! – Макс разрыдался и, не стесняясь своих слез, крепко сжал кулаки.

– И я ненавижу, – Вовка глубоко вздохнул и продолжил. – Давайте поклянемся, что мы никогда не забудем о тех, кто остался здесь навсегда, и никогда не позволим фашистам вновь прийти на нашу землю. Никогда!

– Никогда! Клянемся! – эхом повторили Костик и Максим.

С тех прошли годы. Владимир, Максим и Константин уже давно не мальчишки: выросли друзья, возмужали, остались в прошлом детские забавы и шалости. Но детская клятва, данная под сводами заброшенного корпуса психбольницы в Орловке, в сердце каждого из них. Была, есть и будет. Теперь они офицеры. И мы знаем, что они никогда не позволят фашистам прийти на нашу землю. Никогда!

Смирнов Виталий Сергеевич
Архангельская область

Путь длиною в 80 лет: от момента съемки до увековечения на стеле

Каждая фотография – это кусочек жизни, который может рассказать очень многое. Возможно, именно поэтому мы все испытываем особые чувства, когда берем в руки старый снимок. Нам словно брошена «ниточка» из прошлого, и появляется желание понять, кто были отображенные на ней люди, как они жили, что их волновало?

Размытые временем черты лица человека в рабочей одежде. О чем он думал в тот самый момент, как сложилась его жизнь? Человеческая память не способна долго хранить мелкие детали, они обесцвечиваются и постепенно забываются. Проходят годы, а тот рабочий остается на пожелтевшем кадре все тем же – со своими значимыми на тот момент переживаниями, со своей судьбой и историями – личными и семейными.

Попробуем оживить историю. А поможет нам в этом снимок, сделанный более 80 лет назад в суровые военные годы. Вернем того мужчину с ретро-фотографии. Узнаем, почему он отводит взгляд от объектива, чем занят в этот момент, а также как сложилась его судьба в будущем. Более того, проследим историю остановившего время кадра: от того момента, когда он был сделан, до увековечения его на монументе и в истории города.

В 1988 году преподаватель истории профессионально-технического училища № 1 Алексей Васильевич Коробейник передал в фонды Северодвинского городского краеведческого музея материалы о выпускниках училища военного времени, собранные учащимися под его руководством в период формирования и подготовки к открытию музея истории учебного заведения. Редкие и уникальные фотографии и документы.

В числе двадцати четырех экспонатов было и сюжетное фото, на котором изображен мастер токарного дела ремесленного училища № 1 Павел Васильевич Быков со своим учеником Василием Мальцевым. Этот снимок сразу же был отобран директором музея Надеждой Григорьевной Лютиковой для построения масштабной экспозиции «Город Молотовск в годы Великой Отечественной войны», открытой в 1989 году.

Через четверть века была проведена реэкспозиция. В новом и современном музейном пространстве, рассказывающем о жизни военного города, презентация которого состоялась в 2015 году в преддверии празднования 70-летия Победы советского народа в войне, сотрудники никак не смогли обойтись без

той самой фотографии. Вместе с другими предметами она является символом того времени, всецело передающим все тяготы и лишения тяжелых военных лет.

Каждый раз, приходя в музей, Лираида Павловна Абрамичева (урожденная Быкова), дочь Павла Васильевича, с любовью и трепетом вспоминает об отце. С радостью она делится с сотрудниками своими воспоминаниями и размышлениями, историями и подробностями, связанными с биографией папы. Нельзя без волнения и переживания слушать ее рассказы. В один из своих визитов Лираида Павловна взяла с собой и документы, чтобы сотрудники зафиксировали подлинную биографию отца.

Павел Васильевич Быков родился 24 февраля 1908 года в деревне Рычково, ныне расположенной в Котласском округе Архангельской области. В 1923 году окончил неполную среднюю школу. Через пять лет стал кочегаром 1-го разряда по обслуживанию судовых котельных установок. В 1931 году закончил обучение на курсах токарей.

В 1938 году приехал в рабочий поселок Судострой, вскоре ставший городом Молотовском. С января трудился токарем на заводе № 402, а через год перешел на должность токаря-инструктора в школу фабрично-заводского ученичества. После реорганизации учебного заведения работал механиком и старшим мастером в ремесленном училище № 1.

31 марта 1944 года за достигнутые трудовые успехи и активную наставническую деятельность был награжден значком «Отличник социалистического соревнования Народного Комиссариата Судостроительной Промышленности».

В декабре того же года по мобилизации был призван в армию Молотовским военкоматом. Некоторое время служил в запасном стрелковом полку в должности автоматчика, а с января 1945 года воевал на 4-м Украинском фронте в составе 2-го горно-стрелкового батальона 69-й отдельной горно-стрелковой бригады в должности пулеметчика.

Особо отличился в бою 11 марта 1945 года, уничтожив 12 немцев. За это получил медаль «За отвагу», самую почетную солдатскую награду. Во время наступательных боев 27 марта получил легкое ранение в левую ягодицу. Был удостоен медали «За боевые заслуги». Несколько месяцев находился на излечении в госпитале.

Затем учился на курсах младших лейтенантов в 38-й армии. С июля по октябрь служил в 8-м запасном стрелковом полку в должности повара. 20 октября 1945 года был демобилизован и вскоре вернулся на родной завод № 402, будущее Северное машиностроительное предприятие, где работал мастером в цехе № 11 вплоть до выхода на пенсию в 1968 году.

Жизнь Павла Васильевича Быкова, участника Великой Отечественной войны и труженика тыла, трагически оборвалась 7 сентября 1978 года. Семидесятилетний ветеран был сбит автомобилем во время езды на мотоцикле. Его похоронили на городском кладбище в Северодвинске.

В годы войны в кратчайшие сроки на заводе № 402 были организованы морской порт, в котором было принято и обработано более миллиона тонн вооружения, топлива, оборудования и продовольствия; крупная судоремонтная

база военного, ледокольного и транспортного флота (отремонтировано 139 кораблей, грузовых судов и ледоколов); велось строительство военных кораблей; производство продукции, необходимой фронту и тылу. Ремонтно-механический завод освоил выпуск чугунных корпусов для мин калибром 50 мм, 82 мм и 120 мм. В городе было размещено четыре эвакуогоспиталя, где проходили лечение бойцы с фронта.

Указом Президента РФ № 304 от 20 мая 2021 года Северодвинску было присвоено звание «Город трудовой доблести». Перед этим была проведена огромная работа по сбору исторических материалов, экспертное заключение на которые выдала Российская академия наук.

С момента присвоения городу высокого звания началась работа по проектированию и возведению стелы в честь этого события. В ней принимали участие Российское военно-историческое общество, правительство Архангельской области и администрация Северодвинска.

Российским военно-историческим обществом в 2020 году проведен конкурс на разработку проекта установки стел, по результатам которого признан лучшим вариант архитектурной композиции скульптора-монументалиста и архитектора Дениса Анатольевича Стритовича. Его проект был взят за основу для монумента и в нашем городе. Во главе угла не только информация о трудовом подвиге горожан, но и морская тематика.

Композиция включает в себя стелу высотой 17 метров и четыре пилоны высотой 4,5 метра из нержавеющей стали, установленных на площадке в форме штурвала. Коллажи на них изготовлены методом художественного литья из бронзы с нанесением декоративного покрытия из никеля. Стела отличается от тех, что установлены в других городах. Всю композицию можно назвать музеем под открытым небом. Форма пилонов ассоциируется с кораблем.

Северодвинск – молодой город с богатой историей. В ее страницы вписано множество событий, сыгравших важную роль в жизни нашей страны. 28 июля 2023 года в дни празднования 85-летия Северодвинска в сквере на проспекте Труда напротив школы № 20 состоялась торжественная церемония открытия стелы «Город трудовой доблести». Установка монумента в память о трудовом подвиге жителей стала отличным подарком к юбилею города.

Среди всех присутствующих на этом мероприятии была и Лираида Павловна Абрамичева, которая пришла сюда по зову сердца, пришла, чтобы в очередной раз вспомнить нелегкую судьбу своего отца. Перед ней предстали пилоны вокруг стелы, на которых практически вся трудовая история города, подвиги и лишения жителей в годы войны. А на одном из них самый дорогой и близкий для нее человек – ее отец – Павел Васильевич Быков, запечатленный на той самой фотографии военных лет.

Страна детства

«Мне кажется, что одна из самых больших удач в жизни человека – счастливое детство», – писала королева детективов Агата Кристи. Эта фраза, отточенная и верная, как сюжеты ее романов, заставляет задуматься: а действительно ли счастье в детстве. Думаю, это вопрос удачи, лотерея, в которой кому-то везет, а кому-то нет. Сегодня мы отправимся в репортажное расследование, чтобы изучить эту «страну детства» с разных ракурсов: от беззаботных парков до тихих кабинетов психологов и социальных работников. Мы попытаемся разобраться, что скрывается за этим понятием и почему его отголоски сопровождают нас всю жизнь.

Наш первый «корреспондентский пункт» – городской парк в погожий выходной день. Это место – готовый портрет того самого, хрестоматийного счастливого детства. Воздух звенит от смеха и музыки каруселей. Вот мальчуган на роликах уверенно объезжает маму, которая с обожанием смотрит на него. Чуть подальше разворачивается настоящий семейный турнир по бадминтону. Папа, явно притворяясь, с комичной серьезностью промахивается по волану, а его восьмилетняя дочка заливается счастливым смехом, побеждая «сильного» взрослого.

Я подхожу к семье, расположившейся на пикнике. Маленькая девочка Аня, с лицом, измазанным шоколадом от мороженого, охотно делится со мной своим счастьем.

– Аня, а что для тебя самое классное в выходных?

– Вот это все! – она широко разводит руками, словно пытаюсь обнять весь парк.

– Чтобы все вместе: и мама, и папа. Чтобы мороженое и чтобы папа на велике меня догнать не мог!

Ее мама, Ольга, улыбаясь, поправляет дочке бант:

– Для нас это не просто прогулка. Это инвестиция. Мы хотим, чтобы у нее было вот это чувство – тыльной защищенности, что ли. Чтобы знала, что мир – доброе и безопасное место. Эти мелочи: совместное мороженое, дурачества, чтение сказки на ночь – они и есть кирпичики этого чувства.

Именно об этих кирпичиках и пишет Кристи. Здесь, в парке, кажется, что так и должно быть у всех. Но так ли это?

Чтобы понять всю глубину тезиса об «удаче», нужно увидеть и обратную сторону. Мой следующий пункт – кабинет детского психолога, Анны Петровны. Здесь на полках куклы и машинки соседствуют с серьезными монографиями, а на стенах висят детские рисунки – яркие и мрачные.

– Анна Петровна, вот мы видели идиллию в парке. Вы же знаете другую реальность. Почему детское счастье – это удача?

– Потому что ребенок не выбирает, в какой семье родиться, – прямо начинает специалист. Для него семья – это вся вселенная. И если в этой вселенной холод, агрессия, пренебрежение, то у ребенка формируется искаженная картина мира. Детство – это фундамент личности. Представьте два дома. Один

строят на твердой скале, с помощью качественных материалов и по правильным чертежам. Это то самое «счастливое детство». А другой возводят на зыбком песке, из того, что было под рукой. Это «трудное» детство. Во взрослой жизни первый дом выстоит при любой буре. Второй будет давать трещины от малейшего ветра. Это проявляется в тревожности, неумении строить отношения, низкой самооценке. Перестроить фундамент взрослому человеку возможно, но это титанический, болезненный труд.

Я смотрю на один из рисунков на стене: черный дом, а рядом с ним крошечная, одинокая фигурка. Это и есть портрет ребенка, которому не повезло в той самой «лотерее».

Цифры, увы, подтверждают слова психолога. По данным статистики, тысячи детей в нашей стране живут в зоне риска. Они не ждут подарков от Деда Мороза, они ждут, когда стихнут родительские ссоры за стеной. Не мечтают о новых роликах, а ищут тишину и безопасность.

Я беседую с социальным работником Еленой, которая курирует несколько неблагополучных семей.

– Самое страшное – не всегда детдом, – говорит Елена. – Порой страшнее – жить в семье, где ты не нужен. Где ребенок – обуза. Он видит пьянство, слышит унижительную брань в свой адрес, становится свидетелем насилия. Эти дети лишены не игрушек. Они лишены будущего. У них отнята сама возможность верить в добро. Им кажется, что весь мир такой – жестокий и равнодушный.

Именно для них цитата Агаты Кристи – не красивые слова, а жестокая констатация факта. Для них счастливое детство – безусловно, огромная удача, которая прошла стороной.

Но означает ли это, что человек, лишенный счастливого детства, обречен? История и современность доказывают обратное. Ярчайший пример – Алексей Максимович Горький. Его автобиографическая трилогия – это крик души ребенка, которого били, унижали, заставляли работать и голодать. Сам он говорил: «В детстве у меня не было детства». Но он не сломался. Он использовал свою боль как топливо, как мотивацию к творчеству и саморазвитию. Трудное детство закалило его характер, подарило ту самую устойчивость, о которой говорила психолог. Он стал классиком не благодаря, а вопреки.

И таких примеров много. Среди успешных людей, спортсменов, художников, благотворителей – множество тех, кто вышел из трудных семей. Они научились компенсировать недостаток любви сверхцелью, сверхупорством. Они – доказательство того, что даже при плохом старте можно выиграть жизненную гонку. Их истории важны как маяки надежды для тех, кто сейчас находится в беде. Они показывают: нельзя сдаваться. Ваша жизнь – в ваших руках, даже если в детстве вам в них вложили не любовь, а боль.

Завершая этот репортаж, я возвращаюсь к самой себе. Мне повезло. Я могу сказать с уверенностью: мое детство – счастливое. Это время, наполненное поездками на лыжах в зимний лес, велопогулками до позднего вечера, семейными квестами и абсолютной уверенностью, что за спиной – любящая и надежная семья. Родители не только дарили мне радость, но и учили ответственности, справедливости, сочувствию к тем, кому повезло меньше.

Этот взгляд из счастливого настоящего накладывает и ответственность. Мы, кому выпала эта «удача», не можем просто наслаждаться ею. Важно помнить о тех, кто лишен этого. Поддержать благотворительный фонд, стать волонтером, просто проявить внимание к тихому однокласснику из проблемной семьи – это уже шаг к тому, чтобы чужая «удача» стала чуть более вероятной.

Итак, наше расследование подошло к концу. Мы увидели детство разным: беззаботным и трагическим, светлым и тяжелым. Мы убедились, что слова Агаты Кристи – горькая, но во многом настоящая истина. Счастливое детство – это и удача, лотерейный билет, выданный при рождении.

Но мы также увидели и другое: человеческий дух невероятно силен. Он может преодолеть самые тяжелые стартовые условия. А еще мы поняли, что те, кому повезло, несут ответственность за тех, кому не повезло.

Все мы – и дети, и взрослые – родом из той самой страны Детства. И от того, какой мы ее построим сегодня, зависит, какие храмы возведут на ее земле завтрашние архитекторы человеческих судеб.

*Сороколетова Анна Александровна
Рук. – Пушкиова Надежда Анатольевна
Нижегородская область*

Не успокоится душа никогда...

Россия, сколько на твоих бескрайних просторах есть больших городов и маленьких селений, где каждый клочок земли твоей хранит в себе трагические страницы, великие дела, из которых складывается история русского народа.

Небольшое село Абрамово гордится своей маленькой церквушкой, сделанной из старинного камня. Любой прохожий, когда видит ее золоченые купола, радостно улыбнется, подумав о чем-то своем.

По рассказам старожилов, когда-то село располагалось рядом с церковью. В годы Великой Отечественной войны нацисты сожгли его, угнав большинство жителей в лагеря. Многих просто расстреляли без разбора: взрослые это или дети. Некогда цветущие сельские улицы превратились в темные обгоревшие проточины, а вокруг царил кричащая тишина. Церковь от пожара стала черной, наклонилась в одну сторону, но почему-то уцелела. После войны село восстановили, церковь заново отстроили всем миром. Много лет уж прошло с тех пор...

Служителем церкви стал отец Федор. Откуда появился он в селе, никто из жителей не ведал. Был он очень немногословен, но службу нес добросовестно, с душой. Любил он ходить на местное кладбище и часто смотрел вдаль, задумавшись о чем-то своем. Долго сидел. Где были мысли его, что видел он там за горой, никто не знал, да спросить стеснялись, что ли.

Прошла очередная служба, где отец Федор отчитал молебен. Как вдруг в храм тихо вошел обычный старичок, как бы тревожно оглядываясь по сторонам. Отец Федор (как обычно, по-доброму), поприветствовав, обратился к нему. А старик, опустив свои выцветшие глаза, упал перед батюшкой на колени, вдруг запричитал:

– Страшно мне! Боюсь я! Жить мне осталось два понедельника... Прощения пришел просить...

Отец Федор хотел успокоить прихожанина, подняв его с колен и взяв его за трясущуюся руку, отвел к месту, на котором лежало Святое писание. Старик послушно пошел со священником, который прочитал какую-то молитву, спросил его имя.

Казалось, что старик запричитал еще громче:

– Нет у меня имени! Иуда я! Слышишь, Иуда! Грешен я, батюшка! Предал всех: семью свою, народ свой... Родину... Слышишь, Родину предал! Жить хотел... Оттого перешел к немцам. Полицаем служил... Приказывали жечь деревни – жег, уничтожать людей – мучил и убивал детей, женщин и стариков... А еще деньги любил и власть... Старик на мгновение затих. Потом быстро встал. Дико рассмеявшись, прищурившись, спросил:

– Отец, ад-то есть? Где он: на небе или, быть может, здесь, на земле? Не знаешь, святой отец? А я знаю... Дай расскажу... Девчушка... Махонькая совсем... В коротеньком летнем платьице. В ручонках держит куклу, сделанную из тряпочек старых, прижимает к себе... Смотрит своими большими глазами и просит: «Дядечка, пожалей, отпусти. Катюшку мне нельзя оставить» (и показывает на куклу). В злобе убиваю ее, а она не умирает, свои ручонки протягивает... Дышать не могу... Сейчас каждую ночь ко мне приходит и так ехидно мне шепчет: «Место тебе в аду, дяденька, за то, что ты нас, детишек безвинных, расстрелял!».

Отец Федор, себя не помня, выбежал из храма. В доме нашел старое ружье, зарядил его и быстрым шагом пошел, потом, задыхаясь от гнева и боли, побежал... обратно. Внезапно начавшийся ливень, опрокинувшийся с неба с такой силой, что вокруг ничего не было видно, на мгновение остановил батюшку. Тяжелые капли дождя (или это были слезы) текли по лицу, одежда намокла, не давая двигаться дальше. Только тогда отец Федор пришел в себя. Отбросив резко ружье, как будто ему обожгло руки, упав в грязь на колени, стал исступленно молиться: «Отче наш...»

Усталыми шагами подойдя к храму, священник никого там не нашел. Вернувшись в свой дом, отец Федор достал небольшой чемоданчик и оттуда извлек аккуратно завернутый в бумагу какой-то сверток, открыл его и вынул маленькую тряпичную куклу... Катюшку, которая когда-то принадлежала его младшей сестре. Давно это было, а в памяти сохранились все ужасы того страшного дня, когда фашисты собрали всех жителей за селом. Феде и соседской девочке Маше каким-то чудом удалось убежать в лес, находящийся недалеко от того места, где были люди. Из-за кустов он видел маму, держащую плачущую сестренку на руках. Выстрелы... Много выстрелов... А потом зловещая тишина... Федя еле держался, чтобы не закричать...

Луна. Ночь. Вот они: сестренка и мама... А рядом Катюшка...

Много потом было всего в сиротской жизни Феде: трудное военное детство, похоронка на отца, детский дом, тяжелая работа наравне со взрослыми и желание служить Богу и людям, наставляя их на путь истинный. И все эти годы

бережно хранилась тряпочная кукла сестрички, сделанная заботливыми руками мамы.

Всю ночь отец Федор не мог уснуть. Дождь ли, ливший как из ведра всю ночь, ветер ли, завывавший свою протяжную песню, мысли ли, роившиеся в его голове, не давали ему покоя. Было уже светло, когда отец Федор вышел во двор. Тучи исчезли, появилось солнышко. На душе стало легко и светло. Отец Федор пошел на кладбище, где покоились его близкие. Сидя там, он размышлял о том, почему появляются предатели, что движет их поступками? Ведь они были во все времена. Даже в Святом писании был Иуда, предавший Всевышнего. Смог ли Бог простить предателя? Да, безусловно, ему это удалось. А сам Иуда? Простил ли он себя? Нет, нет, нет... Не сможет человек, совершивший этот смертный грех, простить себя. И земля, на которой он живет, думаю, тоже... Нет греха сильнее, чем предать свой народ и Родину!

Через некоторое время отец Федор узнал, что в соседней деревне повесился неизвестный старик, имени и фамилии которого не знал никто. Попытались найти его близких, но не смогли. Похоронили его за пределами погоста. Слез на лицах провожающих не видел никто. Не было на могиле креста, имени и даты рождения. Говорили только, что умирал в муках...

Земля наша отвергает таких людей. Не успокоится душа никогда...

Нацизм во всех его проявлениях страшен всегда, так как это преступление против веры и Бога, человечества и личности. Нацистские предатели после той страшной войны были наказаны по приговору Международного Нюрнбергского военного трибунала 1946 года.

В настоящее время, к сожалению, появился неонацизм. Примером его распространения может служить современная Украина, которую поддерживают многие страны, финансируя преступления против соседского народа. Как же это неправильно! Два народа-побратима – враги! Россия – единственная страна, которая вышла на борьбу с нацистской властью Украины, предавшей свой народ, отрекшейся от истории, корней и своих предков, воевавших с фашизмом в годы Великой Отечественной войны.

Я верю, что Россия победит! По-другому и быть не может!

***Степенков Игнат Витальевич
Рук. – Голубович Наталья Николаевна
Республика Беларусь***

Ситцы – деревня, где поют журавли

Есть на севере Беларуси маленькая деревня с нежным названием – Ситцы. Она не шумит на туристических сайтах, не мелькает в телепередачах, и даже на карте ее нужно поискать. Но если бы вы хоть раз слышали, как поют журавли над ее болотами, вы бы навсегда запомнили это место. Потому что Ситцы – это не просто деревня. Это песня. Это тишина, в которой звучит душа природы.

Каждое утро в Ситцах начинается с дыхания земли. Туман стелется по лугам, как мягкое покрывало, а воздух пахнет мятой, росой и чем-то древним, как будто сама история просыпается. И вот – из-за леса, над болотом, поднима-

ется первый журавлиный голос. Он не похож ни на пение, ни на крик. Это – зов. Протяжный, глубокий, будто птица разговаривает с небом. А потом – второй голос, третий... И вот уже над деревней звучит целый хор. Журавли поют.

Бабушка говорит, что журавли – это птицы с душой. Они не просто живут здесь, они чувствуют. Они прилетают весной, когда земля еще холодная, но уже ждет тепла. Они ходят по болотам, вытягивая длинные шеи, будто ищут что-то важное. А потом, в августе, начинают петь особенно часто – как будто благодарят Ситцы за лето, за ягоды, за покой.

Я люблю наблюдать за ними. Иногда мы с друзьями идем на Журавлиную чашу – так называют местное болото. Оно похоже на огромное зеркало, в котором отражаются сосны, облака и сами журавли. Мы прячемся за кустами и смотрим, как они танцуют. Да-да, именно танцуют! Журавли умеют делать такие движения, что кажется – это балет. Они прыгают, кланяются друг другу, расправляют крылья, и все это – под их собственную музыку.

Один раз я видел, как два журавля стояли друг напротив друга, вытянув шеи, и пели. Их голоса переплетались, как нити. Это было похоже на разговор двух старых друзей, которые давно не виделись. Я тогда подумал: а может, журавли – это хранители деревни? Может, они знают все ее тайны?

В Ситцах говорят, что, если журавль поет над твоим домом, – будет счастье. А если журавли прилетели рано весной – будет хороший урожай. Люди здесь верят в птиц, как в добрых духов. И я тоже верю. Потому что, когда журавли поют, все вокруг замирает. Даже ветер слушает.

Осенью журавли улетают. Это грустный день. Мы стоим на холме, смотрим, как они выстраиваются в клин и исчезают в небе. Но мы знаем: они вернутся. Потому что Ситцы – это их дом. Здесь они родились, здесь они пели, здесь их ждут.

Кроме журавлей, в Ситцах есть старая кузница, речка с серебристыми камнями, яблоневый сад и мельница, которую мы называем «Замком ветра».

Но все это – как декорации. А главные герои – это журавли. Они делают деревню живой. Они – ее голос, ее дыхание, ее душа.

Если бы я мог пригласить кого-то в Ситцы, я бы сказал: «Приезжай рано утром. Иди на болото. Сядь на край тропинки. Закрой глаза. И слушай. Слушай, как поют журавли. И ты поймешь, что такое настоящая тишина. И настоящая Беларусь».

Моя малая родина — это не просто место. Это чувство. Это журавлиный голос, который звучит в сердце. И я горжусь тем, что родился именно здесь – в деревне Ситцы, где поют журавли.

*Сумина Ксения Дмитриевна
Рук. – Терехова Алла Николаевна
Мурманская область*

Мой край

Равнина, почти плоская, напоминает арктическую пустыню – плоскость из камней с лишайниками, дрожащими на ветру листиками каких-то полукустарников.

Теряешь интерес к наблюдениям окрестностей из-за ветра, который захлестнул нас на вершине сопки, куда мы устремились ради того, чтобы увидеть внизу наш поселок, раскинувшийся внизу на берегу бухты.

Корабли и лодки, застывшие на воде. Это Оленья Губа.

Июнь. Небо сплошь затянуто тучами. Облака спустились совсем низко, закрыли возвышенности и почти касались наших голов, неслись над нами с неимоверной быстротой. Ветер стремился не только сорвать с нас одежду, но и свалить на землю. Стало холодно.

Снизу казалось, что облака белые, ватно-мягкие. Когда попадаешь в них, оказывается, что они серые, сырые, холодные.

Успокоенные жарой, стоявшей несколько дней, мы не думали, что на верху сопки может быть так холодно.

Вдруг крупные капли дождя совпали с мощным порывом ветра и ослепляющей вспышкой молнии. Гроза на Севере! Ударил гром. Грозовая туча накрыла нас на голом, лишенном укрытия месте. Приходилось идти, потому что укрыться было негде. Вокруг нас летели из мохнатых облаков толстые молнии, разветвляясь и разбиваясь о землю. Плотный, как резина, ветер и струи дождя дополнились неожиданно крупным снегом.

Гроза пролетела так же стремительно, как и началась. Мокрые и измученные непогодой, мы направились вниз, так и не полюбовавшись с высоты раскинувшимся северным поселком.

Последующий путь вниз мы преодолели очень быстро: по мере спуска все больше становилось комаров, так как потеплело. Заполярная природа щедра на них.

Внимание наше было привлечено белыми, розовыми, кремовыми красками цветов. Буроватые склоны переделались в нежно-зеленые. Наступило лето!

Вот он, наш родной северный край! Суровый и такой необычный!

*Тарасова Наталья Владимировна
Белгородская область*

С историей прочная связь

Первое упоминание села Кошлаково в писцовых книгах относится к 1626 году. Однако имеются сведения и о более ранних фактах жизнедеятельности в районе кошлаковского поселения. К примеру, в исторических документах есть упоминание о некоем Федоре Тарасове, стрельце, в 1610 году получившем от царя семь рублей в качестве вознаграждения за поимку в приграничье двух татар. А в 1612 году уже другой Тарасов получил три с половиной целковых за поимку поляков.

Согласно генеалогическому древу, хранящемуся в белгородском Храме Покрова Пресвятой Богородицы, основателями села Кошлаково считаются пришедшие сюда из олонецких пределов поморы – Кишлак Лука Иванович и его супруга Марфа Ивановна. Их сын Тарасий Лукич (1629 – 1713) с супругой Еленой Акимовной (1644 – 1701) и всем семейством прочно обосновались в

этих местах и, собственно говоря, положили начало роду Тарасовых. И по сегодняшний день большая часть жителей села носит фамилию Тарасовы, хотя прямыми родственниками они давно не являются.

По другой версии, вернее, легенде, в лесах близ крепости Пенцево стрельцы обнаружили семью старовера Тараса Москалева, бежавшего с семьей из Москвы – «Дабы скрыться от царских гонений». Якобы начальник заставы, по фамилии Кошлаков, смиростивился над несчастными скитальцами и предложил им обосноваться в этих местах. Стрельцы помогли им расчистить от деревьев место под строительство и построить жилье; поселение в честь доброго начальника назвали Кошлаково.

Многочисленное семейство Москалевых зажило здесь вольготно в мирном труде и молитве. Когда же началась перепись населения, Москалев, из страха быть узванным и казненным, назвал другую фамилию – Тарасов.

Согласно переписи населения, проведенной в 1700 году, в Кошлаково проживало двенадцать семей, из них тридцать два человека «мужского пола».

Наличие молитвенного дома в таком крохотном поселении говорит о многом. Носители старой веры всегда отличались большой набожностью, сильным нравственным законом. Это осталось неизменным и по сей день...

На распространение старой веры в Белгородском крае немало повлияло переселение сюда стрельцов. По приказу правительства в период никоновских реформ на нынешнюю Белгородчину активно начали ссылать на поселение стрельцов-староверов. И уже в конце 17 века здесь появилось несколько староверческих сел, основанных поморами.

Среди них Кошлаково играло заметную роль.

И она значительно усилилась, когда в 1860 году здесь построили староверческий женский монастырь.

Наряду с Кошлаковским монастырем, распространению старой веры на территории Курской и Харьковской губерний весьма способствовали два другие поморские монастыря – Крапивенский и Чугуевский.

Сотни староверов узнали дороги в эти обители.

Монастыри стали точками притяжения. Эти три обители стали духовными центрами староверия, стали местами, где верующие могли и общаться, и молиться по своим сохраненным привычкам и требованиям.

Женский монастырь в Кошлаково был тесно связан с Чугуевской обителью, которая образовалась на сто лет раньше – в 1760 году. Ее основателями стали выходцы из Выговского монастыря – поморы, схиинок Даниил, иноки Герасим и Герман. Но уже к концу 18 века монастырь стал женским.

Обитель дожила до наших дней, несмотря на погромы и разорения.

Кошлаковской обители повезло меньше: в 1925 году она прекратила свое существование. Но духовный центр не так просто истребить.

В 1927 году в этих местах состоялся знаменитый Кошлаковский собор христиан-поморцев, в котором приняли участие более двухсот человек местных жителей, настоятели Кошлаковского и Чугуевского монастырей, а также гости из соседних старообрядческих обществ, Москвы, Поволжья, Украины.

Собор был созван для решения насущных вопросов религиозной жизни староверов-поморцев.

Как видим, село Кошлаково в жизни староверов-поморцев Белгородской области и России было своеобразным магнитом, маяком. Хотя правительство во весь период существования раскола тратило много сил на разрушение духовных центров старообрядчества.

Относительное послабление пришло в эпоху правления императора Александра II, началось строительство староверческих церквей и часовен, в том числе и в Кошлаково.

К концу 19 века в Белгородском крае появилось несколько новых молитвенных домов.

Николай II в 1905 году издал манифест «Об укреплении начал веротерпимости», что также значительно облегчило существование староверов. Но с приходом советской власти и внедрением атеизма – снова мрак и уход в подполье, гонение и репрессии. Но служба даже в самые трудные времена не прекращалась.

В 1930 году в селе организовали колхоз, но дела поначалу пошли хуже – коллективный труд приживался тяжело...

В 1937 настали тяжелые времена. Многие верующие подверглись гонению.

В 1938-м власти отобрали Кошлаковскую церковь, устроили в помещении склад для хранения зерна.

Несмотря на это, в селе продолжали молиться. Соблюдались все посты, совершались молебны, в домах были иконы. Детей тайком крестили, пары венчали, покойников отпевали.

В 1942 году Кошлаково было оккупировано, хозяйство разрушено и разграблено.

В послевоенное время верующих уже не так притесняли, ходить в церковь не воспрещалось, но народ по привычке не афишировал факты крещения или венчания. Жители Кошлаково снова принялись за сельское хозяйство и строительство. В селе приступили к возведению кирпичного завода и гидроэлектростанции.

Позднее здесь был организован производственный участок колхоза имени Ленина. В 1962 г. состоялось открытие Дома культуры. Зав. клубом работал Тарасов Афанасий Никитович, библиотекарем Валентина Зиновьева. 28 сентября 1964 г. Кошлаковской средней школе присвоено имя Н.А. Островского. В 1979 году распахнуло свои двери новое здание школы.

В восьмидесятые годы в селе была проложена асфальтированная дорога, построен крепкий мост через реку, проведен водопровод. В 1985 году Кошлаково опять стало центром знаменитого сбора! На базе Кошлаковского дома культуры состоялся Республиканский семинар «Безалкогольный образ жизни». Гости со всей страны собрались, чтобы обсудить, как привести советское общество к трезвости.

В этом же году, в Дни советской литературы, посвященные 40-летию Великой Победы, село посетила группа московских писателей и поэтов. Среди

них – Герой Социалистического Труда, редактор журнала «Москва» Михаил Алексеев и ветеран войны, заместитель главного редактора «Роман-газеты» Семен Борзунов.

29 октября 2001 г. в моленном доме села состоялся Собор старообрядцев из Москвы, Волгограда, Санкт-Петербурга, Харькова, Белгорода, Шебекино и сел Шебекинского района.

Вообще надо заметить, что Кошлаково – родина многих выдающихся и известных людей. В 1937 году в селе родился Станислав Лукич Тарасов – писатель, журналист, член Союза писателей России, автор нескольких сборников рассказов. Село дало российской армии двух генерал-майоров. Иван Андреевич Михайлов (1941 – 1982) командовал дивизией в Уральском военном округе. У его брата Владимира Андреевича Михайлова (род. в 1951 г.) была под началом Волгоградская мотострелковая дивизия, он два раза воевал в Чечне, написал две книги, был военным комиссаром Астраханской области.

В 2024 году открылся новый Старообрядческий храм во имя святителя Николы Чудотворца древлеправославной поморской церкви.

Традиции взаимопомощи и взаимовыручки издавна в чести у староверов. Именно взаимовыручка помогла носителям «чистой веры» выжить в самые жестокие времена гонений. Помогла выжить в многолетних скитаниях. По-прежнему, как и двести, и триста лет назад, село живет одной большой семьей. Даже фамилию носят, в основном, одну – Тарасовы.

*Тесленко Татьяна Васильевна
Рук. – Казакова Инна Михайловна
Республика Беларусь*

Влюбленный в хирургию

«Человек, со школьных лет влюбленный в хирургию, развитие и применение которой стало для него делом всей жизни», – так писали современники о нашем земляке, выдающемся враче Ксенофонте Михайловиче Зубовиче.

Он родился в 1896 году в Чаусах. Свою медицинскую деятельность начал в 1915 году под Могилевом фельдшером земской больницы, к которой было приписано до пятидесяти сел.

В 1932 году без отрыва от работы закончил Северо-Кавказский институт.

В поселок Двигательстрой (ныне город Каспийск) он приехал в 1934 году. В газете «Двигатель» за 17 апреля 1939 года в статье «Хирург Ксенофонт Михайлович Зубович» есть слова: «Спросите любого жителя нашего поселка – кто такой Зубович?» И вам ответят: «А такой высокий с сидящими висками, знаем, знаем, хороший хирург».

Во время Великой Отечественной войны с декабря 1941 года в поселке открылся Эвакогоспиталь № 4654. Ксенофонта Михайловича назначили ведущим хирургом. Николай Старжинский, который был здесь пациентом, писал в своей книге о нашем земляке: «Его операция являлась увлекательной демонстрацией тех чудес, которые в состоянии совершить хирургия, наглядным прак-

тическим университетом, раскрывавшим перед врачами, сестрами и санитарками тайны медицины».

После войны наш земляк работал во многих медучреждениях Дагестана.

В газете «Каспийский рабочий» в статье о нем в 1952 году писалось: «Ксенофонт Михайлович получает письма из многих городов Дагестана, Ставрополя, Азербайджана. В Каспийск приходят письма из Киева, Харькова, Москвы. В них выражаются сердечная благодарность хирургу за умелое лечение, слова большого человеческого уважения. За годы своей работы Ксенофонт Михайлович сделал 20 тысяч операций!»

6 раз оперировал Ксенофонт Михайлович молодого парня Шафи Гаджиева, который с двухлетнего возраста не мог ходить, отказали ноги. Через полтора года Шафи выписали из больницы здоровым человеком. «Спасибо за все, дорогой отец Ксенофонт Михайлович, – пишет в своем письме, опубликованном в газете, Шафи Гаджиев. – От всего сердца желаю Вам плодотворных успехов в Вашей благородной работе!»

С 1961 по 1969 годы Ксенофонт Михайлович Зубович работал в Чаусской районной больнице врачом-хирургом. К нему, в Чаусы, приезжали лечиться из Дагестана, Ставрополя, Азербайджана, присылали письма из Киева и Харькова, Москвы и Витебска. Талантливый хирург делал сложные операции мозга, сшивал нервы, накладывал швы на сердце.

В местной газете «Искра» от 29 января 1966 года в статье «Сердце на ладони» описан такой случай, произошедший с Михаилом Лазаревым: «...Рана была серьезной. Нож попал прямо в сердце. Парень потерял много крови. Пульс еле прослушивался. Молодая жизнь висела на волоске. И кто его знает, что бы стало с парнем, если бы не было Ксенофонта Михайловича Зубовича. Около часа шла борьба за жизнь...». Что интересно, Михаил Лазарев тоже стал медиком.

Ксенофонт Михайлович был мастером тяжелых операций, за которые брался не каждый даже опытный врач.

Свой богатый опыт Ксенофонт Михайлович передавал молодежи, воспитал не один десяток учеников, которые успешно работают в разных странах.

Его сын Вячеслав Ксенофонтович Зубович – доктор медицинских наук, профессор, автор двух монографий, более 250 печатных научных статей, свыше 60 научно-популярных статей и рассказов.

В его книге «Мои современники без грима и бутафории» две главы посвящены отцу, приведен рассказ Ксенофонта Михайловича молодому коллеге-сыну:

«Расскажу тебе о давнем событии. Представь себе сельскую больницу, молодого, но уже не один год работающего хирурга, преуспевающего в своей нелегкой специальности. В то время в сельские больницы из онкологических диспансеров «для продолжения лечения по месту жительства» направлялись тяжелобольные, которым уже не могли помочь ни лекарства, ни операционное вмешательство. Им был необходим постоянный медицинский уход, и поэтому они не могли находиться в домашних условиях. Несколько таких страдалцев лежало и в нашей больнице.

Однажды у пожилой женщины прогрессирование раковой опухоли привело к непроходимости кишечника. Продлить жизнь могла только экстренно проведенная операция, позволявшая на какое-то время восстановить нарушенную проходимость, избавить человека от мучений. Уже в начале операции стало ясно, что опухоль охватила большую часть кишечника, однако просвет его мне удалось восстановить. Когда операция приближалась к завершению, общее состояние больной настолько ухудшилось, что возникла явная угроза ее смерти в ближайшие несколько минут.

Нет большего несчастья для хирурга, чем смерть оперируемого больного на операционном столе. В таких ситуациях врач стремится как можно быстрее закончить операцию и живым «снять больного с операционного стола». Зная о неминуемой смерти больной, я зашил операционную рану брюшной стенки не послойно, как это надлежит делать, а сразу через все слои, как портной или патологоанатом. А после операции состояние пациентки неожиданно улучшилось до такой степени, что родственники решили взять ее домой на сочтенные уже дни жизни.

Прошли годы. В один из дней на прием ко мне в поликлинику пришла женщина, специально меня разыскавшая, и сказала, что три года назад я спас ее от неминуемой смерти, прекрасно сделав операцию. Она очень мне благодарна, будет молить Бога о моем здоровье. Но теперь у нее другая напасть: после операции возникла грыжа.

Одного взгляда на послеоперационный рубец было достаточно, чтобы вспомнить мою давнюю пациентку. Это был след, оставшийся на теле безнадежно больной женщины.

Вопреки всем канонам медицины она выздоровела! Загадочность ее исцеления волнует меня до сих пор. Объяснение ему пока не в состоянии дать никто из врачей, даже обладающих систематизированными современными знаниями, основанными на достижениях науки и мировой медицинской практики.

Оплошность, допущенную мною по неопытности, я, конечно же, исправил, избавив пациентку от неудобств моей самой удачной в жизни операции. С тех пор я следую непреложному для себя правилу: начинать, проводить и завершать операции врач непременно должен на уровне своих возможностей. Он за это несет перед доверившимся ему больным не только юридическую, но гораздо большую – моральную ответственность».

Профессионал, человек, преданный своему делу, уважающий коллег, пациентов, – именно таким был Ксенофонт Михайлович Зубович.

*Тодыка Раиса Артемовна
Ростовская область*

Как сельский паренек дослужился до министра

Село Покровское стало родиной многих людей, оставивших заметный след в истории страны. И среди них — Николай Александрович Дыгай, в 1960-е годы возглавлявший министерство строительства СССР.

Родился Николай Александрович в селе Покровском в семье крестьянина-бедняка Александра Семеновича Дыгая, который занимался хлебопашеством, бил камни для фундаментов и стен, клал заборы. И, как во всякой бедняцкой семье, Николай начал рано трудиться: погонял волов во время молотбы, пас лошадей, полол овощи на плантациях у арендаторов-болгар в пойме реки Миус, бил камень в карьере.

В детстве Николай дружил с Ефимом Петренко, Андреем Гордиенко, ставшим впоследствии профессором Ростовского мединститута, ученым, и с Головченко, дядя которого был матросом Азово-Черноморского пароходства и из каждого плавания привозил связку книг. Ребята читали книги вслух по очереди, обсуждая прочитанное и мечтая о новой жизни. Увлекался и живописью, в свободное время мастерил музыкальные инструменты, играл в оркестре народных инструментов сначала в Покровском, а затем в Таганроге.

Окончив три класса церковно-приходской школы, вместе с другими комсомольцами занимался ликвидацией безграмотности односельчан. А еще как боец отряда ЧОН (части особого назначения) вместе с Григорием Зеленским, Иваном Пушкарским, Андреем Гордиенко, Григорием Коробченко и другими покровчанами патрулировал по ночам по улицам села, охранял на вокзале поезда особого назначения, разыскивал бандитов. В 15 лет ему уже доверяли оружие.

Однажды Николай с товарищами узнали, что у одной жительницы Покровского остановился неизвестный вооруженный мужчина. Они установили за ним слежку, а затем арестовали незнакомца, который оказался опасным преступником.

С детства тянуло Николая к различным механизмам. Его часто можно было увидеть в кузне Гавриила Абрамовича Романченко. Помогая кузнецу, Николай изучал инструменты, свойства металлов.

В то время ему особенно запомнилась встреча с поэтом Владимиром Маяковским, который приезжал в Ростов и Таганрог и выступал перед молодежью в клубе кожевников. И вскоре Николай мог часами читать стихи пролетарского поэта. Память у него была феноменальная.

В 1925 году его выдвигают в Донской окружной комитет ВЛКСМ. И хотя работа с молодежью ему нравилась, все же его тянуло к машинам. В 1927 году Николай поступает на Таганрогский металлургический завод котельщиком, параллельно учась на вечернем рабфаке. А в 1935 году Николай Александрович закончил военно-инженерную академию.

После окончания академии Дыгай работает на строительстве металлургического завода, затем возглавляет «Уралтяжстрой».

В 1941 году, когда началась Великая Отечественная война, по решению Госкомитета обороны стали спешно эвакуировать промышленность с запада на восток, чтобы там организовать ее работу для фронта. Руководство строительством и восстановлением эвакуированных предприятий поручается Николаю Александровичу. Именно здесь в экстремальных условиях проявились его инженерные способности и талант руководителя.

В 1946 году Дыгай становится замминистра, затем возглавляет министерство строительства предприятий машиностроения, в 1954 – 1957 годы – министерство строительства СССР.

Недолгое время работает заместителем председателя Совмина РСФСР, и его назначают первым заместителем председателя Госплана республики. А в 1961 году жители столицы избирают его председателем Московского городского Совета депутатов трудящихся.

О феноменальной памяти Николая Александровича ходили легенды. Известен случай, когда во время строительства большого цеха на Урале у проектировщиков появились опасения, что цех может рухнуть. Обратились к Дыгаю. Прибыв на место, Николай Александрович мелом на стене этого же цеха начал выводить сложные формулы, которые невозможно запомнить (нужно обращаться только к справочникам). Закончив проверку расчетов, сказал: ошибки в них нет. Что впоследствии подтвердили и специалисты.

Член ЦК КПСС, депутат Верховного Совета СССР, кавалер двух орденов Ленина, двух орденов Трудового Красного Знамени, ордена Красной Звезды, Николай Александрович Дыгай, по воспоминаниям близко знавших его покровчан, в частности его брата И.А. Дыгая, оставался доступным и внимательным к проблемам его бывших односельчан. Он много помогал и Неклиновскому району в целом, и конкретно тем людям, кто обращался к нему за помощью.

Николай Александрович умер после тяжелой болезни в расцвете творческих сил в 1963 году.

«Жизнь Николая Александровича – это яркий пример честного, беззаветного служения Родине, которому он отдавал все свои силы и знания», – писала в те дни газета «Правда» в некрологе, посвященном памяти Н.А. Дыгая.

Урна с прахом нашего знаменитого земляка, который прошел путь от сельского комсомольца до видного государственного деятеля, покоится в нише Кремлевской стены.

***Фаррахова Фания Фанисовна
Республика Татарстан***

Достопримечательности Малой Суни

20 июня 2025 года в составе нашей дружной экскурсионной группы я посетила деревню Малая Сунь Мамадышского района. Захватывающие дух пейзажи окружают эту деревню: поля, луга и возвышенности в ярком, цветастом летнем наряде. Есть в этой деревне замечательный музей, в котором я давно хотела побывать.

У ворот музея очень тепло встретила нас миловидная, скромная женщина – Дания. А за воротами – Шураля. Какой-то рукастый местный житель соорудил его из строительной пены и покрасил в соответствующие цвета. Дания рассказала нам, что раньше здесь было деревенское медресе, но в советские времена здание забросили. Буквально 9 лет назад его восстановили, отреставрировали на средства гранта и местных жителей. Я восхищена огромным желанием и

стараниями жителей деревни в увековечивании памяти своих прославленных земляков Яруллиных.

Музей очень уютный, оформлен с большим уважением и любовью к истории своей деревни. Экспозиция музея разделена на три темы: жизнь и творчество композитора Фарида Яруллина, история медресе и история деревни. На самом деле в музее отведено место жизни и творчеству не только Фарида Яруллина, но и его отца Загидуллы и брата Мирсаида Яруллиных.

Не секрет, что в творческой семье растут талантливые дети. Музыка в семье Яруллиных занимала большое место, и любовь к ней прививалась Фариду и Мирсаиду с малых лет. Думаю, что впоследствии они всегда вдохновляли друг друга.

Загидулла Яруллин является основоположником марша в татарской музыке. Он вел активную педагогическую деятельность. Стал первым учителем музыки своих сыновей. Его учеником был Салих Сайдашев. А лучшим другом был Габдулла Тукай. Потрясенный безвременной кончиной великого татарского поэта, Загидулла Яруллин написал «Марш памяти Тукая».

Старший сын Загидуллы Фарид стал профессиональным композитором, автором прославленного первого татарского балета «Шурале». Премьера балета состоялась в Казани в марте 1945 года. И очень жаль, что Фариду Яруллину увидеть свое детище на сцене было не суждено. Он погиб на фронте в октябре 1943 года в боях за освобождение Белоруссии. Ему было всего 28 лет.

Младший сын Загидуллы Яруллина тоже стал профессиональным композитором. Мирсаид Яруллин был не только талантливым музыкантом, но и педагогом, общественным деятелем. Он – автор первой татарской оратории «Человек» на слова Рената Хариса.

С большим интересом рассматривая семейные фотографии Яруллиных, я еще раз убедилась, что талантливая семья – явление поистине уникальное.

Есть в музее особо ценные экспонаты: личные документы, газетные статьи, афиши, шамаили, книги из личной библиотеки, наручные часы, разные музыкальные инструменты.

Конечно же, очень украсили музей вещи этнографического характера: татарская национальная одежда, обувь, головные уборы и предметы быта.

После замечательной экскурсии Дания, как истинная гостеприимная татарка, угостила нас ароматным чаем, вкуснейшими оладушками и чак-чаком.

Затем мы посетили еще одну достопримечательность деревни – сквер, посвященный Яруллиным. Как раз на этом месте, с левой стороны у входа в сквер, когда-то стоял маленький домик с соломенной крышей, где родился Загидулла Яруллин.

К сожалению, только из окон автобуса мы увидели красиво обустроенный родник и памятник труженикам тыла и детям войны. Поджимало время, мы торопились в Казань.

Всю дорогу в моей душе были неопишуемые эмоции от всего услышанного и увиденного. Гордость за славных, талантливых сыновей татарского народа переполняла мое сердце. Ведь они оставили незабываемый след в истории своей Родины.

*Фаткуллина Софья Ильдаровна
Рук. – Кирина Оксана Юрьевна
Республика Башкортостан*

Вспоминая своих близких...

Зеленый пригорок на краю села... Летом, конечно. Зимой здесь белым-бело. Каждый раз приезжая на свою малую родину в деревню Ишлы, я прихожу сюда. Долго сижу на вершине холма и смотрю на незатейливый, знакомый каждому жителю нашей республики пейзаж: деревенька под горой, голубая лента речушки без названия, полумесяцы, осеняющие места последнего покоя. И видится мне совсем другая картина, та, от которой сжимается сердце и перехватывает дыхание, о которой я слышала долгими зимними вечерами, а рассказать самой почему-то не хватает слов...

Август 1941 года. Суровое время испытаний для всего нашего многонационального народа. И для моей семьи, прапрабабушки Гульминур и прапрадедушки Гильмутдина. Жили они в селе Ишлы Аургазинского района БАССР. Растили пятерых детей, старшим был мой прадед Мидхад. Тяжело быть старшим в крестьянской семье, еще тяжелее, когда в неполные 11 лет ты остаешься за главу семьи. Дом, в котором они жили, стоял на окраине деревни. Каждый вечер выходила Гульминур за ворота и долго сидела на деревянной скамейке, которую перед уходом на фронт смастерил ее муж. Глядя вдаль, где одинокие березки шептались с говорливой речкой, а безграничное поле сливалось у горизонта с таким безмятежно мирным небом, она терпеливо ждала, гоня прочь страшные мысли. В это время ее окутывали попеременно чувства отчаяния, беспокойства, надежды. А самым страшным в эти дни для нее было ожидание прихода почтальона.

А Гильмутдин воевал, бил врага, шел вперед, не зная пощады. За дом на краю села, за детей и жену, за тот самый зеленый пригорок, где признался в любви Гульминур, где она согласилась выйти за него замуж. Прапрадед дошел до Польши... Шел 1944 год, оставалось совсем немного до Победы! Но... полетел однажды на его малую родину вместо белого треугольника надежды черный вестник официальной похоронки.

Пришел почтальон в их дом. Тогда Гульминур поняла все без слов. У нее перехватило дыхание, а по щекам покатились слезы. Читала она и перечитывала горькие строки: «...погиб 6 октября 1944 года... похоронен в Польше, Варшавское воеводство, деревня Погожелец...». Читала и понимала: нужно жить дальше, растить детей, хранить память о муже-воине.

Из пятерых их детей выжили трое, две девочки умерли от болезней и истощения. Повзрослел раньше времени Мидхат, стал своей матери опорой во всех делах. Но даже он не мог разделить горя Гульминур, взять на себя часть ее ноши. Лишь молча садился с ней вечерами на скамейку, заботливо брал за руку, всматривался в бесконечную даль и вспоминал: как ходил с отцом на рыбалку, как учил его Гильмутдин косить траву и смотреть за скотиной, как говорил ему, уходя на фронт: «Береги маму!».

Эту историю в нашей семье хранят как драгоценную реликвию. Приезжая в деревню, я часто перебираю содержимое старого серванта, где во множестве

завораживающих предметов: сервиз с цветочным узором, небольшая шкатулка, фотоальбом с пожелтевшими от времени фотографиями – лежит старая записная книжка. Это дневник моего прадеда Мидхата, в котором он описал свою жизнь в годы Великой Отечественной войны. Каждый год 9 мая мы перечитываем скупые строки и понимаем: мы не имеем права забыть об этом! И, садясь на деревянную скамью у ворот нашего дома, вспоминаем своих близких... без слов...

*Хахина Арина Александровна
Рук. – Зуева Наталья Викторовна
Владимирская область*

Детство, опаленное войной

Я медленно перелистываю страницы старенького семейного альбома, вглядываюсь в фотографии, которые с любовью собирала моя прабабушка Хахина Татьяна Константиновна. Тут снимки самой прабабушки, ее сыновей, внуков, правнуков, в том числе и мои. Особенно долго рассматриваю фотографии моей любимой бусечки. Так я называла прабабушку, когда была маленькой. Детских ее изображений совсем мало, да и не до фотоснимков было в то время. Детство было тяжелое, военное. В памяти всплывают воспоминания прабабушки, как кадры какого-то фильма.

Большое красивое село Борщово Навлинского района Брянской области. Обычная семья, разве что мамы нет: она умерла задолго до войны. Отец один воспитывал пятерых малолетних детей.

Фашисты пришли в село летом 1941 года. Тане было 10 лет. Ее родное село Борщово оказалось на самом острие удара танковой группы под командованием Гудериана, которому по плану «Барбаросса» предназначалось взять столицу нашей родины Москву. За короткий период времени село трижды переходило из рук в руки, потому что на колокольне храма расположились советские пулеметчики и отважно противостояли врагу. В тылу у немцев активно действовали партизаны. В селе постоянно были слышны взрывы: на двух железнодорожных станциях, расположенных рядом, рвались составы с техникой, нефтью, бензином. Вскоре фашисты привлекли карательный отряд белофиннов и артиллерию – храм был разрушен, и немцы вошли в село.

Оккупанты выгнали жителей из домов, и семья Тани весь август ютилась в подполе. Несколько дней фашисты бесчинствовали: устраивали показательные расстрелы и повешения местных жителей и плененных бойцов Красной армии, а трупы сваливали в овраг сотнями. Натешившись в полной мере, изверги сожгли село, а оставшихся жителей, в основном стариков, женщин и детей, погнали в неизвестном направлении.

Жара в тот август была нестерпимой, люди шли чуть живые, некоторые падали в обморок. Таня с сестренкой решили сбегать в соседнюю деревню за водой, а это время односельчан угнали дальше. Так девочки остались одни. Вскоре их обнаружили немцы, присоединили к группе таких же детей и загнали в товарные вагоны. С детьми обращались довольно жестоко. Как проклятье, по-

стоянно звучала фашистская команда «Киндер, шнель!», от которой у Тани ползли мурашки по коже.

Дети думали, что их отправят в Германию, но в постоянных разъездах они пережили всю зиму 1941 года. Пленных детей немцы использовали в качестве живого щита для дислокации военной техники и солдат. Детишки в легкой одежде, летних ботиночках, а за окном –30. Хлеба давали по кусочку, кружку кипятка на четверых в день – как тут выжить? Смертность была повальная.

Весной 1942 года «детский эшелон» загнали в Барановичи, где фашисты к тому времени развернули гетто для малолетних узников, среди которых были не только русские, но и чехи, болгары, французы, австрийцы. Жили они в обнесенном колючей проволокой скотном дворе, настил из досок был только посередине, с боков от него солома, на которой и спали вповалку детишки военного лихолетья. Работать их не заставляли: ребятишки были так слабы, что с трудом выходили за скудным пайком. Иногда по ночам белорусские крестьянки, несмотря на запреты и лающих немецких овчарок, подходили к ограде и перекидывали кусочки хлеба, овощей. В этом лагере смерти от истощения и болезней умерла половина согнанных подростков.

После начала победного наступления русских войск истощенных детей вновь затолкали в вагоны и отвезли в Закарпатскую область Украины. К счастью, из-за стремительного наступления Красной армии малолетних узников не успели отправить на Запад.

В октябре 1944 года Таню вместе с другими ребятишками освободили. Измученных детей сначала пригрели служители женского монастыря, а через месяц отправили в Мукачевский госпиталь, где добрых полгода лечили и откармливали – русские ни своих, ни чужих детей в беде не бросают.

После войны Татьяна попала в детский дом. В нем однажды появились «вербовщики» из Камешкова – приглашали на работу ткачих. Она согласилась и приехала в поселок им. К. Маркса, где проработала ткачихой больше 20 лет. Она вышла замуж и вместе с мужем жила в деревне Шухурдино. У них родились три сына, один из которых мой папа...

Я закрыла альбом и какое-то время сидела, думая о прабабушке. Она видела все – раненых умирающих красноармейцев на улицах родного села, сожжение односельчан в сараях, бомбежки, артобстрелы, голод и смерть своих ровесников – таких же мальчишек и девчонок. Как-то, слушая ее рассказ о военном детстве, я спросила:

– Бусечка, а как же ты смогла выжить?

– Наверное, только Божьим промыслом все случилось, – тихо ответила она и кивнула на образ Николая Святителя в красном углу...

Почти восемьдесят лет назад закончилась страшная война. Мало осталось людей, которые участвовали в жестоких боях, немного и тех, чье детство выпало на военные годы. Моя прабабушка умерла четыре года назад. Давно была война, но память о ней жива до сих пор. Память о трагических днях передается из поколения в поколение, и мы должны ее сохранить, иначе все повторится, и содеянное будет еще ужасней.

Яблочный ежик

У всего в этом мире своя история. У камня, травинки, ежа, человека. Да вон хотя бы у того облачка, которое оторванно следует в юго-восточном направлении. Облачка, похожего на яблочко. Круглой формой, созвучием слов «облачко» – «яблочко», «облачный» – «яблочный». Может, эти явления бытия и по вкусу похожи, да ведь никто не пробовал облака на вкус. Может, они, как сладкая вата или как мороженое (это скорее всего), может, у них, не у всех, у некоторых, – яблочный оттенок на небе. И привкус на небе. Тут надо спрашивать конкретнее у дегустаторов облаков. Или у поэтов. А они напишут как-нибудь эдак: яблочное облако. И горды собой. Потому что не просто так, а еще и аллитерация. И ведь приходится им верить на слово. Им-то что, никакой ответственности за свою писанину! Тут, безусловно, больше доверия к дегустаторам облаков, чем к поэтам, те хоть профессионально занимаются своим делом. Но проблема в том, что их набирают туда из поэтов, иначе никак. Я считаю, что стихоплетов надо заставлять объяснять, почему они выбрали такой-то образ, на каких основаниях появилась эта метафора. Чтобы не ставили в тупик читателя своими «яблочными облаками». Они ж не для себя пишут, не в стол, а для общественности, а потребитель должен знать состав продукта. А поэту, который пишет, как дышит, органично, естественно, доходчиво, – можно и к ногам упасть. Подбери, съешь меня, на здоровье!..

Еще немного о яблочном облаке. Сначала оно – будто часть бело-серого материка, потом отделяется от него совершенно суверенитетным и нахальным образом. Округлый, тучный оборвыш. Тучный – это значит и толстенький, и от тучи отпочковавшийся. Простое скопление капель воды в неба – а поди ж ты: для кого-то это барашек, для кого-то футбольный мяч, который немного сдулся. А для кого-то, уж совсем с большим воображением – небесное яблоко. И дальше – сколько взглядов, столько и образов: льдина в северных морях, кофейная пенка (а кому и пивная!), собачка болонка. И каждую секунду это облачко незаметно меняется. Зато у него свой путь – от барашка до болонки, от ватного мячика до ватного диска.

У какой-нибудь амебы этот путь гораздо короче. Она только делится, кушает, шевелит ложноножками и ложноручками, ни о чем не задумывается ложномозгом и ничего не чувствует ложносердцем. И так до тех пор, пока ее не съест иной незамысловатый организм, либо среда обитания станет неблагоприятной, а также четверг обитания, пятница, выходные, не говоря уже о понедельник. Даже не знаю, кого благодарить за то, что я не амеба.

Есть собственная история и у меня. Разрешите представиться: я – яблоко, сорт «антоновка», русское по национальности. Только вот не надо скептических замечаний, я действительно русское яблоко, недалеко падающее, согласно пословице, от своей яблони. Мне, а особенно моей яблоне, не надо объяснять, что такое родина.

Считай, жизнь состоялась и удалась, если ты принесло пользу: попало в пирог, овареньилось, обратилось в мармелад или пастилу и много-много радо-

сти детишкам принесло. Так ведь нет: продолжается вселенское яблочное грехопадение. Я уж молчу про то, что кто-то додумался так политическую партию назвать. Падаем, падаем, падаем, катаемся по земле неприкаянно теннисными мячиками, устилаем собой траву, а то и сырую землю. Редкая птица поклует нас, редкий еж взгромоздит на свою натруженную колючую спину. Да и не едят обычно ежи яблоки, не обольщайтесь, картинка все это из букваря. И лежат наши яблоки под дождями, гниют, падают-пропадают, и питается дерево киснущими соками своих детенышей. Раньше, говорят, винный заводик работал недалеко, население туда излишки яблочные сдавало. И делали местное вино, в народе его «жмыревкой» прозвали. Попавшие в «жмыревку» не чувствовали себя словно куры в ошипе, напротив, гордились, что пошли на радость людям да на веселье. Потом заводик разворовали, ометаллоломии, «жмыревка» иссякла, уступив завозному французскому вину. В России, знаете ли, так заведено: или гордиться своим величием до раздувания щек, ощущать себя пупом земли или напротив, посыпать себя пеплом, упиваться уже своим ничтожеством, боготворить все забугорное. Никогда нет взвешенной золотой середины. Железа много – толку мало. Кстати, о Франции, естественно, прекрасной. Ну вы знаете, там, где изобрели гильотину, с которой четко срезаемые головы, словно круглые фрукты с глазами, катились вприпрыжку в корзины, брызгая красным соком урожая революций. Но сейчас такого давно нет, и мы, русские яблоки, завидуем нашим французским коллегам. Пуркуа? Да потому что их не забывают, собирают и пускают в дело. Селяви. Из них сбраживают сидр, потом из него дистиллируют яблочный бренди, потом годами выдерживают в дубовых бочках, получается кальвадос. Эта прелесть соломенно-золотистого цвета оказывается на столах у французов, у которых и так там сыры, трюфели, багеты и устрицы. Яблоки, попавшие в кальвадос – страшно довольны. Вот уж где трансформация в иные воплощения. Бон аппетит. А что пьют русские – мы стыдливо умолчим. При случае – французский коньячок, но нечасто. Спросите, откуда мне это известно? А у нас, знаете ли, общемировая межяблочная связь. Яблочный интернационал. Яблочный интернет. Ну что ж, кому Нормандия, а кому – Карповка. Где родился, там и пригодился. Если повезет.

Если честно, новости мы узнаем от перелетных птиц. И от залетных. Они садятся на ветви, чирикают, свиристыят, хлопочут, но самое главное – рассказывают. Вот кому мы никогда не доверяли – это сорокам, которые новости приносили на хвосте. Те еще слухмейкеры. Болтушки-каркушки. Одно дело – новость, а другое – как ее прочирикать, на что сделать акценты, как перевернуть, что добавить. Однажды сороки поведали, что на границе наши тракторы закапывают в землю польские яблоки, якобы потому что нельзя, санкционка-запрещенка. Я, конечно, не поверила в эту дичь. Ладно яблоки пропадают по безалаберности, их собрать и переработать некому, или есть кому, но – лень. Но чтобы специально давить, тратить солярку, рабочее время тракториста, заплатить ему за это зарплату, не пустить эти яблочки, пусть польские, на пюрешки детям... Нет, это в моей голове не укладывается – а я и есть по форме – одна сплошная голова, у меня нет ни ручек, ни ножек. Только кожа, сок да косточки. Это же получается «ни нашим, ни вашим», «ни себе, ни людям». Нет,

этого определенно не может быть! Ну как после этого можно вообще верить сорокам?!

Признаюсь, есть у меня небольшая проблема гендерно-лингвистического свойства. Я не могу определиться со своим полом. Так, хватит ухмыляться и говорить всякую чушь. Как вам не стыдно? Что только у вас на уме? Я – про грамматический род. Если яблоко, то я – оно. Если я фрукт – то он. Если «антоновка» – она. Так что о таких вещах не только люди задумываются, но и яблоки. Поэтому прошу меня заранее извинить за то, что я, рассказывая о себе, употребляю разный род.

Люди вот утверждают, что происходят от Адама и Евы. А значит, все яблоки на Земле ведут свое начало с того Пряблока, которое вкусила любопытная Ева и соблазнила им своего напарника по раю со словами «накося, выкуси». Тот выкусил. Что было дальше, вы знаете, наверняка читали. Поэтому каждое современное яблочко, даже невзрачная ранетка, в чем-то – плод познания. Не зря же оно красуется на самых передовых компьютерах и айфонах. Лично я – очень любознательный фрукт, уж если смотрю, то во все стороны сразу. Есть такое словосочетание – «глазное яблоко». Не груша, не апельсин какой-нибудь. А все из-за пытливости природной.

Все-таки такой, казалось бы, несложный плод, а символикой напичкан сполна, всякими аллюзиями и коннотациями. Например, целеустремленность. Не просто так говорят: «попасть в яблочко». Это значит «влупить в самую середку мишени». Вы понимаете, как это горько для яблока – быть бесцельным?

Не будем заглядывать далеко в древо моего происхождения, копать в корнях, стволе, ветвях и веточках. Со времен Адама пролетело много лет. Начнем с моей матери-яблони. Посажена она была трудолюбивым Андреичем в Карповке, это в двадцати километрах от Засмотринска. Мне мать рассказывала, что знала Андреича с самого детства, с ее детства, когда была юным двухлетним саженцем. Все у него спорилось: дом был справный, выглядел бревенчато, ухоженно, покрашенно, как что покосится – сразу чинит, инструментов у него в гараже – на любой ремонтный случай. И стоял там белый – не конь – «Запорожец», мечта советского трудового человека. Банька по субботам, – круглогородично. В Карповке гадали: если из трубы у Андреича идет белый дым, – у всех все будет хорошо, поля будут колоситься, колхозное стадо тучнеть, засухи и хляби минуют простой народ, в засмотринском озере еще долго не закончатся рыба и русалки, а в лесу – белые и лисички. А если черный дым – жди беды. И сам хозяин прихворал, и в мире неладное творится. И сам Андреич был смекалистый. Главный агроном в колхозе «Светлый путь». Что вы хотите, тогда на таких должностях дураков не держали. От него все зависело: и урожай, и надои, и техника. Управлять большим хозяйством – это вам не празднично на дереве висеть, соком наливаясь. Считаю, не председатель там самый начальник был, а Андреич, все с ним советовались: когда сеять, когда убирать, какое поле под какую культуру, какое – под пары, каких удобрений куда надо. Что интересно – особо не пил, как остальные мужики, небезответно любил свою женушку, растил двух дочек – Анну и Лену. Заложил свой сад, яблонь было не меньше десятка, разных сортов – летние, осенние, зимние, груши, вишни, сливы. Пона-

ставил ульев, пчелки в наших ветвях паслись небесными овечками. И отродясь не знал никто никакой химии, если кого когда и опрыскивали, то настоем махорки, это от тли. В общем, дом Андреич построил, дочек вырастил, и деревьев насажал дай бог.

Яблоня расцвела, заплодоносила на полную мощь. А вот Андреич немного приувыл. Анна и Лена уехали из родительского дома, изредка позванивают. Хозяин продолжал копаться в пчелиных домиках, разговаривал с жужжащей сестрией, ловил дурные рои на шест с тряпкой, которая пахла прополисом, подкармливал, согревал, возился с рамками, словно художник с картинами. И благодарные пчелы изображали для него такие медовые натюрморты, что любодорого. Кабы не прилетевшая тогда в мае пчелка от Андреича, то меня бы, может, и не было. Деловито проинспектировала, потыкалась в тычинки-пестики, потревожила лепестки. До сих пор вспоминаю о ней с благодарностью. Сейчас немодно хвалить тружеников, нынче блогеры и тик-токеры в почете. Никому обычная пчела не интересна. А, между прочим, она как вид существует на Земле миллионы лет, тогда еще никакими блогерами не пахло.

А вот теперь предлагаю переключиться с пчел на ежей. С чего бы? А вот слушайте. Дело было в августе в той самой Карповке, когда к Андреичу все же приехали погостить дочери с мужьями – Анатолием и Толяном. Почему супруг Анны был Анатолием, а не Толяном – понятно: владелец автосервиса, уважаемый и состоятельный, с брюшком, в очочках в дорогой оправе и в солидной джипообразной машине. Молодец Анна, урвала себе мужа, разглядела в нем в свое время потенциал. Знаете, как смотрел Анатолий на «Запорожец» Андреича? Как смотрят первоклассники на детсадовцев, как сытый зажавшийся кот на дешманский корм, владелец «тринадцатого» айфона – на обладателя «одиннадцатого». Да Ленин на буржуазию благосклоннее взирал! Для Анатолия все было скорее недоразумением: и ископаемая машина Андреича, и сам Андреич, и Карповка, где глушь, грязь и забытие. Жопа мира, в которую ему по стечению семейных обстоятельств угораздило заехать на своем японском серебристом многолошадном полноприводном красавце. Он ходил по саду, где были организованы шашлыки, со скучающим видом. Его озадачивала мыслительная развилка: либо выпить под шашлычок, но тогда придется ночевать в этой забытой богом, людьми и правительством деревушке, либо из уважения к тестю побыть немного, но вечером укатить в Засмотринск. Анна и сын Данил, «прошаренный» в интернете тинэйджер, – пусть остаются, если хотят, ему не жалко. Мне его душевные муки были хорошо видны с яблони, на которой я, рядовое яблоко, зависало и взирало на все с высоты, как огромный желтый значок. Мне тогда не было одиноко, множество моих коллег, моих братьев и сестер, смотрело на мироздание с веток, как болельщики с трибун. Кто-то уже сорвался вниз, при этом ни один Ньютон не пострадал. И валялся самым беспечным образом. Кто-то вскоре попадет в варенье, кого-то ждет компотное будущее, кого-то заквасят вместе с капустой, учитывая нашу антоновскую породу. Кто-то десантировался на землю под весом собственной гордыни, а также при помощи ветерка, от потрясений стволовых основ. Никого тогда не точили черви

сомнений, никто не задавался вопросами: как жить дальше и зачем. Мир был ясным, прозрачным, теплым и безмятежным.

А вот муж Лены был антиподом Анатолия. Не сказать, чтобы Толян был прост как ситцевые трусы. Тем более простота ситцевых трусов достаточно иллюзорна, мифологизирована и поддерживается скорее мыслительными привычками людей, их суевериями. В любом случае, если вы решите загадать желание, находясь между Анатолием и Толяном – оно не сбудется. А причина тому – именно Толян, на него не стоит рассчитывать, спросите у Лены и дочери Алиски, восемь лет, второй класс Засмотринской школы №5. Если Анатолий был растением культурным, ухоженным, требовал подкормки импортными удобрениями, ежедневного денежного полива, обрезки веточек и прочего садоводческого внимания, то Толян по жизни был дичком, сорняком, дикоросом, питался солнышком, алкогольным дождичком, пускал побеги как попало и как придется. Перебивался шабашками, сторожил детский садик, его же обходил с метлой летом и лопатой зимой, любил фотографировать природу, кормить голубей и тараканов в своей голове, а также щедро им наливать. Попойки Толяна с собственными тараканами не радовали Лену. Он был очень душевный, добрый человек, иначе она, обычный кассир в продуктовом магазине, с ним бы рассталась. Это, конечно, старомодно и архаично, но она считала, что деньги – не главное. Так считал и Толян. Вот поэтому и приехали они сегодня в Карповку на рейсовом автобусе. А просить подбросить респектабельного Анатолия – себе дороже. Это чувствовать себя обязанным, и потом у него это будет все равно небесплатно, придется «подкинуть на бензинчик». Не-не, не будем беспокоить занятого человека, мы как-нибудь сами, своим ходом...

И сегодня Толян, не будучи за рулем вообще, по жизни, обязательно выпьет под шашлычок, деревенский воздух, тлеющие березовые угли, неспешность. Пофоткает красивые виды вокруг: овраг, холмики, лес, уходящий вдаль, изгибы местной речки Кушолки, но это вечером, когда свет для съемки будет мягкий, а еще – закат. Сколько у него этих закатов... Лена прямо ревновала его к этим пейзажам: нет чтобы ее почаще запечатлевал, – так упрется куда-то, выпьет и «щелкает». Другие-то мужики в тридцать шесть серьезными вещами занимаются, вот Анатолий опять же, а этот – все «щелкает», щелкунчик. Да, чего-чего, а Толян был настоящим язычником, то бишь поклонялся природе во всех ее проявлениях, восхищался ею, любил ее. Ясен пень, кто мне как яблоку был из этих двух мужей ближе и милее.

Итак, семья Андреича в сборе. Беседка, увитая виноградом, салатики из местных огурцов-помидоров, мясо с мангала, коньячок – мужичкам, вино – женушкам, сок – Данилке и Алиске (двоюродный брат свою сестру тут же Аляской окрестил).

– Ну вот, – говорил молодящийся Андреич в старомодной кепке и рубаше, которая помнила еще Брежнева. – Кур держу, гусей держу, пчел держу, сад-огород, «Запорожец» – и тот держу. Шуршу пока, и в отставку не собираюсь... Да, баня натоплена, вечером попаритесь. В городе такой нету. Веники березовые, дубовые – на выбор. А если вот, допустим, женщины щас такие деньжищи в салонах красоты оставляют, кожу натягивают, с морщинами воюют. А ты

сходи в баньку, медом лицо помажь, посиди маненько, и будет, как попка младенца...

Компания смеялась, шутила, выпивала и закусывала. Анна и Лена прекрасно ладили. А вот Анатолия и Толяна разделяла огромная имущественная, духовная и алкогольная пропасть. Контакт не получался, разговор не клеился. Ну не может у подвыпившего шалопая что-то срастись с расчетливым, трезвым, деловым, представительным и состоятельным.

– А ты, Толик, чего, как неродной? – обращался к владельцу автосервиса Андреич. – В завязке что ли? Ты давай-ка, не отрывайся от коллектива, внедри за мое здоровье и за мир во всем мире.

– Спасибо, я за рулем, мне сегодня надо по делам, – вяло сопротивлялся Анатолий Константинович, столь стремительно в устах тестя ставший «Толиком».

«Толька-а!.. Рюмка водки на столе...», – пел из соседнего дома певец Лепс. Туда сегодня тоже родственники приехали.

– Это знак! – сказал Толян.

– Ну не хочет – не надо, – вступилась за мужа Анна. Она и так беспокоилась, что супругу тут некомфортно.

– Хозяин – барин, – изрек Андреич, – на троих-то было бы сподручней, по-мужски... Тогда сок! Яблочный.

– Как нам! – сказала Алиска. – Как детям!

– Ну, может, разве что пивка маленько, – грустил в ответ Анатолий, – к вечеру проветрится. А то шашлык с соком – это уж совсем...

Алиска нашла себе занятие: притащила мою коллегу-яблоко и стала втыкать в нее спички – ежика ваять. Глупости, что спички детям не игрушка. Очень даже развивающий материал для поделок. Глазки, носик. Получился – яблочный ежик. «Хорошо, что у нынешних детей – такие ежики. А не как у наших родителей были – противотанковые», – подумал Андреич и вспомнил один случай из молодости.

– Как-то давно мой товарищ-моряк Гриша Коробейников приехал ко мне в гости в Карповку и привез редкий деликатес. Икру морского ежа! А тогда в нашем колхозе никто отродясь не пробовал на вкус такую диковину. Бананов с ананасами не видели, а уж такое...Взяли самогонки, сели. Ну, думаем, щас закусим гостинцами от морского царя. Оп-па, а они – какие-то непонятные, непривычные, хрен пойми какие... А продукт дефицитный, дорогой. И сидим, как дураки, смотрим друг на дружку...Куда этому ежу заморскому до нашего советского огурца соленого, родного яблока моченого...

Болтали о том о сем. Как там в городе. Как у кого с работой. Как с отпусками. Что там на международной арене. Шашлык был, судя по довольным лицам, великолепен. Андреич умеет. Он как-то их вымачивает в минералке, со специями, как-то так томит мясо, что ух... Яблони шелестели, яблоки переговаривались, обсуждали эту забавную людскую компанию. Здорово, когда стол в саду объединяет обеспеченную домохозяйку-модницу с простой продавщицей, бедного фотохудожника и «упакованного» водилу люксового джипаря, шестиклассника, завсегдатая игрового виртуального пространства, и второклассницу,

которая еще неизвестно кем станет и чем займется. И все это – дома у Андреича, он – связующее начало, он – корень и основа семейного дерева. А на этом древе в том числе и такие, как я, незатейливые плоды, висят.

Итак, о ежиках. Вы уже замучили вопросом: причем здесь они? Погодите. Сейчас они выползут и станут полноценными действующими лицами. Вот жара спадет – и они появятся, зашуршат в траве вдоль грядок. Днем они обычно отсыпаются, охотятся ночью. Но ежикам ничто человеческое не чуждо, особенно любопытство. И я их хорошо понимаю. Мне-то с дерева все видно хорошо. А они, семья из мамы, папы и трех ежат, учуяв шашлык, (а может и коньяк, не исключаяю) решили выйти на разведку. Ежу стало непонятно, откуда веет впускающими. А за ним – чего в укрытии-то сидеть! – потопали все колючие домочадцы. Главного ежа звали Василич, не спрашивайте почему. Ежиху – Спиридоновна. Детей – Еж-1, Еж-2 и Еж-3. Буквально накануне среди ежей произошла дискуссия: где удобнее гнездоваться в пределах дома Андреича. Василич выступал за пространство за поленницей, Спиридоновна ратовала за большую кучу веток и прошлогодних листьев. Вот и решили выдвинуться на рекогносцировку и анализ предложенных вариантов на месте, как говорят, в натуре. А тут еще так шашлыками пахнет, аж иголки дыбом встают от аппетита. До сих пор не могу ответить себе на вопрос: чего в ежах больше – отважной рассудительности или здорового авантюризма.

Навстречу ежам выдвинулись человеческие дети, мальчик и девочка. Это на толерантном Западе их именуют, как ежей: ребенок-1 и ребенок-2. Чтобы не дай бог не обидеть мальчика, если он не мальчик, и девочку, если она не девочка. Мне в этом смысле проще: я могу быть и фруктом, и яблоком, и антоновкой. Людям хуже: мальчик часто хочет быть мужиком, мужик порой чувствует себя пацаном... Насколько я понимаю, ежи хотят быть только ежами. Не будем их за это осуждать.

В районе бака с водой и кустов смородины ежики и люди встретились. Дети закричали от радости, ежики свернулись в клубочки. Данилка и Алиска ходили вокруг них, говорили: «Ух ты, какие...». Потом Данилка побежал в дом за строительными перчатками, мама девочки стала кричать из-за стола: «Алисочка! Только руками не трогай!».

Ну, щас. Если что-то плохо лежит, если кто-то куда-то бежит, если где-то что-то растет – это надо взять с собой. Зачем? Занадом!

А тут очень вовремя Данилка с «ежовыми рукавицами» подрос. Сам надел, дал Алиске. У взрослых свои дела, у невзрослых – свои. Мальчик взял на руки Василича, – тот шипел и дергался. Алиска взяла ежонка. Остальные члены ежиной процессии ретировались. «Ну что за люди эти дети! – возмущался Василич. – Ну почему нельзя просто поиграть в прятки! Куда вы нас тащите?! Я буду колотиться!».

А тащили дети понятно куда: показать мамам и папам.

И если мамы однозначно выразили свой протест и призвали детей немедленно отпустить пленных восвояси, то Анатолий с Толяном опять выказали свою диаметральность. Бизнесмену было по большому счету пофиг, потому что принесенный сыном еж никак не влиял на его доходы и расходы. Скучно ему

здесь. Скучно все, что не приносит денег. Толян же оживился и немедленно взялся на фотокамеру, дабы запечатлеть такую милоту: ежонок у дочки в руках. Знаете, кого напоминал маленький ежик? Правильно: яблочко, утыканное спичками. И только Андреич улыбался спокойно себе в усы да в бороду: ежи у дома – добрый знак, значит, потенциальным и действующим мышам здесь не-сдобровать.

Вокруг ежей наблюдалось оживление. Не зря внуки приехали в гости к деду. Будут потом одноклассникам рассказывать. Фотосессии был удостоен и еж Василич. Только вот беда: мордашку он свою выказывать из принципа не желал, что не устраивало фотографа. Колючий мяч – и все. А где ежиные любопытные глазки? Где усики? Зубки?

Да, где зубки? Подвыпивший фотонатуралист протянул руку к ежу, чтобы его погладить. Логика была такова: ежу станет интересно, а тут Толян раз – и сделает несколько прекрасных кадров. В целом это был верный план. Однако подвели нюансы и теория вероятности. Василич действительно высунул нос из своего колючего облачения. Но при этом им руководило отнюдь не любопытство, а возмущение вперемешку с отчаяньем. Выпад был стремителен, как у большинства хищников в фильмах про природу. Еж воткнул свои зубы в палец Толяна по самое не балуйся. Любитель фотопейзажей и выпивки заорал протрезвевшим раненым медведем. Василич не стал искушать судьбу и, улучив момент, пустился наутек. Вы спросите: каков при этом был Василич? Отвечу: был таков. Алиска хлопала глазами, все еще держа ежонка. Андреич уже не улыбался – он хохотал, заливисто и добродушно.

– Еж твою мать! – недоумевал Толян, обиженный враждебным проявлением представителя фауны средней полосы России и выпячивая окровавленный палец, словно древко непокоренного знамени.

– Че орешь, как укушенный? – укоризненно говорила супружница Лена, не разделяя глубины нанесенной ежом обиды и подвергая сомнению серьезность раны, – дай-ка продезинфицирую!

Она плеснула на свою ладонь из бутылки коньяк, потом схватила Толяна за пострадавший средний палец. Толян зашипел от жжения, прямо как еж. Мало того что неблагодарный зверь причинил боль, тут еще и дорогой коньяк (французский, между прочим!) расходуется, нет, транжирится самым вопиющим и бессердечным образом! Весь мир против Толяна. Вплоть до распоследнего ежа.

Но дальше – больше. Еж стал смыслообразующим стержнем того, все равно замечательного, августовского дня. Он стал предметом обсуждения семейного совета. К распухшему пальцу прилагался целый Толян, и ему было уже не до отдыха на природе.

– Еж мог быть бешеный, – с подлым хладнокровием произнес Анатолий. Уж он-то, человек рациональный, точно никогда не будет никому в морду опрометчиво пальцем тыкать, потому что надо просчитывать последствия и риски.

– Конечно, бешеный! – с готовностью подхватил Толян, вяло надеясь установить с бизнесменом хоть какую-то эмоциональную общность.

– Ты не понял. Еж может быть заражен бешенством. Как собака или лиса. Если он заражен, то и ты теперь.

– И что – теперь?

– В больничку тебе надо. Иначе помрешь.

Эти слова Анатолий произнес с плохо скрываемым удовольствием.

Толян сидел с видом глупым и растерянным. Алиска наконец отпустила ежика, и тот побежал прочь от этих безумных людей.

– Передай папе, что он козел! – прокричал Толян вслед ежонку.

Анатолий усадил надкусанного Толяна в свою машину и увез в засмотринский травмпункт. Для него это был хороший предлог уехать из Карповки, места, где ему было тоскливо и безбизнесно. А Толян не дождался в тот день своего пейзажно-яблочного заката в окрестностях Карповки.

В каждом яблоке есть что-то от плода познания. Поэтому я знаю, что случилось дальше.

Толян зашел со своим средним пальцем в травмпункт и предъявил его медикам. Те спросили: какое животное вас укусило? Это важно, потому что его надо изловить и держать в клетке, дабы посмотреть, сдохнет ли оно в ближайшие дни в судорогах и истекая слюнями. Толян ответил, что это невозможно, ибо того ежа и след простыл. Врачиха и медсестра давай угорать: ха-ха-ха, так это был еж?! Ха-ха-ха!

Вот тебе и «ха-ха»: Толяну прописали курс профилактических уколов от бешенства, иначе – возможен летальный исход... Но это – не самое страшное. Во время уколов и еще полгода после – **КАТЕГОРИЧЕСКИ НЕЛЬЗЯ ПИТЬ. КАТЕГОРИЧЕСКИ!**

Вот так еж Василич закодировал фотохудожника Толяна.

Прошло несколько месяцев. Трезвенник поневоле, Толян устроился каменщиком-бетонщиком в строительную организацию, приносит жене хорошую зарплату. Зачем ему теперь зарплата? Жена в нем души не чает. Вспоминает о Василиче с благодарностью. Все у них в семье хорошо. И все хорошо будет, никто в этом не сомневается.

Данилка, кстати, очень подружился с того августовского дня с дедом Андреичем. Внук завел особую страничку в интернете, посвященную «Запорожцу». Выкладывает видосики, как этот чудо-автомобиль ездит, как его Андреич ремонтирует, как на него реагируют гаишники. Даже Анатолий этой темой проникся, оказывает всяческое содействие в своем автосервисе. Страничка называется «Запорожские казаки». Куча лайков, толпа подписчиков. Со временем этот проект принесет хорошие денежки от рекламы, а сама машина когда-нибудь будет продана на аукционе как ценный раритет. Никогда у Андреича не было мысли избавиться от своего белого друга, старого верного коня, который был больше похож на пони. Чинил его, смазывал, заказывал запчасти, которые было достать все труднее. Но в итоге конек-горбунок на колесах оказался полезным. Главное – идти, ехать своим путем, слушать свое сердце, доверять самому себе. Быть собой. Быть Андреичем.

...Сегодня Андреич привез меня на своем легендарном «Запорожце» на рынок Засмотринска. Вместе с моими собратьями-яблоками, грушами, а также

с трехлитровыми банками с цветочным медом. С двумя огромными тыквами, пузатыми, самодостаточными, которые даже никогда не мечтали о том, чтобы превратиться в кареты, их собственная тыквообразность вполне устраивала. Три банки хреновины, закуска такая из перетертого хрена и помидоров. Иные хрен не выносят, морщатся, фуффукают, другие – боготворят и славословят. И те, и другие – за одни и те же хреновые качества и свойства. Я уж молчу о самом словосочетании «хреновое качество». Хреновое качество для хренодера означает «отличное». Или выросло, к примеру, у вас это огородное растение большим-пребольшим, как сказочная репка, таким, что в его тени можно от зноя укрыться. Плоха ли будет сия хренотень? Отнюдь! Она будет приятна и благодатна.

Сегодня, в туманный осенний день, многие продолжают посмеиваться над Андреичем, над его раритетным, архаичным «Запорожцем». «Гляньте, «Запор»! Еще на ходу! Как его в ГИБДД еще зарегистрировали? Как на него техосмотр и страховку оформили? Он, наверно, еще гражданскую видел? Когда были не тачки, а тачанки?» А в «Запоре» – кому ж там еще быть – экий прикольный дедулька, с бородкой, в кепке, в тулупе камуфляжном, чего-то на рынок привез. «Как у него этот музейный экспонат завелся вообще? Как по дороге не развалился?». Едет Андреич, а ему сигналят, на смартфоны снимают. Настроение сразу у всех приподнятое.

Извини, Андреич, взыграла во мне колобочность. Соскочило с прилавка, качусь по рынку, как шар в спортлото, может, я чей-то счастливый номер... Туман, спустившийся на Засмотринск, отчасти скрывает мою дерзновенную диверсию. Успею еще попасть кому-нибудь на закуску, успею...

Какие отовсюду запахи! Рынок – тут всегда надо нос по ветру держать, всегда здесь есть чего поразглядывать, можно поторговаться вволю. Картошка-моркошка, рыба пучеглазая, квашеная капуста, горы фруктов. Мастер ключей склонился над своим станочком, искры из-под заготовки. Китайка, ремонтирующая молнии на обуви и одежде, («...женский русский так не может...»). Южане с курагой, пахучими специями. «Памидорка сладкий, за сорок рублей отдам!». Яблоки, кстати. Привет, друзья! Мед, молоко. Мороженое, как концентрат облаков. Одежда, посуда. Штучки, штуковины, штуkenции. Мясные ряды. «Говядинку берем, молодые люди!». Чебуреки, блины. Гуси, утки. Говорят, много нашего брата в гусей под Новый год бывает понасовано...

Эх, яблочко, куда ты котишься, дай ответ...

*Чернова Виктория Станиславовна
Рук. – Сырцева Елена Владимировна
Пензенская область*

«Я верю, я знаю – мечте моей сбыться...».

Творчество пензенского композитора Петряшевой Анны

Меня зовут Чернова Вика, и я учусь в 1 классе в музыкальной школе на хоровом отделении. Я обожаю все, что связано с музыкой, и мы с мамой часто слушаем детские песни. Недавно я посмотрела клип Марии Мироновой «Сво-

бодная птица» и мне захотелось узнать, кто написал такую красивую песню. Как же я удивилась, что композитором оказалась Анна Петряшева! Я уже слышала ее песни и знаю, что она из моего города – Пензы. Тогда мы с мамой решили провести небольшое исследование и узнать подробнее про Анну Валентиновну, потому что она очень-очень талантливая поэтесса и композитор. Вот результат, знакомьтесь.

Она родилась 29 марта 1979 года в городе Пенза. С самого детства Анна любила музыку и даже окончила музыкальную школу по классу фортепиано. Самый любимый ее предмет был сольфеджио, как и мой. Она могла легко справиться с любым сложным музыкальным диктантом и быстро подобрать мелодию на слух.

Первые песни и музыкальные пьесы написала, еще учась в школе. В 6 классе создала свою первую группу под названием «Мини». Анна была солисткой, играла на клавишном инструменте и писала песни.

В пятнадцать лет она создала студию эстрадной песни под названием «Поющий островок». Представляете, она была самым юным и талантливым преподавателем! Несмотря на ее возраст, ее ученики выступали на конкурсах российского масштаба и на фестивалях международного уровня.

Ее музыкальный стиль нежный и мелодичный и даже волшебный. В институте она проходила обучение по двум отделениям – музыкально-педагогическое и англо-педагогическое. Окончив институт, Анна переехала жить в Москву. И работала там в театре детской песни «Талисман» под руководством очень известного композитора Евгения Крылатова. Анна всегда была творческой и энергичной, и в 2008 г. у нее появился свой сайт. Там она стала опубликовывать свои песни, написанные для детей, и песни Анны стали известны взрослым и детям. Вскоре ее песни начали звучать на радио и телевидении.

Песни стали звучать на больших и серьезных конкурсах и даже участвовали в национальном отборе на детское Евровидение. Одна из песен Анны Петряшевой в 2020 г. заняла первое место в Национальном конкурсе «Детское Евровидение» и представляла Россию в Польше.

Чем мне нравятся ее песни? В них поется о маме, детстве, животных и природе. Они простые, но в тоже время в них есть волшебство и ожидание чуда. Анна – как волшебница, которая дарит каждому мечту. Я надеюсь, что тоже скоро буду исполнять ее песни на большой сцене. Я верю, я знаю – мечте моей сбыться...

Чигаев Гасан Русланович

Рук. – Муртазалиева Аминат Абдулаевна

Республика Дагестан

Герой нашего времени

Памяти Героя России Нурмагомеда Гаджимурадова

Стук. Второй. Третий. Тысяча ударов в минуту. Так, то срываясь с ритма и замирая на доли секунд, то ускоряясь в сумасшедшем ритме, бьется сердце

каждой матери, отзываясь тем самым на каждую царапинку и ранку своего малыша. Сердце, которое хранит в себе все печали и радости с первого дня материнства.

В тот теплый осенний день 29 сентября, когда на свет в семье Гаджимурадовых появился первенец Нурмагомед, сердце его матери перестало принадлежать только ей. Теперь, как и сердце любой матери, оно билось и в крохотной груди вкусно пахнущего в своей кроватке маленького комочка сопящего счастья.

Единственный сын, окруженный беззаветной любовью, сын уважаемого и известного человека, Нурмагомед не знал, что такое избалованность, спесь и гордыня. Вместе с молоком матери впитал он все качества настоящего горца. Он рос мужественным, решительным, ответственным за свои слова и поступки. И в то же время Нурмагомед обладал тонко чувствующим, влюбленным в книги и поэзию сердцем. Это неудивительно: мама-учительница старалась привить сыну все самые лучшие качества – на примере героев художественной литературы.

Руководствуясь беззаветно храбрым сердцем, он пошел по стопам отца, выбрав для себя сложный и полный опасностей путь защитника Родины.

Спешил жить. Торопил жизнь. Будто чувствовал, как мало отмерено его сердцу биться в груди. А как много хотелось успеть! Так хотелось оставить свой след на земле. Но оставил не просто след, а историю мужества, самоотверженности и верности долгу.

О, сердце матери! Сколько раз ты учащенно стучало в груди, радуясь успехам, достижениям сына. Сколько ты замирало в тревоге за него в выбранном им пути...

Совсем молодой офицер-десантник, за плечами которого был боевой опыт в Сирии, с первых дней специальной военной операции он стал щитом для своей Родины на пути врага. И опять поселились тревога и беспокойство в материнском сердце. Стук. Второй. Третий. Тысяча ударов в минуту...

Самоотверженный и верный своему долгу, он стал примером для подражания для своих сослуживцев. Знающий цену жизни и смерти, тяжело раненный, он продолжал вести огонь до последнего патрона. Когда же осталась одна только граната, не задумываясь, молодой офицер подорвал себя и окружавших его врагов, дав возможность товарищам прорвать окружение и спастись. Стук... Второй... И сердце Нурмагомеда перестало биться.

В тот день, когда жизнь сына оборвалась, материнское сердце еще не знало, что он ушел настоящим героем. Ушел ради жизни тех, за кого взял ответственность. Ушел непокоренным. Непобежденным.

Стук. Второй. Третий... Так, медленно, вместе с сердцем сына Нурмагомеда перестало жить и сердце его матери. Окутанное черной вуалью скорби и горя, оно осталось безжизненным в ее груди. Как после его ухода остался в доме свет без тепла, так и ее сердце живет без света жизни. Осталась в нем лишь глубокая боль, переплетенная с чувством гордости за сына.

Стремившийся быть лучшим, быть первым во всем, он стал первым Героем России СВО. Посмертно...

*Чмакало Вероника Алексеевна
Рук. – Филатова Галина Тихоновна
Республика Хакасия*

О папе

26 сентября 2022 года! Эта дата стала одной из самых значимых в истории нашей семьи. Именно в этот день мой отец Чмакало Алексей Николаевич был мобилизован и после подготовки стал участником специальной военной операции. В отряды бойцов он вступил в звании старшего лейтенанта и стал командиром мотострелкового взвода отдельной гвардейской мотострелковой Умаско-Берлинской Краснознаменной, орденов Суворова, Кутузова и Богдана Хмельницкого бригады. Выбор позывного пал на «Садык», что можно истолковать как «честный», «праведный». В течение своего боевого пути принял участие в сражениях на Запорожье, в Угледаре, в Авдеевке. Он регулярно поддерживал связь со своей семьей – женой, дочерью, матерью и братом. Однако бывали моменты, когда, находясь на передовой, у него не было возможности позвонить родным.

В 2023 году по возвращении на Запорожье удерживал позиции в Новодаровке. На Времевском выступе «Садык» с товарищами попали в окружение. По истечении двух суток удалось прорваться. Далее следовал пятидневный отдых, после которого – выход на линию соприкосновения. Через несколько дней был последний бой...

О событиях, произошедших в те роковые дни, нам с мамой стало известно уже со слов папиных сослуживцев. Они писали так: «Взвод под командованием Чмакало Алексея Николаевича отражал атаки вблизи населенного пункта Приютное. По ним работала артиллерия, минометы и танк противника. После того, как враг стал наращивать темп стрельбы, «Садыком» было принято решение о перегруппировке. Отдав приказ о выходе из лесополосы, он остался для разведки, с целью проконтролировать ход действий противника. В один из прилетов снарядов 4 июля 2023 года «Садык» был ранен осколками в позвоночник, из-за чего обездвижен. Через некоторое время был найден военными другого подразделения и эвакуирован в больницу города Мариуполь».

Уже оттуда 5 июля моей маме поступил звонок... В трубке она услышала папин голос. За несколько минут он смутно рассказал о случившемся, но связь оборвалась...

Позднее нам стало известно о тех многочисленных травмах позвоночника и об операции, после которой 10 июля папа не пришел в сознание. Был награжден орденом Мужества посмертно...

Когда я перебираю в памяти события того времени, у меня в голове всегда появляется фраза, сказанная папой утром 26 сентября перед отъездом: «Я вернусь». Я часто рассуждаю над тем, мог ли он предчувствовать такой исход или искренне верил в свое возвращение. Конечно, ответ на этот вопрос я не получу никогда, но зато сейчас я точно знаю, что герои существуют не только на страницах книг, но и среди нас.

Водяная мельница на реке Черемшан

Изучение истории родного края, края, где человек родился, вырос и живет, имеет для него большое значение. Чем больше человек знает об истории, культуре, традициях, природных особенностях родной земли, тем богаче становится его внутренний мир, шире кругозор, сильнее желание сохранить красоту и уникальность природы, тем больше желание сделать жизнь родного края лучше, достойнее и красивее.

С заселением земель левобережного Черемшана крестьяне начали интенсивно заниматься сельскохозяйственным трудом, в основном земледелием и скотоводством. Пахали землю с помощью тяжелого плуга, который называли «сабан», а рыхлили почву сохой. Семена в почву разбрасывали вручную из лукошка. Бороны были с деревянными зубьями, хлеб жали серпом, сжатый хлеб хранили в так называемых «одоньях», покрытых соломой. Молотили вручную цепями, обмолоченный хлеб держали в ларях. Для размола зерна использовали ручные жернова.

С середины XIX века по реке Черемшан стали строить водяные мельницы. Построено их было много, так как река была полноводной и с быстрым, мощным течением.

Водяная мельница на реке большой Черемшан у поселка Единение была построена в 1894 – 1896 годах на средства одного из крупнейших землевладельцев Причеремшанья – князя Оболенского. Введена в эксплуатацию в 1897 году и действовала до 1964 года.

Здание водяной мельницы является достопримечательностью Нурлатского района Республики Татарстан. Оно представляет собой образец промышленной архитектуры конца XIX века.

В народе ее называли Мельница князя Оболенского, а затем она стала именоваться 35-й мельницей «Татмелтраста».

Изначально по проекту мельница была не кирпичная, а деревянная и пятиэтажная, но было построено только 3 этажа и мансардный этаж. Стоит она на дубовых сваях, вода поступала из реки большой Черемшан.

На мельнице швейцарское оборудование, которое устанавливало знаменитый завод для устройства мельниц «Братья Брюлер». Все находится в сохранности и по сей день.

После Великой Отечественной войны мельницу перевели на дизельное топливо, так как Черемшан обмелел, течение его замедлилось, и река больше не могла вращать тяжелое, массивное колесо. В течение некоторого времени мельница не работала, находилась на ремонте, но сейчас она вновь работает, служит людям верой и правдой и украшает своим гордым видом небольшой поселок под названием Единение.

Откуда же пришло такое название поселка? После возведения мельницы в этот красивейший уголок на Черемшане переселились люди из других деревень. Они стали проживать вместе, вроде бы объединились, поэтому поселок и

стал называться Единение. В 2015 году в поселке насчитывалось около 20 домов с населением 40 человек.

Наконец, еще одна легенда, связанная с 35-й мельницей. Она известна с давних времен жителям, и о ней поведал уроженец поселка Единение Чувалов С.Л., мой папа. Дело в том, что в здании мельницы есть место (один из углов), куда не ступает нога ни одного человека. По легенде, в этом углу в кладке стены замурована девушка. Она была наказана таким жестоким способом за то, что изменила жениху. Так ли было на самом деле или это только легенда – узнать достоверно уже не представляется возможным. Однако эта легенда отражает очень строгие правила морали и нравственности, которые существовали в те далекие времена, особенно среди сельских жителей.

Вот такой он – интереснейший и красивейший край Причеремшанье. Это моя малая родина, которая хранит еще много загадок и тайн, и они ждут нашего внимания и пытливого взгляда. Эти уникальные и красивейшие места могут быть включены и в экскурсионные маршруты.

Шаршнева Мария Владимировна
Ставропольский край

Треугольное эхо России

Если бы русская душа могла звучать, она бы пела голосом балалайки. Это не просто инструмент – это «звуковая икона», сплетенная из березовых сучьев, конских волос и неистребимого русского характера. Будучи любителем народной музыки, я не могу пройти мимо этого удивительного создания, чья кажущаяся простота обманчива, как тихий вечер в глухой деревне.

Взгляните на нее: треугольный корпус, словно вырубленный топором, длинный гриф, три струны (две обычно настроены в унисон!). Кажется, проще некуда? Но в этом и гениальность! Как в русской сказке, где за простотой скрывается мудрость веков, так и в балалайке – ее магия рождается из ограничений. Эти три струны – не бедность, а концентрация. Они заставляют музыканта выжимать из них все возможное: от нежнейшего перебора, напоминающего шелест листвы, до оглушительного, подстегивающего пляску «бряцания» – этого визитного карточного приема, когда пальцы вихрем проносятся по струнам, рождая каскад звуков. А «тремоло»? Оно может звучать как нервная дрожь, как колокольный звон, как завывание вьюги в печной трубе. Три струны становятся целой палитрой.

А ведь история балалайки – путь из грязи в князи. Рожденная, вероятно, в крестьянской среде XVII века (а то и раньше!), она долго была спутницей скоморохов и деревенских посиделок, инструментом простонародным, даже гонимым церковью и властями. Но душа народа крепка! Балалайка выжила. А потом случилось чудо под именем «Василий Андреев». Этот виртуоз-энтузиаст конца XIX века не просто усовершенствовал балалайку, создав целое семейство инструментов разных размеров (от крошки-пикколо до басового «бубенца»), он возвел ее на пьедестал. Благодаря ему балалайка зазвучала в концертных залах Петербурга, Парижа, Лондона. Мир услышал этот пронзительный, ни на что не

похожий голос России. Андреев доказал: балалайка – не примитив, а инструмент безграничных возможностей, способный на лиризм, виртуозность и невероятную ритмическую мощь.

Но чем же пленяет ее звук? Ведь это не бархатная глубина гитары и не скрипичная сладость. «Звук балалайки – серебристый, звенящий, чуть «острый», пронзительный». Он летит далеко, как свист ямщика в морозную ночь. В нем есть что-то первозданное, лесное, может, от березовой деки. Когда играют медленно, задумчиво – это чистая, почти детская печаль, как взгляд из окна на бескрайнее снежное поле. Когда же темп ускоряется, начинается тот самый знаменитый «разгул» – звук становится дерзким, озорным, неудержимо плясовым. Он бьет по нервам, заставляет ноги пускаться вприсядку. Этот контраст – глубокая лирика и огневая пляска – и есть, наверное, сама суть русского духа, который балалайка выражает с потрясающей точностью.

Многие думают, что балалайка – реликт прошлого. Какой вздор! Да, она свято хранит традиции. Но она и удивительно живуча, и адаптивна. Ее голос можно услышать и в строгом академическом звучании, и в зажигательных аранжировках современных групп. Музыканты-виртуозы, такие как Алексей Архиповский, буквально взрывают представления о возможностях инструмента, превращая его в сольный концертный «агрегат» невероятной выразительности. Балалайка звучит в кино, в театре, ее узнают во всем мире как символ России. Она не застыла – она эволюционирует, оставаясь собой.

Балалайка – это больше чем музыкальный инструмент. Это «звуковой код нации», треугольный резонатор ее радостей и печалей, удали и тоски. В ее трех струнах – бескрайность русских просторов, удаль молодецкая и задушевная песня у печи. Она проста, как правда, и сложна, как русская душа. Для меня, как для любителя народной музыки, балалайка – это вечное напоминание о том, что истинная красота и сила часто кроются не в вычурности, а в ясности, искренности и той особой «нервной дрожи», что бежит по струнам и находит отклик в самом сердце. Стоит лишь тронуть эти струны – и оживает эхо веков, звонкое, пронзительное, неумирающее.

*Шаршинева Юлия Денисовна
Рук. – Шаршинева Мария Владимировна
Ставропольский край*

Пыль Сталинграда и дым СВО. Нити подвига

Степь. Она разная – и вся одна. Та, что видела моего прадеда, Максима Яковлевича Рябоконева из села Первомайского, когда он в августе 1941-го шагнул на запад, пахла полынью и спелой пшеницей. Та, что видела его правнука, моего дядю, сержанта Максима Николаевича Циянова из Приютного, в июле 2025-го, отдавала гарью и порохом. Но небо над ними было единым – огромным, безжалостным, испещренным смертью...

Тихий звон колокольчика над крыльцом, запах печеного хлеба из русской печи, смех ребятишек во дворе – таким знало моего прапрадеда Максима Яковлевича Рябоконева село Первомайское в Ремонтненском районе Ростовской

области. Рожденный в 1904 году, он был плоть от плоти этой донской земли. Не просто крестьянин, а глава большой семьи. Его надежной опорой была жена Варвара Федоровна, а смыслом и радостью жизни – пятеро детей. Их будущее, их хлеб – вот что измерял он бороздами на своем поле до того рокового лета. 5 августа 1941 года Ремонтненский райвоенкомат перечеркнул эту мирную жизнь. Степь, где он сеял хлеб, осталась позади. Вместо серпа – винтовка. Вместо забот об урожае – суровая наука солдатского быта. Максим Яковлевич бесстрашно шагнул в пекло Великой Отечественной войны. 1942-й год принес в их дом не урожай, а ледяное: «Пропал без вести». Где затерялся солдат Рябоконева в кровавом хаосе отступлений, в котлах и безымянных боях того страшного года? Варвара Федоровна, стиснув зубы, тянула лямку, растила детей, каждую почту ждала весточки, цепляясь за слабую надежду. Но писем не было. Только гнетущая, разъедающая душу неизвестность. И лишь потом, когда отгремели залпы Сталинградского триумфа, пришла другая, скупая и бесповоротная весть. Не «пропал», а «погиб».

Май 1943 года. Сталинград. Даже после разгрома армии Паулюса земля у Великой реки продолжала стонать от разрывов. Шли бои местного значения, очистки, снайперские дуэли, гибли люди от мин-сюрпризов и осколков. Именно там, в этом еще не остывшем от великой битвы аду, где каждый клочок земли был полит кровью, оборвалась жизнь Максима Яковлевича Рябоконева. Мой прадедусь не канул в безвестность. Есть захоронение. Это значит, что были товарищи, которые видели его последний бой или нашли его тело. Значит, кто-то позаботился о том, чтобы у солдата, отца пятерых детей, была могила – пусть братская, пусть скромная, но место памяти под сталинградским небом. Это его последний, вечный пост...

Его правнук, Максим Циянов, тоже познал солоноватый вкус войны. Чечня оставила шрамы на душе и закалила характер. Когда в октябре 2022-го призвали вновь – встал. Не задумываясь ни секунды. Как прадед. Теперь он – номер расчета грозной гаубицы 404-го полка. Его поле боя – не нива, а передний край, где грохот орудий смешивается с воем беспилотников.

28 июля 2025 года. Пост воздушного наблюдения. Мой дядя Максим всматривается в синеву, как когда-то его прадед, наверное, всматривался в горизонт, ожидая «Юнкерсов». Только угроза теперь иная – стальная, бездушная, жужжащая. «Баба-Яга». Тяжелый ударный дрон, несущий гибель на позиции батареи, на его товарищей, на орудие. В этот миг время сплющилось. Небо 1943-го и небо 2025-го стали одним. Где-то там, под Сталинградом, рядовой Рябоконева, возможно, видел над собой такую же тень смерти – пикирующий бомбардировщик. У него не было шанса достать его из винтовки. У правнука – был. Оценка обстановки – секунды. Риск – предельный. Штатный автомат против высокотехнологичной машины смерти. Но Максим Циянов – не просто сержант артиллерии. Он – правнук человека, чья кровь впиталась в сталинградскую землю. В его жилах – стойкость хлебороба и ярость защитника. Он вскидывает ствол. Не ради награды – ради жизни тех, кто рядом. Ради орудия, которое должно бить. Ради того будущего, за которое отдал жизнь прадед. Выстрелы. Короткая, меткая очередь. «Баба-Яга» вспыхивает и рушится вниз, не доле-

тев до цели. Гибель людей предотвращена. Орудие сохранено. Техника цела. Подвиг совершен. Не штыковой атакой в рукопашной, но с той же отчаянной храбростью и готовностью к самопожертвованию. Сержант Циянов переводит дух. Глаза еще прищурены от напряжения. Глубоко внутри звучит эхом невысказанная боль прадеда – он не успел, не дослал, не вернулся. Максим Николаевич сжимает кулак. Он сделал то, что прадед физически не мог сделать тогда. Он достал врага из неба. Он смотрит на зарево заката, окрашивающее горизонт. Там же, где оно виделось и Максиму Яковлевичу. Две войны. Две эпохи. Два Максима. Разная техника, разная тактика, но одна и та же суть: солдат, вставший на пути смерти, чтобы жили другие. Прах прадеда лежит у Волги. Правнук стоит на посту. И связь их нерушима. Это не просто гены. Это – клятва, данная через поколения: стоять. Держать оборону. Жить – чтобы помнили павших. И побеждать – ради них.

*Шевкун Марк Евгеньевич
Рук. – Белик Юлия Сергеевна
Камчатский край*

Курган

Курган стоял на самом высоком холме, молчаливый и седой от времени. Он был памятью, а память здесь, в этой степи, была важнее воды. Мальчишкой Артем бегал к нему, прикладывал ухо к холодной земле и слушал. Дед говорил: «Слышишь, как шумит? Это не ветер. Это они говорят с тобой. Те, кто лег в эту землю, чтобы мы с тобой ходили по ней».

Теперь Артем стоял у того же кургана, но в руках у него был не самодельный лук, а винтовка. Город за его спиной дышал черным дымом, и воздух был от пролетающих снарядов. Они отступали, измотанные, почерневшие от пороха и горя. Взвод занял оборону у древнего холма.

– Здесь и будем держаться, – сказал лейтенант, его лицо было похоже на высеченное из камня. – Приказ: продержаться до подхода основных сил. Ни шагу назад.

«Ни шагу назад». Эти слова падали на землю, как семена. Артем посмотрел на своих товарищей. Санитарка Катя, хрупкая, как тростинка, с руками по локоть в чужой крови. Пулеметчик Сергеич, молчаливый уралец, у которого дома осталось трое детей. Молодой пацан Витя, который еще побагровеет при виде убитого врага.

Первую атаку отбили с потерями. Пуля нашла лейтенанта. Он умирал, сжимая в руке комок родной земли, и прошептал Артему: «Держись... здесь... твоя...»

Артем остался за старшего. Он не чувствовал себя героем. Он чувствовал лишь ледяную тяжесть ответственности. Они хоронили товарищей у подножия кургана, и с каждой могилой что-то зрело внутри – не ярость, не отчаяние, а нечто большее.

Ночью Артем не спал. Он снова, как в детстве, приложил ладонь к кургану. И ему почудилось, что сквозь холод почвы идет тихий, могучий гул. Не

страх шептала ему древняя земля, а уверенность. Уверенность реки, которая тысячелетиями точит камень. Уверенность хлеба, растущего из чернозема.

Утром пошли танки. Стальные чудовища ползли на их окопы, утюжа позиции. Казалось, все кончено.

– Встаем! – крикнул Артем, и его голос, к его удивлению, звучал твердо и спокойно. – За Родину!

Это не был лозунг из учебника истории. Это была простая констатация факта. Они вставали за свою родину – не за абстрактную страну на карте, а за этот конкретный клочок земли, где лежали их деды, где они сами когда-то бегали мальчишками, за дым своего города, за слезы Кати, за детей Сергеича, за будущее, которое не должно быть растоптано.

Бой превратился в ад. Витя, уже не пацан, а солдат, с гранатой бросился под гусеницы головного танка. Сергеич, раненый, стрелял, пока пулемет не замолк навсегда. Артем дрался в штыковой, чувствуя, как каждый удар – это не только его удар, а удар всех, кто лежал в этой земле.

Когда подошло подкрепление, от взвода осталось трое. Артем, с перебитой рукой, и двое контуженных бойцов. Они сидели на окровавленной земле, не в силах говорить.

Генерал, подъехавший к позициям, снял фуражку перед молчаливым курганом и могилами у его подножия.

– Кто старший? – спросил он.

Артем поднялся.

– Объясните, как вы здесь удержались? По всем расчетам...

Артем медленно перевел взгляд с генерала на курган, на свежие холмики, залитые багряным закатом.

– Мы не просто здесь держались, товарищ генерал. Мы стояли. – Он сделал паузу, подбирая слова. – Во имя них. И во имя тех, кто будет после.

Он посмотрел на далекие огни в тылу, где жили миллионы людей, которые завтра проснутся, пойдут на работу, будут смеяться и любить, даже не зная имен тех, кто сегодня лег в эту землю. Но они будут знать главное – что их родина жива.

И в этом был весь смысл. Не в славе, не в наградах. А в том, чтобы древний курган по-прежнему стоял под мирным небом, а мальчишки будущего могли бы прикладывать к нему ухо и слушать далекий, успокаивающий гул – гул бессмертной жизни. Во имя этого стоило умирать. Во имя этого стоило жить.

*Шеламова Галина Николаевна
Липецкая область*

Пушкин и Елец, или Елецкая Пушкиниана

Елецкая земля – древняя, как наша Русь, каждая ее пядь, каждый городской камень овеяны легендами славной истории более чем восьми веков. Многие поколения предков ельчан внесли большой вклад своими ратными и трудовыми подвигами в развитие культуры и создание мощного государства с гордым именем Россия.

Город воинской славы, Елец имеет богатейшее культурно-историческое наследие. История города тесно переплелась с судьбами многих выдающихся людей России. С Ельцом связаны жизнь и творчество выдающихся русских писателей И.А. Бунина и М.М. Пришвина, философов В.В. Розанова и С.Н. Булгакова, композитора Т.Н. Хренникова, художников Н.Н. Жукова, В.Н. Мешкова, В.С. Сорокина, Н.П. Ульянова. Это далеко не полный перечень имен, прославивших наш город.

Но есть еще одно имя, которое дорого сердцу каждого ельчанина. Это имя знакомо нам с детства. Малыш еще не умеет читать, но уже повторяет вслед за взрослыми: «Ветер по морю гуляет и кораблик подгоняет...».

Память о великом русском поэте запечатлена в Ельце в названиях улицы Пушкина, школы № 2 им. А.С. Пушкина, детской библиотеки им. А.С. Пушкина, сквера им. А.С. Пушкина, в котором стоит памятник поэту.

Конечно, Пушкин принадлежит всей стране, но вдвойне повезло тому краю, который он почтил своим присутствием, хотя бы и кратковременным. Существует в нашем городе легенда, что во время путешествия Александра Сергеевича Пушкина в Арзрум в марте – сентябре 1829 года на пути следования на Кавказ он проезжал вблизи вотчинных земель своих предков (А.С. Пушкин к нашему краю имеет самое непосредственное отношение. Родовые корни Александра Сергеевича находятся в добровском селе Кореневщино, откуда родом его бабушка, Мария Алексеевна), останавливался на постоялом дворе в Ельце.

Красивое предание о пребывании Пушкина в Ельце гласит: «Придя в отведенную для ожидания комнату, Пушкин достал бумагу, перо и чернильницу и приготовился было сесть за работу. Но тут услышал мелодичный перестук – словно родничок журчит. Поднялся, пошел на звук. В соседней комнате увидел девушку. В глаза бросились правильные черты лица. «Вот тебе и провинция», – мелькнуло в голове. Девушка сидела, перебирала палочки, издающие мелодичные звуки. От них тянулись тонкие нити к кружевным узорам, схваченным булавками на чистой белой подушке, туго набитой соломой». Это была девушка Александра. И в глубокой старости любила она рассказывать внукам и правнукам о том, как поцеловалась с самим Пушкиным, показывала будто бы подаренную им книгу «Руслан и Людмила». Как она рассказала Пушкину, откуда пошло кружево. Так ли это было, или не так? Это всего лишь предание. Одно из немногих преданий русского народа о его великом поэте.

Старожилы помнят этот длинный деревянный дом со множеством окон, который находился на углу улиц Коммунаров (ранее Орловская) и М. Горького (бывшая Рождественская). Сейчас на этом месте высится современное здание гостиницы «Елец».

А рядом по улице М. Горького (дом №107) находится старейшая в области детская библиотека, которая носит имя А.С. Пушкина. Работая в библиотеке с 1981 года, я тоже хорошо помню этот дом. Там висела табличка: «В этом доме в 1829 г. по пути из Москвы на юг останавливался великий русский поэт А.С. Пушкин». Правда, официального статуса она не имела.

Опальный генерал Алексей Петрович Ермолов, которого Пушкин посетил в Орле, убедил его ехать через Елец на Старо-Тифлисский тракт, предупредив, что дорога до Малоархангельска будет очень тяжелой, но за Ельцом пойдут ровные воронежские степи. «Из Москвы поехал я на Калугу, Белев и Орел, и сделал таким образом 200 верст лишних; зато увидел Ермолова. Он живет в Орле, близ коего находится его деревня», – пишет Пушкин в «Путешествии в Арзрум».

Из Орла Пушкин мог отправиться другой дорогой, которая была ближе к намеченной цели. Но поэт выбрал старую Тифлисскую дорогу – старинную дорогу из Москвы в Воронеж, известную еще со времен Петра Великого. Сам он пишет: «Мне предстоял путь через Курск и Харьков, но я своротил на прямую Тифлисскую дорогу». Доказательством этого маршрута могут быть дорожные записи самого поэта, которые затем легли в основу «Путешествия в Арзрум».

Из губернского Орла Александр Сергеевич поехал на уездный Елец. Дорога эта проходила через Елец по улице Главной, позже Орловской, ныне Коммунаров.

Точное время выезда Пушкина из Ельца на Кавказ не установлено. По некоторым данным он прибыл в Елец 5 мая 1829 года, а выехал 7 мая. По легенде, когда переехал на другой берег Сосны, попросил остановиться. Любуясь блестящими на солнце куполами и крестами церквей, подумал: «Да, славные люди живут, мужественные. Самому Тамерлану не покорились. И столь крепка в народе память о подвиге предков. И, право, есть чем гордиться в нашей истории...».

Мы не знаем, гулял ли Пушкин по городу или проехал его улицы, не опустив верха коляски. Но город его видел, и есть немые свидетели. Главный архитектор города Ельца Александр Васильевич Новосельцев (российский писатель, публицист, краевед, архитектор, член Союза писателей России, член Союза архитекторов, советник Российской Академии архитектуры и строительных наук, лауреат Большой литературной премии России) в статье «Елецкий маршрут», проведя подробные исследования архивных документов, изучив план города 1827 года и план-съемку Ельца того времени, приводит список зданий, которые мог видеть Александр Сергеевич 6 мая 1829 года и которые сохранились до наших дней. Это церкви Преображенская, Введенская, Успенская, Казанская кладбищенская, Архангельская, Рождество-Богородицкая в Аргамачьей слободе; жилые дома: ул. Маяковского, 8; ул. Маяковского, 9; Детский переулок, 1; ул. Мира, 94; ул. Советская, 74; ул. Советская, 86; ул. Советская, 99; ул. Мира, 129; ул. Мира, 131; ул. Коммунаров, 1; ул. Коммунаров, 2.

«...Есть в России и такой памятник Пушкину, который не надо отливать из бронзы, – пишет Новосельцев. Это – наш город».

О путешествии по Елецкой земле у А.С. Пушкина есть прямое упоминание. Великий поэт увековечил наш город в своем «Путешествии в Арзрум»: «До Ельца дороги ужасны. Несколько раз коляска моя вязла в грязи, достойной грязи одесской. Мне случалось в сутки проехать не более 50 верст...». Причиной тому были непролазная, непроезжая черноземная грязь и обложные дожди.

В своем дорожном дневнике поэт последовательно упоминал такие географические названия, как Елец, воронежские степи, Новочеркасск.

За Ельцом дорога была уже не та: гладкая наезженная, и застоявшиеся кони быстро несли коляску по степи. Пушкин стремился всю дорогу, чтобы, наконец, ехать свободно, вольно, быстро – с ветерком по равнинным зеленым полям. Этот переход в дороге запомнился ему на всю жизнь.

Известно, что в Воронеж он приехал в ночь с 7 на 8 мая.

В Елецком городском краеведческом музее внимание посетителей привлекали стенды, посвященные пребыванию А.С. Пушкина в Ельце. Один из экспонатов – картина «На пути в Елец» художника Александра Кузнецова (дипломная работа выпускника 1956 года Елецкого художественного училища, участника Великой Отечественной войны), где поэт изображен в экипаже.

Излюбленное место отдыха ельчан – сквер им. А.С. Пушкина, который расположен на ул. Орджоникидзе, 63, у Каракумского моста, на берегу реки Быстрая Сосна. Открыт он был к 100-летию со дня смерти Пушкина в 1937 году. Тогда Пушкину был установлен скульптурный портрет. А весной 1979 года в сквере был установлен современный памятник А.С. Пушкину. Его авторы – заслуженный художник РСФСР, скульптор Борис Иванович Дюжев и профессор ЕГУ им. И.А. Бунина, член союза художников России, архитектор Алексей Александрович Шашин. Изготовлен памятник из оцинкованного железа, фигура покрашена под бронзу. Постамент из кирпича оштукатурен, белый, форма постаменты – прямоугольная колонна. Высота памятника – 2,06 м, колонны – 1,2 м.

Особенно многолюдно здесь бывает в день рождения поэта. В этот день в сквере возле памятника звучат строки бессмертных произведений поэта. У истоков проведения таких встреч у памятника А.С. Пушкину стоит библиотека-филиал №2 (ныне библиотека «Набережная»). Ежегодно с 2006 года коллектив библиотеки проводит здесь литературные праздники, которые традиционно завершаются возложением цветов к подножию памятника великому поэту.

В сентябре 2022 года сквер открыли после обновления по федеральному проекту «Формирование комфортной городской среды» нацпроекта «Жилье и городская среда». В облике отражена пушкинская графика. Вся детская площадка посвящена сказкам Александра Сергеевича. Из всего старого остался на своем месте только памятник. Но и он совершенно преобразился! Постамент с новой облицовкой и позолоченная фигура поэта. Помимо памятника Пушкину, есть еще одно напоминание о гордости России: инсталляция с профилем.

В 2023 году сквер им. А.С. Пушкина в Ельце признан лучшим проектом благоустройства года в Липецкой области.

6 июня вся страна отмечает Пушкинский день России. Ежегодно разнообразные мероприятия для своих читателей (детей и их родителей, молодежи, взрослых) проводят библиотекари всех библиотек муниципального бюджетного учреждения культуры «Централизованная библиотечная система города Ельца».

Подготовка к проведению Пушкинского дня, конечно же, начинается с оформления книжных выставок. Живые цветы, портреты великого поэта ху-

дожников О.А. Кипренского, П.Ф. Соколова, В.А. Тропинина, И.Е. Репина, И.К. Айвазовского, яркие цитаты, продуманно «разбросанные» книги с произведениями А.С. Пушкина, журналы... Пройти мимо невозможно...

Несомненным лидером в Пушкинские дни выступает основанная в 1928 году детская библиотека им. А.С. Пушкина, получившая это почетное звание в 1937 году. В читальном зале библиотеки установлен бюст А.С. Пушкина, на нем запись: «Скульптурная Г.П.К. мастерская. 1909». Традиционно возле бюста великого поэта в дни празднования размещаются старейшие книги библиотеки «Бахчисарайский фонтан» (Академия, 1933) и «Избранные произведения А.С. Пушкина» (1937); книги о его жизни и творчестве, подаренные их авторами библиотеке; фотодокументы родственников и потомков поэта и тематические папки (переплетенные в книги целые фолианты с подборками газетно-журнальных публикаций). В папке «Имя предков моих встречаются поминутно в нашей истории» собраны материалы о родословной, родственных связях Пушкина, а в папке «И долго буду тем любезен я народу, что чувства добрые я лирой пробуждал» – о его жизни и творчестве (более 200 статей).

Представлено и детское творчество: рисунки, картины юных художников, стихи о Пушкине и гордость библиотеки – самодельная коллективная книга детских стихов «Наш Пушкин», иллюстрированная рисунками детей, занявшая второе место в областном творческом конкурсе для детей «Книжный лучик» (номинация «Почитай-ка!»).

В библиотеке висит картина «Под пистолет (последний день жизни поэта)», подаренная заслуженным художником России А.И. Тимофеевым, известным не только в Ельце, но и далеко за его пределами.

Каждый год в библиотеке проводятся литературные гостиные, игры или путешествия, викторины, турниры, конкурсы рисунков. Проходят они возле бюста А.С. Пушкина. Ребятам рассказывают о книгах, представленных на книжных выставках, о жизни и творчестве поэта, показывают фотографии членов его семьи, детей. Особое место в рассказе библиотекарей занимает тема «Елецкая тропа к Пушкину» (Пушкин и Елец). Ребята читают наизусть свои любимые стихи, активно отвечают на вопросы викторины.

В 2015 году детская библиотека им. А.С. Пушкина приняла заочное участие во Второй Всероссийской Пушкинской ассамблее библиотек, носящих имя А.С. Пушкина. Елецкие библиотекари познакомились с эксклюзивным инновационным опытом работы библиотек с творческим наследием А.С. Пушкина и достойно представили свою деятельность в популяризации пушкинского наследия.

В 1947 году детям Ельца был подарен детский парк на улице Коммунаров. Здесь стоял бюст А.С. Пушкина. Памятник работы заслуженного деятеля искусств РСФСР, скульптора Владимира Николаевича Домогацкого был установлен в июле 1949 года. Бюст представляет собой массовую модель, которая в тот период появилась в разных местах СССР – Алатыре, Вологде, Ельце, Клинцах и др.

Много лет библиотекарями детской библиотеки им. А.С. Пушкина здесь проводились мероприятия, посвященные дню рождения поэта. К сожалению, после реставрации парка в 2017 году бюст исчез.

История Детского парка связана с именем елецкого педагога Бориса Григорьевича Лесюка. Он стал его директором в 1947 году и оставался бессменным вожаком городской ребятни на протяжении сорока лет. В 1998 году Детскому парку было присвоено имя Б.Г. Лесюка. В 2017 году, в год 70-летия, после долгой реставрации и капитального ремонта парк предстал перед своими земляками в обновленном виде. В 2015 году во время реконструкции парка памятник демонтировали, а в 2019 году на его месте установили бюст Б.Г. Лесюка.

Значимым событием в культурной жизни города стала встреча ельчан с прапраправнучкой великого русского поэта А.С. Пушкина – О. А. Бунеевой, которая состоялась 19 июля 2011 года в стенах детской библиотеки им. А.С. Пушкина. Организована она была в рамках ставших традиционными в Ельце встреч потомков именитых елецких семей.

Пригласил Ольгу Александровну в наш город В.Н. Макаров – внук елецкого аптекаря И.В. Макарова. На встречу с прямым потомком Пушкина пришли библиотечные специалисты города, научные сотрудники краеведческого музея, представители ЕГУ им. И.А. Бунина, почитатели таланта великого поэта. Коллективом библиотеки были организованы книжные выставки «Он победил и время, и пространство» и «Признание потомков».

Ольга Александровна познакомилась с библиотекой, которая носит имя А.С. Пушкина, рассказала о своем знаменитом прапрапрадедушке и о себе, ответила на многочисленные вопросы участников встречи. Биохимик, кандидат наук, автор научных статей, Ольга Александровна проживает в Москве. Ее родство с великим поэтом идет по линии его старшего сына Александра Александровича. Как рассказала О.А. Бунеева, ее бабушка – Софья Павловна Воронцова-Вельяминова – была дочерью внучки Пушкина – Натальи Александровны Пушкиной, дочери Александра Александровича.

Присутствующих интересовало, передался ли кому-либо из потомков талант великого русского поэта. В роду Ольги Александровны по наказу А.А. Пушкина никто не продолжил дело великого предка. «Не пишите, потому что лучше Александра Сергеевича вы все равно не напишите», – говорил он.

Ольга Александровна подарила библиотеке книги: «Сказки» (М.: РОСМЭН, 2011) и «Ваш Пушкин: стихи, сказки, поэмы, драмы, проза, рисунки и автографы» (М.: Классика, 2009) с дарственными надписями «Детской библиотеке им. А.С. Пушкина г. Ельца от О.А. Бунеевой – прапраправнучки А.С. Пушкина».

Ольгу Александровну записали в почетные читатели библиотеки. В торжественной обстановке состоялось заполнение читательского формуляра с надписью «Почетный читатель детской библиотеки им. А.С. Пушкина» и вручение дубликата формуляра почетной гостье. Формуляр читателя будет храниться в библиотеке.

Научный сотрудник МУК «Городской краеведческий музей» Татьяна Александровна Семенец показала присутствующим фотографию заезжей избы,

в которой по пути в Арзрум в 1829 году останавливался А.С. Пушкин, и вручила гостю диск с этой фотографией. Журнал со своими публикациями гостю подарил писатель, декан факультета журналистики ЕГУ им. И.А. Бунина А.В. Коновалов. Завершилось мероприятие автографами, частными беседами, фотографиями на память.

Символично, что встреча с прямым потомком Пушкина происходила в детской библиотеке, которая носит его имя и находится рядом с местом, где когда-то и стояла знаменитая заезжая изба.

Пушкин давно вошел в жизнь и сердца людей всех возрастов. Едва малыш начинает понимать человеческую речь, в его сознание, как волшебное заклинание, входит: «У Лукоморья дуб зеленый, золотая цепь на дубе том...». Подрастая, он присоединяется к союзу «друзей Людмилы и Руслана», добрым его «приятелем» становится Онегин.

Приходит срок – и его пронзает непреходящая точность строк: «Я знаю, век мой уж измерен, но чтоб продлилась жизнь моя, я утром должен быть уверен, что с вами вновь увижусь я...».

Низкий поклон всем гениям искусства, что сохранили и донесли до нас память о великом русском поэте.

Есть такие вечные понятия: долг и память. Долг – категория нравственная. Память – категория нравственная и духовная. Они напрямую связаны между собой, и на связи их основано высшее самосознание человека, его гражданская гордость и преданность родной земле.

Александр Сергеевич Пушкин так выразил эту мысль:

Два чувства дивно близки нам –
В них обретает сердце пищу –
Любовь к родному пепелищу,
Любовь к отеческим гробам.

Наш святой долг – сберечь и передать нашим потомкам память не только о том, что создано и завоевано нами, но и о том, что происходило задолго до нашего рождения. Память о великих преобразованиях и страшных войнах, о людях, что принесли Отчизне славу, и о поэтах, эту славу воспевавших.

Пушкин несколько не состарился, не устарел. Он просто ПОЭТ, на все благородное давший благородный ответ. А.Т.Твардовский писал: «Одно из любимых национальных занятий русских, как и людей множества национальностей нашей страны, – чтение и изучение Пушкина. И да будет жив этот светлый дух любви к поэзии Пушкина, ее благоговейного почитания среди нас, как символ национальной гордости, как знак высокого достоинства народов». Вернемся к Пушкину снова! Возьмем в руки Пушкина, и пусть войдет он в каждый дом, в каждую семью!

Мой Елец: путешествие по любимым улицам

Больше полувека я живу в городе, ставшем для меня родным. Елец – город-воин, город-труженик, город-история – самобытен и патриархален, город с

богатой историей и культурными традициями. Поражает обилием исторических и памятных мест его центральная часть. В центре города сохранены почти все постройки XIX, а кое-где и XVIII века (не отдельные домики и особнячки, а целые ансамбли и улицы). Здесь, куда не пойдешь, везде старина! Ельчане живут, работают, учатся в старинных домах со своей историей. Сейчас здесь другие вывески на магазинах и торговых лавках (без прежних «ятей»), другой ассортимент товаров, вместо гужевого транспорта по дорогам движутся автомобили, но дух городка остался тем же, что и пару веков назад.

Полвека я хожу по улицам и площадям Ельца, и они словно рассказывают мне о событиях, свидетелями которых стали почти за девять веков существования города. По какой бы улице я ни пошла, на каждом шагу находится что-то интересное, а живое настоящее проступает так же отчетливо, как и живое прошлое. Да и названия самих улиц – хранители истории. В советское время почти все улицы города были переименованы. И чтобы сохранить историю улиц Ельца, на адресных табличках пишут и современное новое (официальное), и историческое дореволюционное название. Вот и ходим мы по улицам Мира (бывшей Торговой), Ленина (Манежной), Коммунаров (Орловской), Карла Маркса (Воронежской), Советской (бывшей Успенской), Октябрьской (Соборной).

По «старому городу» лучше ходить пешком. Во времена студенчества к институту, а позже и к местам работы я годами ходила по определенному маршруту, который пролегал по разным улицам. И за те 15-20 минут, что шла, я каждый раз словно совершала пешую прогулку в историю. С годами эти путешествия становились все интереснее.

С момента моего знакомства с Ельцом за полвека многое изменилось: отреставрированы и восстановлены архитектурные памятники (дома, церкви), некоторые дома поменяли свое первоначальное назначение, а некоторые – получили осовремененный внешний вид, появились новые музеи, памятники, двойные названия улиц, об историческом прошлом ряда домов сообщают памятные доски. При этом город не стал ультрасовременным, а по-прежнему сохраняет колорит старины.

Чтобы почувствовать дух древнего русского города, его историю и культуру, предлагаю вам, дорогие читатели, совершить виртуальную прогулку по «моим» улицам, памятным и дорогим моему сердцу.

Улица Ленина

В советские времена в любом городе страны была улица имени вождя пролетариата. Как правило, располагалась она в центре. Есть улица Ленина и в нашем городе. Это была первая улица Ельца, которая вошла в мою жизнь. Раньше эта улица называлась Манежной, но узнала я об этом позже.

Мне едва исполнилось 16 лет, когда после окончания школы в 1973 году я приехала в Елец подавать документы в тогда еще Елецкий государственный педагогический институт (ЕГПИ), куда собиралась поступать. Главный его корпус находился в доме №91 по улице Ленина.

Нас (я приехала с папой) встретило величественное трехэтажное здание из красного обожженного кирпича с готическими элементами и крыльцом, украшенным чугунным литьем. Скрыть его не могли разросшиеся перед ним

высокие ели. Массивный навес с кружевным подзором поддерживают изящные колонны, придавая воздушность главному входу. Витиеватые украшения сохранили свою изысканность до наших дней.

Поразила внутренняя архитектура оригинального здания. Большой вестибюль украшали граненые колонны с красивыми лепными украшениями вверху, старинные высокие зеркала на подставках в чугунной оправе. На второй этаж вела широкая ажурная металлическая лестница с площадкой, разделяющейся в два крыла.

В этом старинном здании с богатой историей обучались студенты физико-математического факультета института. По этой лестнице мы поднимались и сбегали все пять лет обучения, в эти зеркала смотрелись, прихорашиваясь перед началом занятий.

За полтора века функциональное назначение здания не менялось. Оно всегда было образовательным учреждением. В 1874 году (по другим данным – в 1879-м) в этом здании открылась Елецкая женская гимназия, которая считалась одним из лучших учебных заведений в дореволюционной российской провинции. Гимназия была семиклассной, а для барышень, решивших стать педагогами, обучение продлевалось еще на год. Девушки получали педагогическое образование, а по окончании гимназии могли служить учительницами начальных училищ и заниматься домашним обучением. За «Благонравие и успехи в науках» лучшие ученицы награждались золотыми и серебряными медалями. В конце XIX века с золотой медалью закончила женскую гимназию первая любовь И.А. Бунина – Варвара Пащенко.

Да и сам Бунин в гимназические годы не раз бывал в этом здании. В каникулы, особенно в Рождественские праздники и под Новый год, в женской гимназии устраивались вечера, на которые приглашались мальчики из мужской гимназии. «Мне вспоминается бал в женской гимназии – первый бал, на котором я был», – напишет писатель в своем произведении «Жизнь Арсеньева».

После революции в 1921 году на базе женской гимназии был образован Елецкий рабочий факультет. В августе 1939 года он был преобразован в Елецкий учительский институт, а в 1952 году учебное заведение стало называться Елецким педагогическим институтом. В 2000 году Елецкому государственному педагогическому институту присвоен статус государственного университета (ЕГУ им. И.А. Бунина). И теперь это здание на улице Ленина – корпус №1 университета. Главный корпус Елецкого государственного университета теперь находится в новом здании на улице Коммунаров.

В тот первый приезд в Елец в моей жизни появился еще один дом на улице Ленина – дом №107. В этом доме, адрес которого нам дали в институте, я жила во время вступительных экзаменов, а потом и студенткой до конца третьего курса. Это был старинный длинный деревянный дом с высоким забором, старинными воротами и тяжелой калиткой, которая на ночь закрывалась на ключ. Его мы потом отдавали хозяйке. Ей в ту пору было уже за восемьдесят. Была она строгой и экономной. Девушки-старшекурсницы, которые жили здесь не первый год, рассказывали, что у их семьи до революции была шляпная мастерская.

Елизавета Васильевна Заиграйкина (так звали хозяйку) жила в фасадной части дома, которая смотрела на улицу в четыре окна с красивыми наличниками и парадным входом с козырьком над дверью. А заднюю половину дома (3 комнаты) она сдавала студенткам (5-7 человек). Планировка комнат в доме была удивительная. Большинство комнат были проходными. В нашей половине такими были 2 комнаты. Я жила во второй, где на половину хозяйки вела еще одна дверь, запертая на ключ. В доме была большая веранда и огромная кухня. Раньше отопление в доме было печное, но в то время в дом уже провели газ и воду. Парадным входом мы не пользовались, а выходили из дома через веранду и на улицу через калитку.

Новые хозяева дома многое изменили: поставили современные железные ворота, а задняя половина дома стала кирпичной и двухэтажной. Сам же дом с улицы выглядит как и прежде.

Вот из этого дома три года я и ходила до института. Идти было недалеко, но и на этом коротком пути было много интересного. Жилые дома чередовались с важными достопримечательностями.

Выйдя за ворота, я поворачивала направо, минуя угловой дом, переходила дорогу (улица 9-го декабря) и шла по нечетной стороне улицы Ленина. Сразу от угла начинался длинный дом с высоким цоколем: детский сад №19. Когда-то в детстве в него водили моего мужа. Во времена перестройки сад закрыли, а в здании располагался корпус №6 ЕГУ им. И.А. Бунина. Сейчас оно пустует.

А напротив, за высокой красной кирпичной стеной с металлическими воротами, – большой школьный двор и двухэтажное здание средней школы №1. Это здание из красного кирпича с большим крыльцом, украшенным художественным литьем из металла – бывшая Елецкая мужская классическая гимназия. Современные школьники ходят по коридорам, по которым ходили писатели Иван Алексеевич Бунин и Михаил Михайлович Пришвин, первый нарком здравоохранения РФ Николай Александрович Семашко, народный художник СССР Николай Николаевич Жуков. Школа является памятником истории и культуры мирового значения. В 1973 году Елецкой средней школе №1 было присвоено имя М.М. Пришвина. Вход в школу находится со стороны параллельной улицы Советской, а в то время, когда здесь учились Ваня Бунин и Миша Пришвин, вход в гимназию был именно отсюда, с Манежной (ныне Ленина) улицы. Сохранилась и старинная литая лестница в вестибюле школы (как и в женской гимназии). В этой школе учились и мои дети.

Мой путь проходил мимо городского Краеведческого музея, здание которого раньше было домом наследственного владельца табачной фабрики почетного гражданина Ельца, действительного статского советника, купца I гильдии Александра Николаевича Заусайлова. Тогда это был единственный в городе музей. Побывав в нем, я впервые узнала об истории города. Сейчас здесь Музей купечества и сословий – структурное подразделение МБУК «Елецкий городской краеведческий музей».

На противоположной же стороне улицы привлекает внимание просторный деревянный особняк, построенный в 1910-х годах. Выглядит он очень богато, но в то же время сдержанно и стильно. Темные бревна, резной карниз и

наличники – такое здание заметно издалека и своей красоты со времен не теряет. Александр Николаевич Заусайлов, оставивший наибольший след в истории города, построил этот дом для своего сына – Александра Александровича Заусайлова. Бывший дом А.А. Заусайлова остается жилым и сегодня – он разделен на девять квартир.

Я доходила в конце квартала до того здания из красного обожженного кирпича, о котором писала выше, заходила внутрь. Начинался новый учебный день...

Рядом со зданием института на углу было небольшое уютное кафе «Ельчик». Получив свою повышенную стипендию, я позволяла себя побаловать и полакомиться любимыми пирожными. Они там всегда были вкусные и свежие. В 2016 году на этом месте открылось новое трехэтажное здание студенческого гостиничного комплекса и кафе-студии «Ельчик».

А напротив здания пединститута высится современное девятиэтажное здание общежития ЕГУ им. И.А. Бунина блочного типа (дом №88). В 1978 году, когда наш курс заканчивал обучение, общежитие еще строилось. Старое общежитие на улице Октябрьской давно уже не могло вместить всех желающих. Место в нем давали в основном старшекурсникам (4-5 курс). В больших комнатах жили по 6 человек.

Всего один квартал, а столько интересных мест, столько историй! А ведь улица Ленина проходит от улицы Коллективная до улицы Елецкая и общая ее протяженность – 2,5 километра! Бывшей Манежной удалось сохранить свой исторический облик и сегодня.

Если не останавливаться у учебного корпуса, а идти по улице дальше, то мой путь проходил мимо зданий телеграфа, почты, Госбанка – объекта культурного наследия, построенного в 1914 году по проекту архитектора И.П. Машкова. С первых дней постройки и до недавнего времени здание использовалось по назначению. С 2020 года в нем разместился Музей воинской славы города Ельца, который знакомит с военной хроникой Ельца за 900 лет. Здание является памятником архитектуры регионального значения.

Мне не раз в те годы доводилось бывать в здании почты и телеграфа. Старинные здания продолжали использовать по прямому назначению.

Развитию почты большое внимание уделял еще Петр I. Главпочтамт в Ельце был построен во второй половине 19 века по проекту Н.Л. Бенуа (дом №83А). Через Елец проходила «генеральная московская почта». Корреспонденцию, как и сейчас, доставляли почтальоны в специальной форме с кожаными сумками через плечо. Главпочтамт был одной из ямских станций. Ямщики перевозили не только письма и посылки, но и путников. С самого дня постройки и по настоящее время здание используется как почта.

Телеграф в Ельце был открыт 24 ноября 1861 года (дом № 83Б). Город получил самую современную (по тем временам) и надежную связь. Первый этаж у здания каменный, второй – деревянный, украшенный деревянной резьбой. По некоторым данным, здание было построено во второй половине XIX века, скорее всего, на первом этаже находилась купеческая лавка, а вот второй был жилым. В этом доме потом и находилась почтово-телеграфная станция.

Несколько лет нет назад в здании станции открыли гостиницу под названием «Снегири». Внешний вид здания сохранил старинный колорит.

Отправляясь по улице дальше, начинала ощущать специфический запах, который окутывает старинное здание из красного кирпича. Оно занимает почти весь квартал на углу улиц Свердлова и Ленина. Из затянутых сеткой окон доносится шум работающих станков, а на сетках местами гроздьями свисает буросерая пыль. Это – табачная фабрика.

Когда-то это была табачная фабрика знаменитого местного купца и мецената А.Н. Заусайлова (дом №74). Массивное каменное здание было построено на месте полностью сгоревшего в 1894 году деревянного помещения. Табачная фабрика стала одним из самых крупных предприятий Орловской губернии. Две тысячи рабочих, занятые тяжелым ручным трудом, приносили Заусайлову немалые прибыли. Елецкий табак был одним из лучших в стране и поставлялся даже к Императорскому двору.

После революции была национализация, реконструкция и механизация наиболее трудоемких процессов производства, эвакуация в Самару во время Великой Отечественной войны. А после победы «табачка» продолжила свою работу, вернувшись в родной Елец. Здесь производили знаменитую «Приму», как говорят, очень высокого качества.

Табачное производство в Ельце было признано банкротом в самом начале 1990-х годов. С тех пор историческое здание находится в запустении. Признанный памятником промышленной архитектуры, красивейший образец фабричной архитектуры постепенно разрушается...

Еще одна достопримечательность, связанная с купеческой семьей Заусайловых, находится дальше в доме №68. В сказочном строении с украшенным плиткой-майоликой фасадом и изображением гнезда с птенцами под коньком крыши во времена СССР располагалась городская детская поликлиника. Здание, построенное более 100 лет назад, – бывшие ясли для детей работниц табачной фабрики. В этом ясли-приюте содержалось около 50 детей, причем содержание их оплачивал сам махорочный король, последний владелец табачной фабрики Александр Николаевич Заусайлов. 18 мая 2007 года в здании открыт Музей народных ремесел и промыслов.

Если, выйдя из дома, где я жила, повернуть налево, то на четной стороне улицы через распахнутые ворота можно попасть на территорию продуктового рынка со странным названием «Бабий базар» (он же «Женский рынок»). Это одно из древнейших мест города, которое расположено у старинных городских ворот над высоким берегом реки Ельчик. Про этот самый рынок Иван Алексеевич Бунин упоминает в повести «Деревня»: «Забрел я недавно в трактир Авдееча на Бабьем базаре». По одной из версий рынок прозван так потому, что там, на пограничных землях Руси и Дикого Поля, во времена татаро-монгольского ига продавались пленницы.

По нечетной стороне улицы мой путь лежит мимо большого деревянного дома с красивыми кружевными наличниками (дом №125). В советское время в нем находился кожвендиспансер. Это – бывшая усадьба нотариуса, потомственного почетного гражданина города Ельца Василия Ксенофонтовича Бар-

ченко. Выходец из купеческой семьи, он окончил юридический факультет Петербургского университета, после чего служил нотариусом в Елецком окружном суде. В.К. Барченко имел частную контору, вел нотариальные дела на дому. Его контора находилась в доме Богушевского по улице Мира (Торговая), где сейчас находится Центральная городская библиотека им. М. Горького. Об этом сообщает памятная доска, открытая на стенах библиотеки 2 сентября 2016 года. В этой библиотеке я работала последние 16 лет.

Сейчас в доме Барченко на бывшей Манежной располагается всем известная православная гимназия. Негосударственное общеобразовательное учреждение «Православная гимназия имени Свт. Тихона Задонского» было открыто в городе Ельце 1 сентября 1996 года. В комплекс православной гимназии входит часовня в честь Тихона Задонского с мозаичным изображением святого.

После перекрестка с улицей Ярославского улица Ленина круто спускается вниз к пойме речки Ельчик, притоку Быстрой Сосны. И с этого спуска открывается чудесная панорама женского Знаменского монастыря на Каменной горе.

И это только часть истории удивительной улицы Ленина, бывшей Манежной, где осталась каменная и деревянная историческая застройка, где практически каждый дом хранит свою историю...

Улица Маяковского

Следующей улицей Ельца, вошедшей в мою жизнь, стала улица Маяковского (бывшая Старомосковская). Ее протяженность – более трех с половиной километров. Известно, что наиболее древние улицы Ельца получили свое название по дорогам, шедшим в город, вдоль которых сложились улицы. Так появилась улица Старомосковская (Маяковского).

Начинается она от Вознесенского собора на Красной площади, сбегает к Валуйскому мосту через речку Ельчик, а затем долго поднимается вверх. Оттуда отлично просматривается панорама города.

Район города за мостом называется Черная слобода. С высоты улицы от нашего дома видны утопающие в зелени деревьев многочисленные крыши домов. Только улица Маяковского сначала еще видна, а потом скрывается в буйстве зелени.

В начале улицы много старинных деревянных и каменных домов, а потом они сменяются застройками советского времени. Поэтому и основные достопримечательности улицы находятся в верхней ее части до Валуйского моста и сразу за мостом.

Если идти по мосту в Черную слободу, то ближе к его концу внизу справа можно видеть удивительный деревянный дом XIX века с башенкой и флюгером (дом №54). Сразу за мостом слева фабрика картонно-бумажных изделий, а за ней старинный полуразрушенный особняк из красного кирпича – дом купцов Валуйских (Дмитрий и Николай Васильевич). Их помнят в Ельце и сейчас как известных кожевников и основателей пожарной команды. Память о них хранит мемориальная доска на здании пожарной части, установленная потомком купцов Валуйских – Николаем Николаевичем Валуйским к 850-летию Ельца, кото-

рая, как и каланча, напоминает о вкладе, внесенном представителями рода купеческого в развитие города и пожарного дела.

К слову сказать, старый мост, ранее официально именуемый Московским (улица Маяковского – Старомосковский тракт), получил название Валуйский в честь купцов-кожевников, вложивших много сил и средств в строительство моста. Мост спрямлял выезд из города на московское направление (старая московская дорога). Мост был арочный, из красного кирпича и был одним из древнейших арочных мостов Липецкой области.

На моей памяти в 1995 году движение автотранспорта по мосту было запрещено ввиду его аварийного состояния, начата реконструкция мостового перехода, включающего в себя железобетонный мост. В 1997 году мостовой переход, который завис над старым мостом, был открыт. Он стал шире и обеспечивает двустороннее движение по тротуарам.

Валуйский мост является историческим местом города Ельца. Он упоминается в «Кашеевой цепи» М. Пришвина; И. Бунин, любивший прогулки по Черной слободе, описывал мост в повести «Деревня», романе «Жизнь Арсеньева», рассказе «Поздний час».

Напротив дома Валуйских, занимая половину проезжей части улицы, – один из самых любимых ельчанами храмов города, легендарная церковь Черной слободы – Владимирская церковь (Храм Владимирской иконы Божией Матери): сначала деревянная (вместо храма Сергия Радонежского, что видно и по наличию в нем южного придела во имя преподобного Сергия Радонежского), а потом каменная, освященная в 1779 году. В 1809 году завершилась постройка колокольни, высотой около 40 метров. Владимирский храм обладал значительным числом почитаемых святынь, включая иконы Владимирской Божией Матери, «Утоли моя печали», Спаса Нерукотворного, а также старинное Евангелие, напечатанное во времена царя Федора Алексеевича.

Храм работал до 1937 года, пока не был расстрелян священник, после чего здание перешло под военные склады. В 1944 году церковь забросили, началось ее постепенное разрушение. Не раз ее пытались разобрать, снести. В 1971 году Владимирская церковь Ельца поставлена под охрану как памятник местного значения. Сам храм – древнейшая часть церкви – еще крепок, целы его своды, но колокольня и трапезная были полуразрушены, купол обрушился. Сейчас начато восстановление церкви.

Дальше по улице – одноэтажное длинное здание бывшей Елецкой начальной школы №4 (дом №64). В декабре 1941 года, как сообщает установленная памятная доска, «В этой школе учительница Ляшкова Варвара Филипповна спасла жизнь 33-м раненым красноармейцам». С 4 по 9 декабря, во время оккупации немцами города, прятала она их на чердаке школы, кормила, рискуя жизнью, приносила воду. За свой подвиг Варвара Филипповна была награждена орденом Красной Звезды.

Если идти от Валуйского моста к центру города, к Вознесенскому собору, то третьим от моста будет наш дом, в котором я постоянно живу уже более 40 лет. Это старинный дом с каменным первым и деревянным вторым этажом, что в дореволюционном Ельце не было редкостью. Окна первого этажа чуть выше

уровня земли, а пол – ниже. Когда точно построен дом, неизвестно. Семья Шеламоновых поселилась в этом доме в 1961 году. При ремонте, очищая чердак и кладовую от скопившихся у старых хозяев дома ненужных вещей, нашли два старинных бронзовых подсвечника. Клеймо на одном разобрать не получилось, а вот на втором стоит знаменитое клеймо братьев Большаковых с профилем Александра III и год выпуска 1882. Когда в доме вдруг отключают свет, в антикварных подсвечниках горят свечи, как когда-то в XIX веке.

Напротив дома – знаменитая Елецкая сапоговаляльная фабрика (дом №29), выпускающая редкую для нашего времени продукцию. Валенки – от сувенирных до гигантов – катают из натуральной шерсти вручную. Помимо классических белых и серых валенок, на фабрике делают валенки с аппликацией, вышивкой, валенки на резиновом ходу или со шнуровкой. По выходным проводят экскурсии. Из окна дома видно, как подъезжают автобусы с экскурсантами. Фабрика елецких валенок считается одной из достопримечательностей города.

До недавних пор тротуаров в нашем квартале не было. Только на противоположной стороне улицы до конца квартала сохранилась часть старинного плитуара. Частично покрытые землей и пробивающейся между плитами травой, плиты все-таки позволяли пройти даже в дождливую погоду. Когда года три назад вели дорожные работы по реконструкции дорожного покрытия, плитуар счистили, большие толстые плиты обтесанного известняка лежали стопами. Потом их куда-то вывезли. Было очень жаль, что уничтожили такую старину. Но теперь по обе стороны дороги тянутся асфальтированные тротуары. Ходить стало удобнее.

Здесь, на перекрестке улицы Маяковского и 9 Декабря (ранее Покровская), мои многолетние маршруты от дома до места работы расходились. По одному маршруту я продолжала путь уже по улице 9 Декабря, по другому маршруту – шла дальше по улице Маяковского.

Завершая знакомство с улицей Маяковского, где когда-то стучали колеса экипажа, увозившего юного гимназиста Мишу Пришвина в имение матушки, продолжим наше путешествие по Старомосковской улице. Не знаю, где еще можно вот так, за короткое время, что я шла на работу, прикоснуться к истории нескольких веков.

Пересекаем бывшую Покровскую улицу – улицу 9 Декабря, которая на века запечатлела дату освобождения Ельца от немецко-фашистских захватчиков. 9 декабря 1941 года Елец стал первым крупным городом, освобожденным от немецкой оккупации.

11 декабря 1941 года все газеты Советского Союза сообщили сводку Совинформбюро, в которой говорилось: «В первых числах декабря развернулись крупные бои в районе гор. Елец. Немецкие войска, сосредоточив значительные силы, потеснили наши части и захватили город. Войска Красной Армии Юго-Западного фронта, перейдя в контратаки, в течение 4 дней вели ожесточенную борьбу за город Елец. 9 декабря наши войска во главе с генерал-лейтенантом Костенко разгромили немецко-фашистские войска и заняли город Елец...». За этими строками Совинформбюро – пять дней оккупации Ельца, напряженная

борьба и доблесть жителей города. А Елецкая наступательная операция стала составной частью битвы за Москву.

Продолжая идти по бывшей Старомосковской улице, проходим мимо церкви Покрова Пресвятой Богородицы. В XVIII столетии приход Покровского храма был одним из самых многолюдных в Ельце. В результате перестроек середины XIX века храм стал одним из самых больших и величественных храмов города, а его пятиярусная колокольня на целое столетие стала высотной и градостроительной доминантой Ельца. Закрытие храма произошло после 1933 года, и в советское время Покровская церковь использовалась как складское помещение. В 1997 году здание Покровского храма передано церкви, и сейчас идут реставрационные работы на одной из самых величественных по размеру и архитектурному решению елецких церквей.

На церковь Покрова Пресвятой Богородицы смотрят окна необычного деревянного дома (дом №16). 10 сентября 2000 года здесь состоялось торжественное открытие единственного в стране дома-музея Т.Н. Хренникова. Большую помощь при создании экспозиции оказал сам композитор. В одном из своих интервью Тихон Николаевич сказал: «Это нонсенс, что при жизни мне открыли музей...». В экспозиции музея восстановлена обстановка того времени, когда здесь жил будущий композитор, размещены предметы, принадлежавшие Тихону Николаевичу: рукописи, клавиры, партитуры, книги с автографами композитора, фотографии, картины, грамзаписи, предметы обихода, сувениры из разных стран. Композитор никогда не забывал о своей малой родине – Ельце. Здесь, на крохотном подворье дома своей юности, а теперь усадьбы музея, в августе 2007-го он и похоронен.

На пути следования в самом начале улицы, на краю Красной площади, – памятник Елецкому пехотному полку, образованному Указом Петра I в 1711 году. Памятник установлен в 1996 году к 850-летию Ельца и представляет собой небольшую стелу черного цвета с георгиевским крестом, на котором есть вензель полка. Памятник венчает двуглавый орел. Елецкий полк участвовал во многих сражениях. Отличился и в Отечественной войне 1812 года, в сражении под Бородином он защищал Багратионовы флеши. Во время заграничных походов русской армии полк сражался под Лейпцигом, одним из первых вошел в Париж. В Крымской войне на Малаховом кургане стойко защищал Севастополь, во время русско-турецкой войны громил турок на Шипкинском перевале, В 1904 – 1905 годах участвовал в русско-японской войне. В 1895 году в Ельце для пехотного полка были построены «Красные казармы». Его упразднили в начале 1918 года.

Пересекая улицу Орловскую, ныне улицу Коммунаров, которая была местом прогулок Ивана Бунина, я шла по Красной площади с ее Вознесенским собором (архитектор Константин Тон) и часовней, памятным знаком и стелой («Город воинской славы»). Повернув на улицу Льва Толстого, я проходила мимо церкви Преображения Господня. А вот и библиотека (Центральная городская библиотека им. М. Горького), которая размещается в старинном здании со своей богатой историей.

Вот такие они две улицы Ельца – совершенно особого города, непохожего ни на какие другие российские города, города с богатой историей, которая запечатлена в каждом камне и каждой улочке.

Улица моего детства

«Здесь мои корни», «родные места», «отчий дом», «малая родина» – так говорим мы о месте, где родились. Любовь к нему впитывается с молоком матери. И куда бы ни забросила человека судьба, для него оно навсегда остается самым родным и любимым. Сюда рвется душа в трудные минуты жизни, сюда хочется вернуться...

Так случилось, что я совсем не помню то место, где родилась. Как и все семьи военных во времена СССР, мы постоянно переезжали, нигде особенно долго не задерживаясь. Мои первые детские воспоминания относятся к совсем другому месту, где мы тоже долго не задержались. Так и колесили по стране. Не успели родиться и окрепнуть, а уже рвалось чувство привязанности к очередному месту службы отца. Место же рождения навсегда осталось только записью в паспорте.

Но было тогда, в моем далеком детстве, особое место, встречу с которым начинала ждать с приближением лета. Там, на улице моего детства, стоял дом, полный удивительных вещей и тайн. Там всегда ждали и встречали с любовью. А сколько историй, связанных с этим домом и этой улицей, хранит моя память. Стоит только закрыть глаза, и вот я уже ТАМ...

Рабочий поселок, а потом город Каргат Новосибирской области расположен в центре Барабинской равнины на реке Каргат (приток Чулыма). Транссибирская магистраль делит эту крупную узловую станцию на две части. Улица моего детства – Красноармейская – на окраине, по другую сторону от центра. Огородами она выходит на железную дорогу. Днем и ночью, стуча колесами, мчат по ней составы. От старого железнодорожного вокзала вдоль железной дороги и через огород – самый короткий путь к дому, который когда-то своими руками построил для своей семьи мой дедушка.

В этом доме родился мой папа. Из этого дома в августе 1941-го дедушка ушел на фронт, а вернулся в мае 1945-го. Когда уходил, его провожали пятеро детей, а когда вернулся с войны, встретили уже четверо. 17-летним пареньком в декабре 1943-го из этого дома ушел на фронт старший дедушкин сын Миша, и пропал без вести в мае 1944-го.

Время шло, выросли дети, и с годами дом становится центром большой семьи, где все друг другу помогают и друг о друге заботятся.

Наверное, у каждого из нас есть такой дом, с которыми связаны детские годы. Фотография в одном из моих семейных альбомов, датированная седьмым сентября 1958 года, хранит память о моем первом приезде в этот дом. На ней тринадцать человек. Мне чуть больше года, и я – самая младшая – на коленях у мамы. В наш последний семейный приезд, когда по традиции собралась вся семья, за столом едва уместилось уже двадцать человек.

Выходцы из крепких крестьянских семей, ураганом революции насильственно вырванные с корнем из родной Пензенской земли и потерявшие все,

дедушка и бабушка в бытовом плане многое сохранили из старинного уклада своей прежней жизни, особенно в словах и названиях. Сейчас я это понимаю. А в детстве вполне естественно воспринималось, что дом – это не дом, а изба с сениями и горницей (две комнаты), с большой печью, красивым резным буфетом для посуды, большим сундуком, комодом, «красным углом» с бабушкиными иконами, что в клети стоит ларь, бабушкина красивая резная прялка (их на заказ делал дедушка), пахталка.

Крыльцо избы смотрело во двор с хозпостройками. Обустроено все по канонам зажиточных крестьян Пензенской области: сарай с погребом, летней кухней, дедушкиной столярной мастерской, местом для скота, навесами. Со стороны огорода – поленница дров на зиму. На улицу смотрели палисадник вдоль дома, высокий сплошной забор с калиткой и стена сарая с погребом. А вот окнами дом выходил не на улицу, как все другие дома, а на огород и железную дорогу.

Вся жизнь семьи летом проходила во дворе и в летней кухне. В избу заходили редко. Пока была маленькой, двор был местом игр и ожидания возвращения дедушки, которого я обожала, с работы. Не видела, но всегда чувствовала, стоило ему только открыть калитку в конце огорода. И тогда, бросив игрушки, бежала встречать. А потом, держа полотенце и кружку с бабушкиным квасом, топталась рядом, пока дедушка умывается, заглядывая ему в глаза, в ожидании гостинчика «от лисички» (пучок земляники или полевой клубники с подвявшими и местами раздавленными ягодками, или просто сухая корочка хлеба – самый вкусный хлеб в мире).

А когда мы, внуки, подросли, стали помогать бабушке в огороде, по хозяйству, на кухне (особенно когда собиралась вся семья). Бабушка без криков и приказов, а просьбами помочь что-то сделать, приучала нас к труду: прополоть грядки, полить огород, а потом из канавы, что тянулась вдоль всех огородов улицы, наносить воды в бочки для полива. А закончим – сорвет яблочек и горсточку даст. А яблоки непростые – ранетки. Одни мелкие, с современный рубль в диаметре, красные, кисловатые, мякоть плотная, белая. А другие – покрупнее, розовые, мякоть розоватая. Эти помягче и сладкие. Их больше любили. Как и обычные яблоки, они к концу лета созревали. Мы и полы мыли в избе и летней кухне, и в погреб спускались за банкой молока. А то даст бабушка в руки миску и отправит в курятник собрать яички, да строго-настрога накажет: если в каком гнезде сидит курица, ее не тревожить, а то нестись не будет. И творог с бабушкой делали, и картошку чистили. А когда дедушка драников любимых просил, тут надо было ведро картошки начистить, а потом натереть на мелкой терке. На любимые драники собиралась вся семья.

Особым был день приготовления сливочного масла. В старину сбивать масло обычно поручали детям, так как это несложная работа, не требующая большой физической силы и специальных навыков, но отнимающая много времени. Из клети приносилась пахталка (маслобойка), из подпола доставались банки с подкисшим молоком. Сливки (треть банки!) сливались и заливались в деревянный «стакан» высотой сантиметров 70-80 и диаметром сантиметров 20. Внутрь пахталки вставляли крестовину на палке, закрывали плотно деревянной

крышкой с пазами и отверстием для палки. Садись на табурет и, придерживая пахталку коленями, начинаешь работать крестовиной: шлеп-шлеп – вверх-вниз-вверх-вниз. Результат такого «шлепания» – сливочное масло и пахта, именно от этого слова и называли в старину такие приспособления – пахталки. Достанет бабушка комок еще мягкого свежего сливочного масла, отрежет кусочек, разомнет, какао-порошка добавит, сахарком посыплет, перемешает хорошо, снова комочек сформирует – и в холодный подпол. Это она нам лакомство делала – шоколадное масло. Вкусно, хоть и поскрипывает сахар на зубах.

Если же выйти за калитку, то окажешься на улице. Улица Красноармейская – улица не совсем обычная. Простая насыпная (чтобы в дождь вода стекала) укатанная дорога, никакого асфальта. По четной стороне, где наш дом (№56), номеров домов меньше (66). Нечетная сторона чуть-чуть длиннее, и нумерация почти в два раз больше (115).

С этой улицей связана семейная легенда. Когда в годы Великой Отечественной войны после тяжелого ранения в голову дедушка уже умирал, привиделась ему бабушка. Стоит она на дороге в самом конце их улицы, смотрит вдаль, где дорога теряется где-то далеко в Барабинской степи, и говорит: «Ларрион, возвращайся! Нам еще дочерей поднимать надо». И дедушка выжил...

А еще улица удивительна тем, что на ней в то время жила вся семья (кроме нас, конечно, как семьи кадрового военного). Кроме первого и главного дома дедушки, рядом – дом младшей папиной сестры тети Веры, дальше по улице по нечетной стороне дом старшей сестры тети Тани, а напротив жила ее дочь Люба, самая старшая из семи дедушкиных внуков.

Чуть дальше от ее дома большую площадь занимает Каргатская ЦРБ (Центральная районная больница). Много лет (43 года) Люба работала там акушеркой, а сейчас в приемном покое продолжают работать ее младшие сын и дочь. Их медицинской династии 85 лет общего медицинского стажа.

Если идти дальше, то будет поворот к школе, где учился и мой папа, к вокзалу, к центру. Еще дальше – поворот к реке Каргат, куда мы иногда ходили, но только в сопровождении взрослых. А в самом начале улицы – магазин. Мы не раз ходили туда с бабушкой, а когда подросли – бегали за хлебом по ее поручению.

Свое же первое путешествие по улице я совершила в первый приезд. Не знаю, как недоглядели взрослые и как я смогла открыть калитку, но, по рассказам взрослых, когда меня поймали, я одна направлялась к «тети Та».

Улица еще и место наших детских игр. Справа от калитки вдоль стены сарая длинная лавочка – место сбора окрестной детворы. Кто-то там жил, кто-то, как и мы, приезжал на лето. Днем мы там играли в разные игры с мячом, в «Испорченный телефон», в города, в другие игры на внимание, на угадывание, на поиск. Вечером взрослые выходили на скамейку ждать стадо. Мы, дети, крутились рядом. И вот оно появляется в конце улицы. Сытые и усталые коровы, овцы, козы с мычанием и блеянием растекаются рекой по всей ширине улицы. Своих мы знаем «в лицо» и смотрим, чтобы не прошли мимо дома. Такое иногда случалось, и тогда, лавируя между огромными животными, приходилось бежать за ними и возвращать обратно.

Взрослые уходили, а у нас начинались подвижные игры: лапта, «Штандер», «Море волнуется», «Казачи-разбойники». Напротив дома от дороги стояли дальше, и было где побегать и поиграть. А потом, подоив корову, меня звала бабушка, и я бежала в летнюю кухню, где на столе ждала большая кружка парного молока. Выпью молоко (единственная из всех внучек) и снова бегу на нашу игровую площадку.

Было недалеко за воротами таинственное место – ветбаклаборатория, как его все звали. До призыва там конюхом работал Миша, пропавший без вести в годы войны старший сын дедушки. Было интересно, что там происходит? Тетя Нина, которая там работала, жила в соседнем доме. И когда приехавший на лето ее внук похвалился, что видел там необыкновенных мышек, мы уговорили его попросить тетю Нину показать нам этих мышек. Единственный раз мы, дети, были там, за воротами. Сначала было страшновато, когда в больших стеклянных кубках на слое ваты увидели множество голеньких красных, розовых и белых, совсем крошечных и побольше мышат, которые копошились и пищали. Потом осмелели, начали трогать пальчиком, а потом и руки запустили. Они были такие маленькие, беспомощные и безобидные. Тетя Нина не сказала, для чего их выращивают, наверное, пожалела впечатлительных детей. Мышей я не люблю, но и не боюсь. По крайней мере, прыгать куда повыше с визгом и криком «Мышь!» я не стану.

Наши ежегодные поездки прекратились, когда мы с сестрой окончили седьмой класс (несмотря на разницу в возрасте, учились мы 10 лет вместе). Папу перевели служить в Заполярье, и два года летом мы летали в Ригу (тогда еще Латвия была одной из республик СССР), к родным мамы. Загорали и купались на Рижском взморье, чтобы набраться сил и здоровья перед долгой полярной зимой.

Вновь я попала на улицу моего детства после окончания первого курса Елецкого государственного педагогического института. За четыре года, что не была, все как-то изменилось. И потолок в избе стал ниже, и друзья наших детских игр выросли... Вот тогда дедушка впервые признался, что я его любимая внучка. Он никогда этого не говорил и ко всем внучкам относился одинаково, никого не выделяя, но в детстве мне так казалось, и очень хотелось, чтобы это было так. Ах, если бы знать тогда, что будет дальше!..

За несколько дней до моего двадцатилетия, 29 мая 1977 года не стало моего дедушки. Ему было 75 лет. Зная мое к нему отношение, мама испугалась, что во время сессии я сорвусь и улечу на похороны, поэтому письмо с печальным известием пришло, когда дедушку уже похоронили, и я зашлась в крике, перепугав своих соседок по комнате в общежитии...

А на улице своего детства, в доме, на могиле у дедушки я все же побывала, когда после окончания института по пути к месту работы в Бурятии мы с мужем на несколько дней сделали остановку в Каргате. Позже все порывалась поехать, строила планы, но... А потом 14 декабря 1989 года на 91-м году жизни умерла бабушка, дом продали. И хотя родных много осталось, но там сейчас все не так, как я помню (судя по фотографиям в Интернете). И многих из тех,

кого любила и помню, уже нет. Но все они, и улица моего детства, наш дом живут в моих воспоминаниях и снах...

Почти полвека я живу в Ельце. Город вошел в мою жизнь, когда мне едва исполнилось 16 лет и после окончания школы я приехала поступать в Елецкий государственный педагогический институт. Все самое важное и значимое, что происходит в жизни человека, у меня связано с этим городом. Елец определил мою судьбу, подарил возможность одно место на огромной Земле называть родным.

Но та улица в далекой Сибири, улица, на которой я играла с такими же юными девчонками и мальчишками в простые игры моего детства, наполняет меня теплыми воспоминаниями. И именно эту улицу я с гордостью называю улицей моего детства.

Мальчишки военной поры

Рассказ основан на реальных событиях декабря 1941 года.

Семейная история

Великая Отечественная война закончилась 80 лет назад, а память о ней живет до сих пор. И будет жить всегда. Пока мы будем о ней говорить и чтить память погибших на этой войне, пока мы будем помнить каждую семейную историю, каждую легенду. Сколько лет прошло, а мы снова и снова вспоминаем про те горькие годы.

Елец – город удивительный. Здесь все буквально дышит историей. О событиях прошлых веков напоминают многочисленные памятники и памятные места, старинные дома. История сохраняется и в названиях улиц.

Елец с гордостью носит звание «Город воинской славы», получив это почетное звание 8 октября 2007 года за мужество, стойкость и героизм жителей, проявленные в борьбе за свободу и независимость Отечества.

Эта земля обильно полита кровью врагов и защитников. Последний раз в истории города враг ступил на нашу землю в декабре 1941-го, сея смерть и разрушения. И сейчас, спустя восемь десятилетий, эти несколько дней декабря по-прежнему болью отзываются в памяти.

О Елецкой операции и освобождении Ельца написано много. О том, как это было, рассказали непосредственные участники и свидетели. Но с каждым годом редуют ряды ветеранов, уходят из жизни те, в чьей памяти сохранились детские воспоминания о войне – дети войны. Остаются их рассказы, которые хранятся в памяти их потомков и передаются из поколения в поколение.

Есть такие «военные» истории и в моей семье. Одну из них, которая произошла в декабре 1941-го в Ельце, я услышала более 40 лет назад от ее непосредственного участника.

Жили в Ельце довоенной поры три друга: Вовка, Колька и Ваня. Друзья не были ни хулиганами, ни драчунами, а были обычными мальчишками, какими и бывают дети в 10-11 лет.

Самым младшим в их троице был Ваня. Худенький, небольшого роста, кареглазый, с пышной шевелюрой черных, как смоль, волос и смешно торча-

щими ушами, он был заводилой всех их детских игр и шалостей. Его старшие и более крупные товарищи стояли за него горой и никому не давали в обиду.

Когда началась война, друзья, как и все мальчишки того времени, мечтали с оружием в руках защищать свою Родину. Но в армию их, конечно, никто не взял. А взрослые, зная характер ребят, пригрозили страшными карами, чтобы они даже не думали сбежать на фронт.

Когда в декабре 1941-го года немцы подошли к Ельцу, Ване было 10 лет, его друзьям уже исполнилось 11.

Жили ребята в той части города, где шли самые сильные оборонительные уличные бои на улицах Комсомольской, М. Горького и Советской (следующей за Советской шла улица Мира, где и жили ребята). Фашисты, потеснив наши части, ворвались в Елец. Враг рвался к переправе через реку Быстрая Сосна. На той стороне реки находился крупный железнодорожный узел. Елец был окутан дымом пожаров, сотрясаясь от взрывов.

Ваня (Иван Васильевич Шеламов) рассказывал, что во время боев они прятались в глубокой узкой траншее, которую выкопали во дворе дома. Было холодно и страшно. В минуты затишья пробирались домой, чтобы согреться.

В один из дней, сговорившись, наша троица ускользнула от внимания взрослых и отправилась на поиски Красной Армии. Мальчишки, хорошо знавшие эту часть города, мечтали стать разведчиками.

Короткими перебежками, прячась между домами, ребята двигались в ту сторону, где шел бой. Они были уже близко от цели, когда случилось непредвиденное: осколком разорвавшейся гранаты Ваню ранило в ногу. Истекая кровью, он упал на снег и потерял сознание от боли. Друзья, видя, что он не подает признаков жизни, с ревом «Ваню убили!» кинулись бежать обратно.

Расспросив перепуганных мальчишек, где остался лежать Ваня, за ним отправились его мать и старшая сестра. Трудно даже представить, что они пережили, пока искали Ваню (к счастью, он оказался жив) и несли его домой. Рану промыли и, как смогли, перевязали. Прятаться в траншею он не мог и оставался с матерью в доме.

Несмотря на оказанную помощь, рана постоянно кровоточила, началось воспаление. Все могло закончиться гангреной, но помог врач, немец. Нет, не из тех немцев, что пришли топтать нашу землю, а из обрусевших немцев – потомков специалистов-медиков, осевших на Руси во времена Ивана III, для которых Русь стала второй родиной. Жил он в соседнем доме, и к нему обратились за помощью.

К сожалению, я не помню имени того врача, который спас Ивану Васильевичу ногу. Ему, мальчишке, было очень больно, когда врач прочищал воспалившуюся рану. И пока немцы были в Ельце, он приходил каждый день, чтобы обработать ее и перевязать. А когда вскоре город освободили, удалось достать какие-то лекарства. Но рана упорно не хотела заживать. Потерявший много крови и ослабевший, Ваня мог только лежать.

Вовка и Колька не бросили в беде своего товарища, часто приходили, рассказывали какие-то свои истории, старались развеселить.

Летом врач посоветовал отправить Ваню в деревню, в Пальна-Аргамач, где жили дедушка и бабушка Вани. Свежий деревенский воздух, травяные отвары и настойки по рецептам врача сделали свое дело. Рана затянулась, мальчик окреп. Но на память о войне остался глубокий шрам на левой ноге.

Иван Васильевич после выздоровления вернулся в Елец, закончил семилетку, еще мальчишкой работал в артели по пошиву обуви, потом окончил курсы шоферов. Четыре с половиной года он прослужил в Морфлоте под Мурманском. После возвращения женился на своей Клавочке, которая ждала его из армии все эти годы, растил сына. Всю жизнь, до ухода на пенсию, Иван Васильевич проработал шофером: сначала на хлебозаводе, а потом в аварийно-диспетчерской службе горгаза. В семейном архиве хранятся его многочисленные грамоты, медаль к 100-летию со дня рождения В.И. Ленина и знак «Ветеран труда».

Иван Васильевич рано ушел из жизни, но до самой смерти никогда не пользовался никакими льготами за то ранение. Да и не было оно нигде зафиксировано. Когда немцы были в Ельце, было совсем не до справок.

Сейчас в Ельце много улиц, которые названы в честь героев-ельчан и освободителей города. Среди них есть улицы, названные именами юных ельчан – героев военных лет. При защите и освобождении Ельца от немецко-фашистских захватчиков десятки юных ельчан приняли участие в боевых действиях. Навечно вошли в историю имена тех, кто погиб, защищая родной город...

Не разорвись тогда та граната, многое в жизни Вани, Ивана Васильевича Шеламова, могло пойти по-другому. И одна из улиц Ельца могла получить его имя. Правда, тогда и моя жизнь пошла бы по-другому...

«Три : ноль» в пользу писателя

По словам Сергея Михалкова, все начинается с детства... Мое отношение к книгам, к писателям оттуда – из детства.

Для читателя с четырех лет книги стали друзьями, собеседниками, учителями, делили со мной радость и горе, заставляли смеяться, плакать, сопереживать, помогали разобраться в себе и понять окружающую действительность, стали моим вторым миром.

А писатели? О, писатели казались волшебниками, подарившими мне особенный мир, в который я погружалась и жила. Тем более что в детстве «вживую» писателей не видела, хотя где-то жили, творили, издавали книги писатели, которых сейчас называют классиками детской литературы.

И сейчас я воспринимаю и оцениваю прочитанное по тем чувствам и мыслям, которые вызвала книга, по эмоциональному отклику. В моей «Тетради записи прочитанных книг» («толстеньких», как их называли мои юные читатели детской библиотеки) совсем скоро появится «круглая» запись – 2800. Среди них есть любимые, которые перечитывала по нескольку раз, а есть книги, которые поразили, потрясли. В разное время, в разных жизненных ситуациях они вызывали мощный эмоциональный отклик.

Почему это происходит? Где-то читала, что, когда мы читаем художественную литературу, происходит удивительная вещь: наш мозг реагирует так, будто мы проживаем описанные события сами. Писателю остается только написать ТАК, чтобы читатель ПОВЕРИЛ в происходящее, создать мост между текстом и внутренним миром читателя. Причем, писателю необязательно самому присутствовать при тех событиях, которые он описывает. Используя фантазию, он может создавать события и людей.

Этому писателю за почти три десятилетия удалось трижды потрясти меня. И трижды я ему поверила. Человек-легенда, профессиональный писатель и журналист, столько всего испытавший за свою долгую жизнь и оставивший нам в наследство сотни очерков и статей, 101 книгу, Анатолий Борисович Баюканский в текущем 2025-м году мог бы отметить свой 100-летний юбилей. Увы, этого не случится. В апреле 2022-го на 97-м году жизни его не стало...

Так получилось, что, живя в одной области, практически по соседству, лично мы знакомы не были. И с творчеством Анатолия Борисовича Баюканского в полной мере я, конечно же, не знакома. Да и не удивительно: за 75 лет (а писать он начал еще до моего рождения) журналистом и писателем столько всего написано! Но все, что читала, – это, несомненно, талантливо, написано «с душой», живым образным языком.

Первое потрясение испытала более четверти века назад, когда читала роман в двух книгах «Черный передел». По сути, это было первое знакомство с творчеством писателя Анатолия Баюканского. В то время это была самая востребованная книга в библиотеке – книга, которая всегда на руках. Рейтинг зашкаливал, список желающих прочитать был длинным. В общую очередь на книгу записывались и читатели, и библиотекари.

Ни одна из книг не простаивала, потому что сразу две книги на руки не выдавались. Прочитаешь первую, и приходится подождать, пока освободится вторая. А в это время первую уже читают следующие по очереди. В большинстве случаев книги в библиотеке выдаются на 30 дней. Исключения составляют издания повышенного спроса – на 10 дней. Таким «исключением» и был роман «Черный передел». Но вместо положенных десяти дней библиотекари просили вернуть книгу раньше. Все понимали, почему, и старались прочитать побыстрее.

Получив долгожданную первую книгу, засела за чтение. Читала вечерами, до полуночи. Оторваться было невозможно. Прочла вечера за три. И не потому, что роман написан в остросюжетной форме, хоть и не в особо любимом мною жанре политического детектива, а из-за содержания. Спустя какое-то время прочитала и вторую.

В изданном в 1995 году романе описаны события 1982-1992 годов. В реальной жизни мы уже прожили эти непростые годы, когда все стремительно менялось: от руководства страной (Брежнев, Андропов, Черненко, Горбачев, Ельцин) и ее распада, до политических изменений и экономических реформ. Уже не было страны, в которой родилась (СССР распался в 1991-м), жизнь в стране отличалась от «брежневского» времени, шла крутая ломка привычного уклада жизни простых людей и переоценка ценностей. Мы на себе испытали,

что такое «перестройка» и «гласность». Не все в те сложные трудные годы было понятно и объяснимо, не все безоговорочно принималось, но это уже произошло, и мы жили, веря в то, что все наладится, что Россия, как это не раз бывало в ее истории, снова крепко встанет на ноги. Это, в общем-то, и произошло.

А когда читала тогда этот уникальный роман о «черном переделе» великой страны, как-то так получилось, что в голове все «разложилось по полчкам», все известные разрозненные и отрывочные события сложились в общую цельную картину. В своем политическом детективе, в котором (что удивительно) нет конкретных главных героев, писатель живо, образно и правдиво рассказал о развале Советского Союза и силах, стоящих у истоков этого развала, о реальных событиях того времени, о зарождении и развитии мафии, о потрясениях, крови и слезах. И даже повествование о личной жизни Брежнева, Горбачева, Ельцина не выбивались из общей картины. Умом понимала, что не мог Анатолий Баюканский так точно все это знать, не было его рядом с «сильными мира сего», но его повествование многое объясняло, вплетенное в канву реальных событий – становилось реальностью. В этом и заключается, на мой взгляд, талант писателя Анатолия Борисовича Баюканского.

Мы, читатели, можем верить или не верить в реальность происходящего в книге. Я – поверила.

Надо обладать особой писательской смелостью, прозорливостью и несомненным талантом, чтобы художественным словом рассказать читателям о том, что происходило и происходит с Россией. Этими качествами в полной мере обладал А.Б. Баюканский.

Для меня знакомство с романом «Черный передел» закончилось со счетом «один : ноль» в пользу писателя.

Со времени выхода романа «Черный передел» прошло двадцать лет. Россия во главе с Президентом РФ Владимиром Владимировичем Путиным выдержала и устояла. Эти годы мы прожили в достаточно сложных политических и экономических условиях, привыкали к новым рыночным отношениям.

В 2015 году писатель А.Б. Баюканский выдвигался на областную литературную премию им. И.А. Бунина за свой новый роман «Перстень Васиlake» (сейчас «Тайна перстня Васиlake»). Ко мне, к тому времени уже члену Союза журналистов России и Союза писателей «Воинское содружество», обратились коллеги-методисты Липецкой областной универсальной научной библиотеки с просьбой написать рецензию на книгу.

Я согласилась, но было одно большое «но» – книгу я не читала. По одной простой причине – в библиотеке ее еще не было. Обратилась с проблемой к сыну Анатолия Борисовича, который возглавлял нашу областную писательскую организацию. Выход был найден: Валентин Анатольевич прислал мне электронный макет книги. Вот его я и читала.

Роман «Перстень Васиlake», продолжение нашумевшего в свое время романа «Черный передел», также стал потрясением.

В доме тишина, вся семья спит, я сижу за кухонным столом, светится экран ноутбука. Я читаю...

Роман заворожил с первых страниц необычностью происходящего, некой мистикой, органично вплетающейся в реализм динамично развивающегося сюжета, наполнил ожиданием чего-то захватывающе-увлекательного. В полной мере это ожидание оправдалось.

Речь в криминально-приключенческом романе «Перстень Васиlake» идет не о раскрытии одного преступления, а об афере, в которой участвуют много стран. И не только об этом. Здесь и тайная деятельность новоявленных «хозяев» России, и напряженная работа особого управления МВД, которое занимается выявлением предателей в своих рядах, и приключенческий сюжет о хищнических промыслах морского зверя, и подлинные исторические факты, и быстрая смена места действия как путешествие по стране.

В отличие от романа «Черный передел», в его продолжении есть главный герой – пожилой писатель и журналист Банатурский (а не сам ли это автор?), от лица которого и написан роман. Он – одна из ключевых фигур операции, «глубоко задуманной лучшими российскими экспертами-криминалистами». Волею обстоятельств попав в центр новой европейской организации (евромафии), он помогает спецподразделениям в проведении крупной международной операции одновременно в нескольких странах.

Роман «Перстень Васиlake» читается легко, поражает необыкновенной глубиной. Напряженный сюжет вдруг прерывается размышлениями рассказчика, прибывшего на остров Кипр из «некогда великой страны, в которой продолжался малопонятный черный передел, из страны, где нельзя было поручиться, что утром проснешься живым и здоровым, где убийства, взрывы, похищения людей уже никого не удивляют», о «престиже новой России, с которой некоторые западные деятели перестают считаться»; о Небесном Отце и вере, о людях, «более хищных, чем звери», о писательском труде, о красоте природы и любви. Такое авторское сопровождение совершенно не мешает читателю. Наоборот, это помогает думать, анализировать, сопоставлять, делать свои выводы; позволяет лучше разобраться в происходящем.

Автор не копирует действительность, а творчески преображает. Она – «только сырье, из которого следует выплавить, извлечь настоящую правду искусства» (М. Горький). В этой правде и заключается сила воздействия романа.

Феномен чтения российского читателя заключается в вере писательскому слову. Я читала – и верила... И это «два : ноль» в пользу писателя.

Рецензию на книгу я, конечно же, написала, как и статью в местные СМИ. В городских газетах «Красное знамя» и «Елецкий вестник» она вышла в начале 2016 года под названием «Ахтунг! Ахтунг! Евромафия! Рецензия на книгу А.Б. Баюканского «Перстень Васиlake».

В 2015 году Анатолий Баюканский стал Лауреатом областной премии им. И.А. Бунина за роман «Перстень Васиlake».

Прошло еще десятилетие. И вновь потрясающая встреча с творчеством журналиста Анатолия Борисовича Баюканского.

Первая его статья, которая определившая его дальнейший путь в журналистике, называлась «Таежные робинзоны». Написана в 1947 году в бухте Де-Кастри у западного берега Татарского пролива, отделяющего материк от остро-

ва Сахалин, в качестве корреспондента военной газеты «На страже Родины». Она могла стать для молодого журналиста и последней.

Сейчас прочитать ее можно в электронном журнале «Литerra» (Выпуск №3, май-июнь 2025 г.) под названием «Ищи в тайге робинзонов. Невероятная история». Когда села читать (онлайн), не оторвалась, пока не дочитала до конца.

Казалось бы, такого просто быть не могло: советские солдаты фактически забыты командованием на огневых точках «глубокоэшелонированной системы обороны» в тайге во время Великой Отечественной войны. Но так, действительно, случилось.

Зимой, когда бесконечная пурга отрезала на долгие шесть месяцев бухту Де-Кастри от «большой земли», от внешнего мира, сержант Толя получил первое журналистское задание от редактора газеты: взять лыжи, карабин, патроны, сухой паек на неделю и «отправляться на поиски робинзонов».

И отправился молодой журналист зимой один в тайгу, рискуя погибнуть, «ухнуть» в залив, потому что понимал, что «газета должна выходить и во время пурги, и во время землетрясений. И читателю абсолютно нет никакого дела до того, откуда корреспонденты возьмут материал для очерков, рассказов, зарисовок. Да не просто материал, чтобы «забить» полосы, материал должен быть еще и интересным».

И ведь дошел, и нашел, и трое суток провел с «робинзонами» в каменном мешке, официально именуемом огневой точкой №36 де-кастринского «УРа». Эти каменные норы на семь-восемь солдат в прибрежных скалах вдоль побережья Татарского пролива вырубил заключенные. Так случилось, что о нескольких точках забыли на долгие годы. Там журналист «с нежностью оглядывал эти огрубелые лица, людей, которым пришлось почти по восемь лет просидеть в этой «келье», отрезанными от внешнего мира. О, это были большие и наивные дети! Не жаловались на судьбу, не кляли начальство».

Эта невероятная история написана таким образным языком, что, читая, представляешь все, что видел молодой журналист, а все его мысли и чувства пропускаешь через себя. «Неужели можно забыть о двух тысячах красноармейцев, что живут на огневых точках, как прокаженные? На восемь лет людей замуровали в скалы вдали от цивилизации, от радио и телефона, от библиотек и кинотеатров, вдали от простых солдатских бань и столовых».

Вернулся Анатолий Баюканский в Де-Кастри с тремя школьными тетрадями, исписанными вдоль и поперек, написал свой репортаж, редактор его прочитал и («но когда-то я должен сказать правду») решительно начертал резолюцию: «В печать!». Не показав статью начальнику политотдела.

Что было потом в то время, догадаться легко. Конечно, весь тираж газеты изъяли, редактора увели, молодого журналиста на 15 суток отправили в тюрьму для ослушников. А могли, должны были посадить... Редактора-то, отправившего репортаж в печать, посадили...

Вот такая потрясающая во всех смыслах история. И уже «три : ноль» в пользу писателя.

«Писательский труд – комплекс данных свыше качеств, умение по-своему мыслить... внутренняя раскованность... и, конечно, ежедневное, ежечасное желание и потребность сочинять, чувствовать вдохновение», – делится в романе «Перстень Васиlake» секретами творчества писатель Банатурский. Но эти мысли вложил в него автор – Анатолий Борисович Баюканский. Эти качества и сделали его, талантливого писателя и журналиста, одним из самых читаемых авторов не только в России, но и за рубежом.

Шиянова Галина Владимировна
Белгородская область

«Нам дорог военных не забыть...»

Михаил Тверитинов – поэт-фронтовик

Михаил Денисович Тверитинов – поэт, член Союза журналистов, наш земляк.

Родился 22 июля 1926 года в селе Солдатское Ракитянского района Курской, а ныне Белгородской области, где и прожил почти весь свой нелегкий век. Он родился в крестьянской семье, накануне Михайлова дня, и потому получил имя Михаил. Годы жизни Михаила Денисовича пришлись на важные исторические периоды в истории нашей страны.

В 1934 году Михаил начал учиться в сельской школе, и учеба давалась ему легко. В июне 1941 года он с отличием окончил семилетку и поступил в Готнянскую среднюю школу. Однако вскоре с запада надвинулась черная туча войны, и его надеждам не суждено было сбыться.

С октября 1941 по апрель 1943 г. пришлось жить в оккупированном немецко-фашистскими захватчиками селе, увидеть и испытать «новый немецкий порядок». Для устрашения людей гитлеровцы сразу же расстреляли двоих односельчан – А.И. Голева и Т.В. Кофанова, забирали продукты, угоняли молодежь в неволю.

Именно в эту сумрачную пору у Михаила зародилось странное желание писать стихи. И он писал, изливая в них состояние своей души. В нем жила вера в победу Красной армии, в светлое будущее наших людей. В марте 1943 года в селе появились наши родные краснорозетные бойцы. Завязался жесточайший бой. Село переходило из рук в руки. Сельчанам пришлось эвакуироваться в село Бобрава. Огнем боев родное село Солдатское было выжжено дотла. В это время Михаил вступил добровольцем в ряды нашей армии. Некоторое время находился в обороне у своего же села. Ему тогда шел семнадцатый год.

Михаил Денисович вспоминает, как в родном селе, которое в годы войны стало фронтовым, под обстрелом пекла ему бабушка ржаной хлеб в дорогу:

И все же хлеб был с горем испечен
И в вещмешок уложен был как надо,
И я слышал жалкий бабий стон:
«Храни, Господь, от пули и снаряда».

Через некоторое время Михаила направляют в Горьковскую область – на обучение в город Сергач. Здесь он получил от матери весть о гибели отца на фронте.

И молодому сердцу стало туго,
Но я слезы при всех не уронил,
а, лишь уйдя в казармы дальний угол,
Там плакал и отца похоронил.

После учебы Тверитинов Михаил Денисович уехал на фронт. С боями прошел Украину, Польшу, большую часть Германии. Особенно жаркими и кровопролитными были бои на Сандомирском плацдарме за Вислой.

Там, на Сандомирском плацдарме, в армейской газете «Вперед на врага», было напечатано его первое стихотворение «Отомстим». Оно начиналось так:

Мы на запад идем, чтоб судить палачей,
Привести приговор в исполнение,
Ни один не уйдет из берлоги своей,
Не спасется от нашего мщенья.

На Сандомирском плацдарме Михаил Денисович встретил своего односельчанина и школьного товарища Афанасия Агаркова. Друзья были очень рады увидеться! Оказалось, что они сражались на фронтах войны в одной воинской части – 17-й Гвардейской механизированной бригаде, которая входила в состав 4-й танковой армии генерала Лелюшенко.

12 января 1945 года Первый Украинский фронт начал наступление. Вскоре Михаилу Денисовичу сообщили о гибели его земляка Афанасия Агаркова в одном из кровопролитных сражений.

В начале февраля 1-й мотострелковый батальон переправился через реку Одер. На левом берегу завязался бой, и в первую же ночь батальон овладел городом Кебин.

Михаил Денисович был десантником, и его подразделение совершало глубокие рейды на танках в тыл противника. Сначала он командовал отделением танкового десанта, а на Одере, когда его командира ранило, принял на себя командование взводом.

За форсирование этой памятной реки Михаил Денисович был награжден орденом Боевого Красного Знамени. Этот момент он запечатлел в стихотворении «Переправа».

15 февраля 1945 года в ожесточенном бою при взятии немецкого населенного пункта Михаил Денисович был ранен вражеским осколком и отправлен в госпиталь. В госпиталях он провел пятнадцать месяцев и пережил пять очень серьезных операций. От смерти был в прямом смысле на волоске. И все-таки выжил:

Я знал, земля не будет пухом,
мне жить хотелось в гуще дел,
И силой собственного духа
я смерть свою преодолел.

В мае 1946 года возвратился инвалидом войны 2-й группы. Страшное разорение увидел в своем родном селе. Уцелевшие сельчане ютились в землянках, примитивных избушках, построенных из жердей, принесенных на себе из лесу. Пахали на коровах, сеяли вручную, убирали так же. Если сравнивать то время с нынешним, можно до слез восхищаться тем, как высоко поднялась страна в материальном и культурном отношении. Дома Михаил Денисович с горечью узнал о школьных товарищах, павших на фронтах за нашу любимую Родину.

По мере своих сил он вместе с односельчанами работал в колхозе, пахал на быках. Наблюдая за людьми, он видел, как они стойко переносят трудности ради светлого будущего.

С 1947 по 1953 г. Михаил Денисович занимал должность начальника почтового отделения связи. В 1953 г. его избрали секретарем сельского Совета, а в 1963 г. – председателем исполкома Солдатского сельского Совета, где он трудился до 1985 года.

За военную службу Михаил Денисович был награжден орденом Отечественной войны I степени и множеством медалей. Спустя 45 лет после сражений на Висле он получил медаль «За боевые заслуги».

С 1952 года стихи Михаила Денисовича постоянно печатались в районной газете «Знамя коммунизма». Сила его стихов кроется в их народной основе и национальном духе. Они замечательные, их нужно читать неспеша, вдумчиво вчитываясь в мелодичные строки, чтобы созвучья проникли в самую глубину души и нашли там свой отклик.

В мае 1991 года поэт написал в честь погибших земляков стихотворение «Вернулись».

Отчизну заслонив собою,
Давно polegшие в бою,
Вернулись ныне с поля боя
Бойцы за Родину свою.
Хранимый памятью народа,
Как самый скромный в жизни дар,
Героев список поименный
Вознес, скорбя, мемориал.

М.Д. Тверитинов успел увидеть свои стихи, вышедшие в двух сборниках – «У солнца под крылом» (1992) и «Испытание жизнью» (1993). Его стихи вошли и в «Антологию современной литературы Белгородчины» (1993).

Немало строк он посвятил селу Солдатское. Вот одни из самых пронзительных, откровенных. В них его вечное признание в любви к малой родине, милой сердцу Отчизне:

Ласкает майский ветер травы
С любовью трепетной юнца,
Шумят могучие дубравы,
Восходит запах чабреца.
Прекрасна ты, моя сторонка:
Чарует соловьиный свист,
И голос жаворонка звонкий
На тонком лучике повис.
Под этим небом синим-синим
Идти легко, приятно мне
И слушать песню о России,
О милой сердцу стороне.
Увидишь все – невольно ахнешь,
Загадочно проговоришь:
«Здесь русский дух, здесь Русью пахнет»,
– И вечность жизни ощутишь.

Село Солдатское дало нам не только несравненного поэта, оно – родина двух Героев Советского Союза – Петра Кирилловича Писклова и Василия Емельяновича Писклова. Михаил Денисович лично знал Василия Емельяновича, встречался с ним, когда тот приезжал в родные места. Герою поэт писал о своих впечатлениях, о встрече, которая была в 1972 году.

Спасибо Вам, что помните о нас.
Для солдатчан приезд Ваш праздник вроде.
Живет любовь великая в народе
К герою, кто страну от смерти спас.

Ценностные ориентиры Михаила Денисовича Тверитинова не потеряли актуальности и в наши дни, его творчество заслуживает нашего внимания. Слог поэта объединяет легкость и отрывистость, искренность. Михаил Денисович стал одним из тех писателей, чье творчество нужно не просто знать и ценить, его надо изучать на уроках по краеведению. Поэт-фронтовик, патриот, своей поэзией он обогатил историю своей малой родины.

В средней общеобразовательной школе села Солдатское Ракитянского района есть школьный музей. В зале боевой и трудовой славы собран большой материал о жизненном пути поэта и все его стихи. Библиотека села Солдатское носит имя М.Д. Тверитинова.

Под родительским кровом – восемнадцать кровиночек

В ноябре 2017 года, в традиционный День матери, на одном из самых красивых домов села Калда торжественно открыли памятную доску. Она свидетельствует о том, что тут же, в небольшом калдинском домике по соседству, жили супруги Шарафетдин Якубович и Бибисырул Шакировна Ходовы, а с ними – восемнадцать детей.

Когда началась война, отцу было тридцать три года. В армейский строй он не встал, его фронт проходил через торфяные болота, что в Майнском районе. Суконная фабрика поселка Игнатовка работала в две смены без выходных. Котельная продолжала питаться дровами да торфом, а торф добывали на болотах.

Шарафетдин в юные годы был активным комсомольцем, одним из организаторов калдинского колхоза «Верный путь». И здесь, в коллективе торфопучастка, он опять оказался на первых ролях – распорядитель работ.

Трудности – невероятные. Был дефицит транспорта для доставки топлива к фабрике, даже самого привычного – в одну лошадиную силу. Порой не хватало рабочих рук. И тогда командир производства Ходов брался за самую черновую работу.

Ох, и трудна же эта работа – добывать торф, стоя по колено в воде. Никакой техники; у резчиков – топоры, всякие клинья, у носильщиц – сплетенные местными умельцами корзины. Звено за смену должно было выдать на-гора тысячи торфяных кирпичей. Каждый такой брусок, еще сырой, не высушенный, весил до тридцати килограммов.

Работал Шарафетдин и в колхозе. А когда потребовалось создать сельскую пожарную службу, это дело поручили ветерану-торфодобытчику. Он и открывал в Калде пост профессиональных огнеборцев.

Мать поначалу работала в колхозе. А как вышла за Шарафетдина, так и пошли заботы о детях. О семи, десяти, восемнадцати. Разве это не подвиг?.. Настоящий материнский подвиг!

Ходовы-младшие родились, подрастали в разные периоды нашей отечественной истории. Гадиля, Галия, Сафия, Равиль – дети довоенного времени. Камиль, Раися, Наиля, Аниля, Дамир, Батыр, Ринат – из сороковых и пятидесятых. Детство многих юных калдинцев в те годы было тревожным, босым и голодным. Ходовы уже подростками начинали работать в колхозе. Да только небогатым был тогдашний колхоз, выручал частный огород.

Раиль, Равза, Марат, Луиза, Равиль, названный в память о погибшем в дорожной аварии брате, делали первые шаги по калдинской земле в более благополучные, сытые шестидесятые годы. И, наконец, еще два дорогих подарка родителям – «семидесятники» Ильдар и Дания.

Выросли дети. Получили хорошее образование. Каждый третий при высоких должностях. Они живут в Средней Азии, в Самарской области. Жить и трудиться на ульяновской земле, в том числе в Калде и рабочем поселке Старотимошкино, решили восемь братьев и сестер.

Равиль пошел по коммерсантской стезе. Начал с хлебопекарни и пилорамы. Выпускаемые его мини-цехом изделия расходились в родном селении и в соседних. Когда в девяностые годы в больницах района было трудно с продуктами, отсюда хлеб поступал к больничному столу. Безвозмездно. На лесопилке калдинцы могли разработать древесину. Отходами этого производства Ходов делился со школой и прочими учреждениями.

В 1997-м он получил землю. Образовалось крестьянско-фермерское хозяйство «Шатлык», что означает «Радость». К первому наделу фермер постепенно прибавлял по сотке, по гектару. Ныне в его хозяйстве три тысячи гектаров. По итогам 2014 года его имя было занесено на Доску почета «Лучшие люди агропромышленного комплекса Ульяновской области». Награды – за производственные показатели, за участие в сельскохозяйственных ярмарках, за поддержку спортивного движения.

На районном национальном празднике Сабантуй-2023 опять была награда. Тогда же отметили брата Батыра с сыном Русланом. У них в окрестностях Калды без малого тысяча гектаров пашни; выращивают зерновые и технические культуры.

С агропромом связан и Марат Шарафетдинович. Живет в селе Кинель-Черкассы Самарской области. Он, генеральный директор, со своим немалым коллективом производит солидный ассортимент продуктов: хлеб, мука, крупы, макароны, молоко, кондитерские и прочие изделия.

Ходовы – народ глубоко верующий. Тот же Марат Шарафетдинович при помощи всей большой родни в Черкассах построил мечеть. Возглавляет тамошнее общество мусульман, предложил дать ему имя «Шарафетдин», в честь отца, значит.

Дания Шарафетдиновна живет в Сызрани. Супруг ее Ильгизар Ягфарович Сагдеев – главный имам города.

В Калде мечеть возвели в конце 19-го столетия. В пору богоборчества в ее стенах хранили хлеб, позднее пели и плясали под клубную гармонь. Храм восстановили, в это доброе дело внесли весомый вклад Равиль Шарафетдинович, его брат Батыр, другие Ходовы.

А что же третье поколение?.. Чем занимаются, каких вершин достигли?

Аниля Шарафетдиновна, посвятившая свои лучшие годы малышам-детсадовцам, поставила на крыло четверых собственных детей.

Барышцам более известен ее сын Рамиль – доктор филологических наук, член Союза российских писателей, Союза писателей Республики Татарстан, Объединения русскоязычных литераторов Финляндии, автор 5 поэтических сборников, 6 монографий, 5 сборников статей и др. изданий, более сотни публикаций об отечественной литературе и искусстве, лауреат региональных, всероссийских и международных конкурсов и премий. Будучи генеральным директором Академии народной энциклопедии и научным руководителем Международного инновационного проекта «Моя Отчизна», он много времени отдает краеведению. Одно из направлений названного проекта – подготовка, издание сборников научно-исследовательских, творческих работ. Наш земляк публикует в сборниках произведения различных жанров и самых разных авторов –

и профессионалов, и любителей. В одном из них за 2021 год, например, появился 90-страничный очерк о прошлом и настоящем рабочего поселка Старотимошкино.

Всего в коллективе Академии народной энциклопедии, возглавляемом Рамилем Шавкетовичем, трудятся более 30 специалистов по разным отраслям знаний, среди которых 6, не считая его самого, докторов наук, 13 кандидатов наук, видные деятели наук и искусств.

Книги, изданные Академией народной энциклопедии, рассылаются во все ведущие библиотеки страны. Впрочем, и сам руководитель этой организации, проводя свои творческие встречи в различных учреждениях (библиотеках, Домах культуры и др.), охотно раздаривает всем присутствующим книги – как те, автором которых он является, так и другие книги из своей личной библиотеки.

Поэтому нет ничего удивительного в том, что в библиотеках России и за ее пределами хранятся десятки книг Рамиля Шавкетовича. Они давно уже стали предметом внимания и изучения ученых и критиков. Отзывы о них появлялись не только в нашей стране, но и за ее пределами: в Беларуси, Финляндии, Израиле... «В стихах автора иногда проскальзывают есенинско-рубцовские мотивы. Но поэтическая традиция органично сочетается с индивидуальностью и собственным освоением образов», – так отзывался о творчестве уроженца калдинской земли член Союза писателей России Андрей Цухлов.

Рамиль Шавкетович проявил себя и как автор-исполнитель песен. В 2024 году увидел свет его сборник песен «Светлая. Мои песни», в которую вошло 34 песни автора. В 2011 году его песня о родной деревне «Приехать мне сюда пораньше бы...», автором текста и музыки которой является он сам, стала лауреатом 1 степени II Международного песенно-поэтического конкурса «Журавли над Россией» (номинация «Авторская песня о Родине»; Москва, 2011). В жюри конкурса были такие известные музыканты и поэты, как Андрей Дементьев, Александр Добронравов, Марина Девятова... А главный приз и диплом лауреата Рамиль Сарчин получал из рук председателя жюри конкурса Иосифа Кобзона.

Говоря о Рамиле Сарчине, нельзя не упомянуть следующие его достижения. Он обладатель гранта губернатора и правительства Ульяновской области (2007), премии Объединения русскоязычных литераторов Финляндии (Хельсинки, 2011), гранта "Учитель-исследователь" Министерства образования и науки Республики Татарстан (Казань, 2012), государственной стипендии Российской Федерации (Москва, 2014), почетной грамоты Министерства культуры Республики Татарстан (за вклад в развитие литературы; 2015), литературной премии журнала «Аргатак-Татарстан» (Елабуга, 2014), литературной премии им. Фатиха Карима (Республика Башкортостан, 2015, 2019), диплома им. Риммы Казаковой (Серебряный лауреат) в рамках Международного конкурса «Национальная литературная премия Золотое перо Руси – 2014» – за авторскую песню «Приехать мне сюда пораньше бы..» (номинация «Музыкальная») (Москва, 2014), дипломов Международного литературного конкурса «Русский Stil – 2014» (номинация «Поэзия»; Германия, Международная гильдия писателей), Международного многоуровневого конкурса имени де Ришелье (номинация «Поэзия»; Одесса, 2015); Серебряный лауреат Международного конкурса

«Национальная литературная премия Золотое перо Руси – 2014» за сохранение и развитие традиций русской литературной критики (номинация «Критика») (Москва, 2014), финалист Литературной премии им. О.Бешенковской Международной гильдии писателей (Германия, 2013), Национальной литературной премии «Поэт года – 2013» (Москва, 2014), II Международного Тютчевского конкурса «Мыслящий тростник» (номинация «Лучшее философское эссе»; Москва – Брянская область, 2014). Рамиль Сарчин также является победителем I Всероссийского инновационного общественного конкурса на лучший учебник, учебное пособие и монографию (в номинации «Лучшая научная монография» – за книгу «Лирика Роберта Миннуллина») (Киров, 2014), Международного музыкально-поэтического конкурса «Прикасаясь сердцем к небу» (номинация «Автор песен»; Астана, Казахстан, 2015), Конкурса солнечных поэтов «Итак, она звалась Весна!» (Москва, 2014), Литературного конкурса им. Д.Н. Садовникова (Ульяновск, 2002), Первого городского молодежного литературного конкурса (Ульяновск, 1997). Книга Рамиля Сарчина «Жизнь и судьба Фатиха Карима» ставшая настоящим бестселлером, заняла III место в Республиканском конкурсе Татарстана «Книга года – 2014».

Больших высот достигла и дочь Дамира Шарафетдиновича Ходова Айгель. Ее отец начинал трудовую биографию в родном селе, позднее переехал в Самарскую область. Серьезно занимался спортом. Он привел в спорт многих молодых людей, в том числе собственного сына. Ислам стал прекрасным самбистом.

Из всех спортсменов этого удивительно большого рода дальше всех пошла Айгель. В 2019-м ей, юной самарке, присвоили титул «Спортсмен года». Она стала мастером спорта. В 2023-м девушка успешно выступила на первенстве России по боксу и вошла в состав сборной страны.

В 2023 г. в Суздале состоялась матчевая встреча между командами России и США. Айгель Дамировна билась с Фердус Зиннат и уступила американке. Она продолжала тренировки в Эмиратах, в жарком городе Дубай, жила надеждой взять реванш. Так и произошло. Радостная весть пришла во все ходовские семьи в начале мая: Айгель взяла золото на международных состязаниях.

Ходовы четвертого поколения знают и чтут славную историю своих предков – близких и дальних. А как же иначе?.. Если нет памяти, значит, нет ни родства, ни сердца. А без этого люди – ничто...

***Юрьева Рената Рашидовна
Московская область***

Настроение Осени

(о сборнике Рамиля Сарчина «К сердцу подпусти»)

«Задумчиво прикрываю дверь поэтического мира Рамиля Сарчина, не закрывая ее, чтобы снова возвратиться».

Так я завершала свои впечатления от прочтения его книги стихотворений «Малости» в 2024 году. Мечты сбываются. И вот я снова с удовольствием возвращаюсь к самобытной поэзии Рамиля Сарчина, открывая его новую книгу с

уютным названием «К сердцу подпусти». Этой фразой автор доверительно обращается к читателю открыть свое сердце, и первый делает этот хрупкий шаг, подпуская и читателя к своему сердцу через свои стихи-размышления.

Поэта к сердцу подпусти –
И сразу же задышит стих!
А без души душа тиха –
Нет силы и на полстиха.

И веришь ему, и подпускаешь его к своему сердцу, и погружаешься в этот ранимый, трепетный мир души, в котором так много общего с миром своим.

И уже не удивляет оформление обложки с репродукцией иллюстрации Арины Гостевой к стихотворению Рамиля Сарчина «Уже ничего не растет...». На ней – тот самый неповторимый уют осени, который так располагает поразмышлять за чашкой чая, в том числе,

О том, что каждый медленно стареет,
И наступают времена утрат...

Грустно, но правда осени и жизни почти всегда грустна. Впрочем, именно этот осенний сплин и вдохновляет, как ничто иное, особенно когда видишь, как под вальс дождя кружатся листья. Когда, как наяву, видишь в туманных очертаниях окна, как

Береза посреди болота
В кругу тоскующих осин
Стоит, блистая позолотой, –
Как солнце, на ветру висит.

Осень в поэзии Рамиля Сарчина – постоянная и верная спутница. Она разная, как сама жизнь. И невозможно не восхищаться удивительными образами Осени Рамиля Сарчина.

Поразбросала осень листья-мелочи.
Не осень, а сплошной цыганский табор!

Отшелестели листья,
но местами
еще висят без смысла у окна
и так о стекла бьются,
отлетая,
что пробуждают ото сна.

Уже ничего не растет
На пустоутробной земле.

И желтый осенний листок
Распят на оконном стекле.

Живет в его осени и другая, не проходящая печаль. Вздогнуло сердце от непостижимой параллели со своей судьбой, когда читала строки:

Со смертью матери не стало понимания
И всепрощения души родной.

В начале сентября и «Мои же мысли только об одной...» И это тоже осень...

И еще одно соприкосновение судеб не может волновать меня, рожденную и выросшую в прекрасной Башкирии и посвятившей жизнь и работу Сибири. Тема двух родин всегда волновала меня, и снова у Рамиля Сарчина нахожу близкое:

Как чайка по реке черкнет крылом,
Так и печаль меня едва коснется.
Но все же – всюду до того светло,
Как будто в мире два сияют солнца.

Одно румянит неба синеву,
Другое блещет на души затоне.
И родин две, и завтра уплыву
От изначальной к новообретенной...

По Агидели белый пароход
Плывет неспешно к берегам столицы.
И жизнь моя, как Агидель, течет,
Волнами встреч и расставаний длится.

В светлом образе березы, которая часто встречается в стихотворениях Рамиля Сарчина, поэт видит не только символ Отчизны, но, прежде всего, «светлый облик жизни», которому срок – вечность. И этот свет ощущается в произведениях, несмотря на боль, живущих во многих из них. Более того, преодолевая свою боль, поэт поддерживает и читателя, как в этом – одном из наиболее понравившихся мне стихотворений:

...Ты владеешь этим – абсолютно –
Неизбежно это право – ЖИТЬ! –
Потому что солнечное утро
Повелело миром дорожить!

Ты владеешь – значит, обладаешь
Всем, что преисполнено теплом,
Хоть оно бывает и со льдами –
С этим вековечно мерзлым злом.

Все же верь, что проживешь на свете
Лишь лучами длящейся весной!..

Рамиль Саричн – и романтик, и реалист. Невероятно выразительны и многозначны его образы: пьяного прохожего с «поэтовой душой», часов, Музы, нарисованной двери «на глухой стене», голубя – «птицы Голубой небесной глубины»... И все-таки в одинокой и мятежной душе поэта побеждает романтика, любовь и вера.

И разве мы так невысоко созданы,
Что нам не оторваться от земли –
Как будто рождены мы не под звездами –
И не для звуков сладких и молитв?..

Близки по настроению стихи о любви. В них нет этого слова «любовь», но даже сильнее чувствуется она, вырываясь ярким и спасительным лучом из мрака одиночества и несовершенства жизни:

Там
Ты
Живешь
Божественной Царицей –
Моей высокой призрачной мечтой –
И вокруг Тебя созвездие искрится
И льется Свет, как солнце, золотой!..

Поэзия Рамиля Сарчина – лаконична, образна, искренна, порой беспощадна в своей правде. Ей веришь, как веришь поэту. Может быть, именно потому, что он живет в стихах и в мире,

Ни чьей-то не завидуя судьбе
И все на свете мирно принимая...

Пожалуй, это единственный способ достичь или хотя бы приблизиться к гармонии.

И еще один замечательный совет предлагает Рамиль Сарчин, и, уверена, что этот совет рожден на очень личном жизненном опыте поэта.

Мир – громада, и никто не лишен в нем,
Но, конечно же, всему-то есть пределы.

И тревожиться нам надо лишь о том,
Как за Вечность зацепиться добрым делом.

Тема родины, большой и малой, тоже вписывается в настроение осени своей щемящей грустью, светлой памятью, трогательной любовью и светлой верой.

Она тебе как обещанье рая
За все, кем был и не был на земле.
И нет ее желанней и милей,
Как нет ни ближе, ни родимей края. («Россия»)

Приехать мне сюда пораньше бы,
Когда горит костер оранжевый
Ракит знакомых над рекой,
Чтоб с небесами со всевышними
Я смог пропеть над каждой крышею,
Отбросив все раздумья лишние:
Я снова – со своей тоской!

Родина – это и твои родные, не зря эти слова объединены общим корнем. Посвящения поэта своим родным вызывают улыбку, тепло и... узнавание и своих родных.

Жизнь лишь тем светла и хороша,
Что в душе нуждается душа!..
Как бы было тягостно и хмуро,
Если б не было у нас Тимура.

Не менее прекрасны посвящения классикам, в которых раскрывается не только отношение к ним самого автора, но и новые грани их творчества.

Не хватает теплых слов Туфана*.
Он сестрой бы каждую нарек –
И березы с лебединым станом
На крылах его летели б строк.

Многие строки в стихотворениях поэта обладают магией, отточенностью и глубиной афоризма.

...Хотелось бы, чтобы расхожей ложью
Потомки не пятнали бы меня.

* Речь о татарском поэте Хасане Туфане.

Поэтов судьбы с феврялями схожи:
Короткий месяц, но весне родня!..

Неслучайно Рамиль Сарчин завершает свой новый сборник стихотворений размышлениями о роли поэта, его назначении и миссии говорить о высоком, сокровенном, о том, что по праву обладает нематериальной ценностью золота.

И славлю я то золото земли,
Что светится значением высоким,
Которое ничто не умалит
Под небом голубым, золотооким,

Как не иссякнет золото хлебов,
Вращенное руками золотыми,
И матерей великая любовь –
Золотосердая – мы живы ими!

Читая стихотворения Рамиля Сарчина, переживаешь много разных чувств: грустишь и радуешься, пленяешься и тоскуешь, вспоминаешь и размышляешь. И понимаешь, что

...Слову надо вовремя рождаться –
Опозданию
Оправданья
Нет!

Слово Рамиль Сарчина рождается вовремя и согревает сердце читателя, подпустившего поэта к себе.

ОБЩЕСТВЕННЫЙ И НАУЧНО-РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ
АКАДЕМИИ НАРОДНОЙ ЭНЦИКЛОПЕДИИ
(СОВЕТ АНЭ)

Сарчин Рамиль Шавкетович – председатель редколлегии, доктор филологических наук, генеральный директор Академии народной энциклопедии, научный руководитель Международного инновационного проекта «Моя Отчизна» (г. Казань, Республика Татарстан);

Абдуразакова Шекерханум Тагировна – кандидат исторических наук (г. Махачкала, Республика Дагестан);

Абрамова Наталья Олеговна – председатель Правления Детского благотворительного фонда «Открытые возможности» (г. Петрозаводск, Республика Карелия);

Абрамова Татьяна Алексеевна – председатель Российской Ассоциации библиотек и музеев Н.М.Рубцова, основатель и руководитель литературного музея «Николай Рубцов: стихи и судьба» в библиотеке им. Н. Рубцова, заведующий библиотекой №5 им. Н. Рубцова Санкт-Петербургского ГБУ «Невская централизованная библиотечная система», заслуженный работник культуры Российской Федерации (г. Санкт-Петербург);

Айдинян Станислав Артурович – действительный член Российской академии художественной критики, Европейской академии естественных наук, Международной академии современных искусств, заместитель председателя Южнорусского союза писателей, член ученого совета Литературно-художественного музея М. и А. Цветаевых (г. Москва);

Антошкина Екатерина Александровна – кандидат философских наук (г. Брянск);

Бендрикова Марина Михайловна – директор Российско-таджикского ГБОУ «СОШ с УИ-ОП в г. Турсунзаде им. Д.И. Менделеева», представитель Некоммерческой организации Благотворительного Фонда наследия Менделеева в Республике Таджикистан по проведению всероссийских мероприятий (Республика Таджикистан);

Бурундуковская Елена Викторовна – доктор искусствоведения, профессор Казанской государственной консерватории имени Н.Г. Жиганова (г. Казань, Республика Татарстан);

Вальченко Людмила Юрьевна – руководитель Евпаторийского отделения РОО «Союз писателей Крыма», член Союза писателей Республики Крым (г. Евпатория, Республика Крым);

Владимирова Лилия Михайловна – кандидат исторических наук (г. Нижнекамск, Республика Татарстан);

Волков Дмитрий Александрович – кандидат исторических наук (г. Кострома);

Газдиев Ахмет Исаевич – член Союза журналистов России, заслуженный работник культуры Республики Ингушетия;

Гуров Владимир Алексеевич – доктор исторических наук, профессор кафедры «История и философия» Тольяттинского государственного университета, профессор Академии военных наук РФ, член Российского исторического общества РФ, полковник запаса (Самарская область);

Дорофеева-Миро Татьяна Юрьевна – член Союза писателей Чувашской Республики, действительный член Чувашской народной Академии наук и искусств (Чувашская Республика);

Капранов Сергей Владимирович – доктор медицинских наук, врач высшей квалификационной категории (г. Алчевск, Луганская Народная Республика);

Карлюкевич Александр Николаевич – председатель Союза писателей Беларуси, директор, главный редактор Издательского дома «Звезда», главный редактор ежедневной правительственной и парламентской газеты «Звезда» (г. Минск, Республика Беларусь);

Килеса Вячеслав Владимирович – председатель РОО «Союз писателей Крыма», член Союза писателей России, Национального союза писателей Украины, Союза русскоязычных писателей Болгарии, Союза писателей Северной Америки; гл. редактор газеты «Литературный Крым», зам. редактора литературно-художественного журнала «Белая скала» (г. Симферополь, Республика Крым);

Ковтун Лариса Дмитриевна – старший научный сотрудник Феодосийского литературно-мемориального музея А.С. Грина, заслуженный работник культуры Республики Крым (г. Феодосия, Республика Крым);

Краснова Елена Анатольевна – член Союза художников России, профессор кафедры "Художественная керамика" Сибирского государственного института искусств имени Д. Хворостовского (г. Красноярск);

Кривошекова Наталья Викторовна – кандидат педагогических наук (г. Орск, Оренбургская область);

Мороз Ирина Анатольевна – кандидат исторических наук (г. Брянск);

Музафарова Дильбар Шарифовна – кандидат филологических наук (г. Подольск, Московская область);

Мушастая Наталья Викторовна – кандидат психологических наук (г. Новороссийск, Краснодарский край);

Плауде Виктория Феликсовна – старший научный сотрудник Государственного музея-заповедника «Царское Село» (г. Пушкин, Санкт-Петербург);

Подгорный Владимирovich Васильевич – доктор экономических наук, профессор кафедры экономики предприятия ГОУ ВПО «Донецкая академия управления и государственной службы при Главе Донецкой Народной Республики», председатель экспертного совета Центра инновационных технологий в экономике и управлении (г. Донецк, Донецкая Народная Республика);

Сагатчук Светлана Петровна – кандидат философских наук, ведущий методист МБУ «Городской культурно-досуговый центр» г. Волоколамска, доцент кафедры социально-экономических, гуманитарных и правовых дисциплин ФГБОУ ВО «Московский государственный университет технологий и управления имени К.Г. Разумовского (Первый казачий университет)», филиал в г. Волоколамске (Московская область);

Садко Людмила Михайловна – кандидат филологических наук, доцент; доцент кафедры русской литературы и журналистики УО «Брестский государственный университет имени А.С. Пушкина» (Республика Беларусь);

Саламатина Ирина Ивановна – доктор педагогических наук, профессор; декан факультета иностранных языков ГОУ ВО Московской области «Государственный социально-гуманитарный университет»;

Смеричевский Эдуард Францевич – кандидат философских наук, заведующий кафедрой истории и социально-гуманитарных наук ГОУ ВПО «Донецкий национальный медицинский университет имени М. Горького» (г. Донецк, Донецкая Народная Республика);

Тармаева Виктория Ивановна – доктор филологических наук, профессор, преподаватель Бурятского республиканского педагогического колледжа, профессор Бурятского государственного университета (г. Улан-Удэ);

Тугов Рамазан Галимович – кандидат философских наук, главный научный сотрудник, методист инновационно-методического отдела МБУК «Централизованная библиотечная система» г. Майкопа Республики Адыгея;

Хабибуллин Альберт Фагимович – член Творческого Союза художников России и Республики Башкортостан, заведующий Художественной галереей МБУК «Историко-краеведческий музей» Белебеевского муниципального района Республики Башкортостан;

Холодова Галина Ивановна – кандидат философских наук (Краснодарский край);

Цухлов Андрей Юрьевич – поэт, прозаик, член Союза писателей России;

Чернышева Лилия Анатольевна – кандидат педагогических наук (г. Брянск);

Шеламова Галина Николаевна – член Союза журналистов России, Союза писателей «Воинское содружество», председатель Елецкого отделения Липецкой областной общественной организации Союз писателей «Воинское содружество».

Международный издательский проект «АКАДЕМИЯ НАРОДНОЙ ЭНЦИКЛОПЕДИИ»

Международный издательский проект «Академия народной энциклопедии» направлен на изучение и популяризацию истории и культуры стран и их регионов, судеб и деяний соотечественников, привлечение к творчеству и научно-исследовательской работе, продвижение научных и творческих достижений, оказание научно-методической помощи и финансовой поддержки участникам проекта.

Основные направления проекта: проведение мероприятий, направленных на популяризацию научно-исследовательских, творческих, методических разработок; организация и проведение творческих конкурсов, научно-исследовательских конференций; продвижение лучших работ участников мероприятий проекта на творческих и научных сайтах, помощь в публикации в средствах массовой информации, в творческих и научных журналах и иных источниках; подготовка и издание сборников научно-исследовательских, методических и творческих работ, монографий, энциклопедий.

Мероприятия проекта: региональные, межрегиональные, всероссийские и международные конкурсы, фестивали, конференции; Международная Выставка инновационных достижений «На ВИДу»; издание сборника научно-исследовательских, методических и творческих работ «Моя Отчизна»; издание серии книг «Академия народной энциклопедии»; проведение мероприятий, направленных на популяризацию научных и творческих достижений участников проекта.

В рамках проведения мероприятий проекта среди его участников, руководителей работ, учреждений (организаций) определяются лауреаты премии Академии народной энциклопедии (с вручением диплома лауреата премии и ее денежной составляющей).

Более подробную информацию о проекте можно получить на его сайте <https://acnationenc.ukit.me/>

**МОЯ ОТЧИЗНА:
ИЗБРАННОЕ -2025**

Издательство «Перо»
109052, Москва, Нижегородская ул., д. 29-33, стр. 15, ком. 536
Тел.: (495) 973-72-28, 665-34-36
Подписано в печать 15.01.2026. Формат 60×90/16.
Бумага офсетная. Усл. печ. 13,75 л. Заказ 1089.